В. А. Маамяги

В ОГНЕ БОРЬБЫ

(КРАСНЫЕ ЭСТОНСКИЕ СТРЕЛКИ)

В. А. Маамяги

В ОГНЕ БОРЬБЫ

(КРАСНЫЕ ЭСТОНСКИЕ СТРЕЛКИ)

Москва
«Мысль»
1987

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:
доктор исторических наук Б. А. ТОМАН,
доктор исторических наук В Д. ПОЛИКАРПОВ

В книге использованы фотографии Г. А. ЦВЕТКОВА

М $\frac{0505030100\text{-}029}{004(01)\text{-}87}$ 72-86

ISBN 5—244—00059—4

© Издательство «Мысль». 1987

СОЗДАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТОНСКИХ ЧАСТЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ

На защиту Страны Советов

Россия в начале XX в. становится центром международного революционного движения. Великая Октябрьская социалистическая революция, прорвав фронт империализма и уничтожив в стране экономическую базу строя эксплуатации и социальной несправедливости, вывела трудящихся на дорогу социализма. Трудовой народ, возглавляемый партией большевиков, завоевал власть. Первое в истории человечества рабоче-крестьянское правительство выдвинуло великий лозунг мира между народами и устремилось к осуществлению принципов мирного сосуществования с зарубежными государствами. Первый декрет Советской власти — Декрет о мире — предложил всем воюющим правительствам и народам, втянутым в мировую войну, начать переговоры о заключении справедливого демократического мира, призвал покончить с империалистической войной, принесшей человечеству огромные лишения и страдания, голод и разорение.

Победа Октября открыла пути решения коренных проблем, вставших перед человечеством: о будущем обществе, о характере социального прогресса, о судьбах цивилизации, об устранении причин, ведущих к войнам.

Свергнутые пролетарской революцией эксплуататорские классы сразу же принялись собирать под свое крыло тех, кто стремился к свержению Советской власти и реставрации помещичье-буржуазных порядков. Опорой контрреволюции стали приверженцы монархизма, мечтавшие о восстановлении в России самодержавия, кулачество, чьим интересам с самого начала революции противоречили советские аграрные преобразования. Военное руководство белогвардейским станом приняли на себя генералы, офицеры и казачьи атаманы старой армии, среди которых преобладали те, кто стремился вернуть свои владения, собственность и привилегии, отстранить «чернь» от управления страной. Бóльшая часть старого чиновничества, обломки царской бюрократии, подавляющая часть духовенства тоже присоединились к «белому движению». Контрреволю-

цию поддерживали и мелкобуржуазные партии эсеров и меньшевиков, а также различного рода буржуазные националисты, представители эксплуататорских кругов из среды нерусского населения России.

Большинство населения всех национальностей — рабочий класс, трудовое крестьянство, беднейшие слои казачества, значительная часть солдатских масс — влилось в ряды защитников революции. В самом начале гражданской войны В. И. Ленин предсказывал: «Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа» [1].

Советские историки гражданской войны и военные эксперты категорически и справедливо утверждают, что без вмешательства иностранных держав — сил империализма — внутренние, местные контрреволюционные выступления не могли бы принять характера столь длительной и опустошительной междоусобной войны. Уже первые месяцы 1918 г. охарактеризовались вмешательством правительств иностранных государств во внутренние дела Советской Республики [2]. Империализм от «скрытой» формы интервенции, т. е. материальной и идейной помощи российской внутренней контрреволюции, переходит к открытой военной интервенции. Таким образом, говорил В. И. Ленин, «...война гражданская у нас... слилась с войной внешней в одно неразрывное целое» [3].

Объединение внутренних и внешних антисоветских сил привело к созданию такого мощного вооруженного контрреволюционного лагеря, какой до этого не противостоял ни одной революции. «...Руководителями, двигателями, толкателями в этой войне...» — указывал В. И. Ленин, — были империалисты [4].

Интервенцию в Страну Советов империалисты осуществляли отнюдь не из-за бескорыстных симпатий к так называемому белому движению в России или к буржуазно-националистическим идеям сепаратизма на ее национальных окраинах. Нет, менее всего их заботили интересы народов России, к какой бы социальной группе или национальности те ни относились. Они использовали и поддерживали только те силы, которые помогали им защищать интересы мировой олигархии империализма, ее всевластие,

всемирную систему колониального угнетения и финансового удушения гигантского большинства населения Земли.

Оккупированные интервентами территории России превращались в базы снабжения внутренних контрреволюционеров. Белые армии и контрреволюционные правительства поддерживались денежными средствами, оружием, боеприпасами, продовольствием. Империалисты вдохновляли, организовывали, ободряли и финансировали различные антисоветские заговоры и мятежи, направленные на подрыв и свержение Советской власти. Стремясь затруднить борьбу советского народа с контрреволюционными силами, они осуществляли блокаду советских портов, изоляцию сухопутных границ Страны Советов.

Советской Республике пришлось вести гражданскую войну в тяжелейших условиях экономической разрухи. Россия к концу 1917 г. потеряла в империалистической войне значительную часть своего национального богатства, валовая продукция сократилась к началу гражданской войны на 36,4% по сравнению с 1916 г.[5] Транспорт находился в состоянии расстройства, стране угрожал продовольственный и топливный кризис. Старая армия развалилась, полностью отсутствовала военная организация. «В условиях неслыханных экономических трудностей, — говорил В. И. Ленин, — нам пришлось проделать войну с неприятелем, превышающим наши силы в сто раз...»[6]

Война нанесла огромный экономический ущерб Советской Республике. Ежегодный национальный доход России перед первой мировой войной равнялся 101 руб. на душу населения, а по окончании гражданской войны — всего лишь около 30 руб.[7] Одна только интервенция и блокада нанесла Стране Советов ущерб, достигавший 39—50 млрд золотых рублей (все национальное богатство России до войны оценивалось в 150 млрд руб.). Военные действия, белый террор, болезни и голод унесли 8 млн человеческих жизней, в том числе погибло около 1 млн воинов Красной Армии.

Организатором победы в гражданской войне выступала Коммунистическая партия во главе со своим создателем и основателем Советского государства В. И. Лениным. Под его руководством в огне войны была создана революционная Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Советские командиры, талантливые полководцы новой армии победоносно громили бывших царских генералов и адмиралов, военных советников интервентов. Около половины

членов партии большевиков сражалось на фронте. Свыше 50 тыс. коммунистов пали непосредственно в боях.

Героизм Красной Армии, широкое партизанское движение увенчали историю молодой Советской Республики победной славой. Впервые в истории рабочие и крестьяне использовали для разгрома контрреволюционных сил диктатуру пролетариата. Достигнутая ими военная победа явилась и победой идей социализма над идеологией эксплуататоров.

Октябрьская революция, отметил XII съезд РКП(б) в апреле 1923 г., «разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии. Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля» [8].

Трудящиеся массы бывших национальных окраин дореволюционной России поддерживали борьбу русского пролетариата против вооруженной интервенции и экономической блокады Советской России, против сил внутренней контрреволюции. В Красной Армии сражались представители всех советских народов. Многие пришли в ее ряды добровольно.

В годы гражданской войны на ее различных фронтах сражалось до 10 тыс. эстонцев — представителей трудового народа, влившихся в ряды защитников революции. Часть из них вступила в Красную Армию добровольно, часть была мобилизована.

Формирование эстонских частей Красной Армии — коммунистических стрелковых полков началось в марте 1918 г. в Петрограде. До начала освободительного похода Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию в конце 1918 г. на территории Советской России было сформировано четыре эстонских полка. В ходе гражданской войны были сформированы новые полки. В марте 1919 г. все они были сведены в Эстляндскую стрелковую дивизию, вошедшую в состав Эстляндской армии. Летом 1919 г. дивизия переформировывается в Отдельную эстонскую стрелковую бригаду, которая в октябре 1919 г. вновь была развернута в Эстонскую стрелковую дивизию. В боях на Южном фронте она понесла большие потери, поэтому

в марте 1920 г. дивизия была расформирована, а ее личный состав влит в 46-ю стрелковую дивизию.

Воины эстонских национальных частей Красной Армии самоотверженно сражались против мятежного чехословацкого корпуса и белогвардейцев на Уральском фронте, против иностранных интервентов на Севере, против белоэстонских частей и армии Юденича на северо-западе, против белополяков под Даугавпилсом (Двинском), против деникинцев на Южном фронте, участвовали в подавлении кулацких восстаний, а также в разгроме банд Махно на Украине.

Нужно отметить, что эстонские советские патриоты служили не только в своих национальных формированиях, входивших в состав Красной Армии, но и в воинских частях и подразделениях, в рядах красных латышских стрелков. До 1000 эстонцев служило на флоте, в основном на Балтийском. Так, на крейсере «Богатырь» в 1918 г. насчитывалось 43 эстонца, все они были членами большевистской партии или сочувствовали большевикам. Служили эстонцы и в многонациональных воздухоплавательных частях Красной Армии. Рабочие эстонской национальности в Советской России и эстонские крестьяне-переселенцы в Сибири, на Кавказе, в Крыму участвовали в подпольной борьбе против белогвардейщины и в партизанских отрядах [9].

За боевые подвиги в гражданской войне орденом Красного Знамени, первым орденом, учрежденным ВЦИК РСФСР 16 сентября 1918 г., было награждено (по состоянию на сентябрь 1928 г.) около 15 тыс. командиров и бойцов Красной Армии, среди которых (по неполным данным) было 72 эстонца. Семеро эстонцев удостоены награждения этим орденом в тот период дважды [10].

Интересны их личности и судьбы.

Кадровый офицер бывшей царской армии А. Корк в 1914 г. окончил Академию Генштаба и стал участником первой мировой войны в чине подполковника. В июне 1918 г. Корк добровольно вступил в Красную Армию. Сначала работал в Оперативном отделе Всероссийского главного штаба, затем начальником штаба Эстляндской армии. С июня 1919 г. он командующий 7-й армией, с августа 1919 по октябрь 1920 г. командовал 15-й армией. За заслуги в разгроме похода армий Юденича и белоэстонцев на Петроград А. Корк в ноябре 1919 г. награждается приказом Реввоенсовета Республики орденом Красного

Знамени. Повторно этим орденом он награждается в июле 1920 г. — за успешные боевые действия против белополяков. Главком С. С. Каменев, отмечая заслуги А. Корка, сказал, что тот сыграл роль первой скрипки среди командиров Западного фронта. С октября 1920 по май 1921 г. А. Корк командовал 6-й армией. За взятие Перекопских и Юшуньских позиций, открывших дорогу в Крым, и за энергичное преследование врангелевцев, приведшие к быстрому занятию всего полуострова, командарм А. Корк был награжден Почетным революционным оружием со знаком ордена Красного Знамени РСФСР (эта награда присуждалась «за особые боевые отличия» высшим начальствующим лицам в действующей армии) [11].

И. Раудметс, сын крестьянина, не успевший окончить Тартуский университет, капитан царской армии, вступил в ряды советских воинов в марте 1918 г. Он формировал красноармейские батальоны в Луге, участвовал в подавлении кулацких восстаний. В качестве командира батальона, полка, а затем командующего войсками Вельско-Шенкурского боевого района воевал на Северном фронте. За умелое руководство полком и личную храбрость был награжден орденом Красного Знамени. За результативное руководство действиями 15-й дивизии при овладении 8 ноября 1920 г. Литовским полуостровом, что значительно облегчило взятие сильно укрепленного Перекопского вала, И. Раудметс удостоился второго ордена Красного Знамени. Его подвиги были воспеты в красноармейской песне.

Комиссар 27-й стрелковой дивизии А. П. Кучкин писал о Р. Сокке, командире 243-го полка: «Сокк — герой, каких мало. Смелый, бесстрашный, хороший военачальник. Весь в ранах. О нем и в штабе дивизии отзывались как о лучшем командире в соединении. Сокк — любимец полка» [12]. Боевые соратники подтверждают, что этот бывший эстонский рабочий был действительно отменно отважен. В ноябре 1919 г. он вступил в командование 3-й бригадой 27-й стрелковой дивизии, громившей войска Колчака. Приказом Реввоенсовета Республики от 28 января 1920 г. Р. Сокк удостоился ордена Красного Знамени «за доблестное и решительное командование частями вверенной ему бригады, выразившееся в стремительном наступлении вдоль линии железной дороги во время Омской операции с охватом г. Омска с южной стороны, чем обеспечивалось занятие города. С начала операции, с 12

по 16 ноября 1919 г., частями 3-й бригады захвачены колоссальные трофеи: около 4000 пленных, свыше 20 легких и тяжелых орудий, пулеметы, винтовки, снаряды (около 2 000 000), патронов несколько миллионов и другое военное имущество...»[13]. В должности командира стрелковой бригады Р. Сокк отличился при подавлении кронштадтского мятежа и награжден вторым орденом Красного Знамени.

Выходец из крестьянской семьи, член исполкома Петергофского Совета А. Пябус, вступивший в Красную Армию по партийной мобилизации в 1918 г., воевал на первых порах в рядах 12-го Новгородского стрелкового полка ротным политруком, а затем начальником команды пеших разведчиков полка. В 1919 г. он, будучи комиссаром батальона в составе 83-го стрелкового полка 10-й дивизии, за личную отвагу в боях при освобождении Гдова был удостоен ордена Красного Знамени. За мужество, стойкость и распорядительность в боях с белополяками в августе 1920 г. отмечен этой наградой вторично.

Слесарь-механик В. Тальвик имел возможность закончить лишь два класса сельской школы. Будучи призванным в старую армию, был произведен в прапорщики. В 1920 г. он служил в 53-м автобронеотряде на Туркестанском фронте, участвовал в штурме крепости Старая Бухара, за что был награжден орденом Красного Знамени; такую же высокую награду он получил за участие в разгроме банд махновцев.

Уроженец Нарвы, сын фабричного рабочего О. Торф начал свою трудовую деятельность на Путиловском заводе в Петербурге. Он отличился в составе рабочего партизанского отряда при защите Нарвы и Ямбурга в феврале 1918 г. и был направлен на курсы красных командиров. Торф вырос до командира полка, воевал на многих фронтах, где проявлял выдающуюся самоотверженность и храбрость. Он стал кавалером двух орденов Красного Знамени.

Сын сапожника из города Валга А. Тукс в составе кавалерийской бригады Г. И. Котовского участвовал в подавлении антоновских банд в Тамбовской губернии. За проявленные храбрость и бесстрашие в боях награждается орденом Красного Знамени. Вторично удостаивается этого ордена за мужество при подавлении остатков буржуазно-националистических банд на Украине. В приказе по войскам Киевского военного округа от 30 мая

1922 г. отмечалось, что в бою за село Звиздаль помощник командира взвода А. Тукс «первым бросился в шашки на укрепившуюся в селе группу тютюнниковцев и, несмотря на убийственный их пулеметный огонь, продолжал храбро сражаться, проявляя личную инициативу и способствуя быстрому вытеснению бандитов из названного села» [14].

В подобных самоотверженных действиях аккумулировал высокий революционный патриотизм лучших сынов Эстонии, с оружием в руках защищавших завоевания Великого Октября.

Историография истории эстонских красных стрелков

В. И. Ленин неоднократно в своих трудах, докладах, выступлениях, письмах обращался к вопросам, касавшимся непосредственно Эстонии. Он рассматривал состояние ее экономики, классовой борьбы, культуры во время событий Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции. Объединенные воедино, эти материалы дают яркое представление о важнейших событиях революционной истории Эстонии, содержат их классовую оценку, имеют концепционное значение. Именно В. И. Ленин является первым марксистским историографом Эстонии эпохи империализма, Октябрьской революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции. Его труды заложили методологическую основу эстонской марксистской историографии и одновременно служат историческим источником, особенно при изучении истории Эстонии конца XIX — первой четверти XX в.

Публикация сборников статей, освещающих историю эстонских красных стрелков, была начата в 20-х годах. В 1924 г. Эстонское кооперативное издательство в Ленинграде опубликовало на эстонском языке небольшой сборник воспоминаний ветеранов эстонских коммунистических полков. Авторы — А. Йеа, Р. Изак, Я. Пальвадре, П. Петерсон, И. Тамм, Э. Тейтер, А. Янсон-Янес и другие бывшие командиры и политработники Эстонской стрелковой дивизии Красной Армии — приурочили издание сборника к пятилетию освобождения города Орла от деникинцев, поскольку дивизия принимала непосредственное участие в боях за него, один из ее полков первым вступил в город. Этот сборник, носящий название «Эстонская дивизия» [15], содержит сведения о начальном периоде формирования эстонских национальных частей Крас-

ной Армии, о боевых действиях 1-го Таллинского эстонского коммунистического стрелкового батальона на Восточном фронте в 1918 г., об участии эстонских коммунистических полков в освободительном походе частей Красной Армии в Прибалтику в конце 1918 г., об участии Эстонской бригады в защите Даугавпилса в сентябре 1919 г. и боях Эстонской дивизии против деникинцев. Воспоминания написаны без изучения архивных материалов, но сведения, опубликованные авторами, ими подтверждаются, они достоверны.

Спустя 10 лет сектор исторических публикаций Союза бывших эстонских красногвардейцев издал еще один сборник воспоминаний на эстонском языке — «Красная гвардия и Красная Армия Эстонии в гражданской войне»[16], составленный пролетарским писателем А. Лукиным и А. Йеа. В его написании участвовали 32 автора — бывшие красногвардейцы, командиры и красноармейцы. Их воспоминания воскрешают историю создания вооруженных сил социалистической революции в Эстонии в конце 1917 — начале 1918 г. и их участия в гражданской войне. Значительный интерес представляет предисловие к сборнику, опубликованное от имени Комиссии истории КПЭ, работавшей в Ленинграде. Оно поднимает вопросы, представляющие интерес с точки зрения анализа и обобщения опыта создания вооруженных сил пролетарской революции и гражданской войны в Эстонии. Отмечалось, что сразу же после установления в октябре 1917 г. диктатуры пролетариата вопросам организации Красной гвардии в Эстонии, подбору и обучению ее кадров следовало бы уделить неизмеримо больше внимания, чем это было сделано на практике. Ведь угроза иностранной оккупации Эстонии существовала еще до начала немецкого наступления в феврале 1918 г. Следовало создать на ее территории законспирированные склады вооружения, подготовить верных революции людей для ухода в случае интервенции в подполье, с тем чтобы они развернули в тылу врага партизанскую борьбу. Сааремааское восстание трудящихся в феврале 1919 г. в белом тылу свидетельствовало, отмечали авторы предисловия, что условия для партизанской борьбы были налицо. В ходе освободительного похода Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию с военно-стратегической точки зрения было бы правильным усилить группировку войск, наступавших в конце 1918 г. на Таллин, за счет войск, идущих на Валгу и Ри-

гу, с тем чтобы после освобождения Таллина совместно развить наступление в южном направлении и освободить Латвию. Подобная постановка вопросов свидетельствует о стремлении советских историков уже в то время обобщить, осмыслить опыт событий гражданской войны в Эстонии.

В 20-х — начале 30-х годов в эстонских газетах, издававшихся в СССР, особенно в «Эдази» («Вперед» — орган эстонских секций ВКП(б)), журнале «Пролетаарне революциоон Ээстис» и в других периодических изданиях публиковались воспоминания ветеранов гражданской войны, представляющие значительный интерес для историков-исследователей. Вопросы истории гражданской войны непосредственно на территории Эстонии, в частности участие белоэстонцев в походах Юденича, уже в ходе самой войны анализировали в своих работах виднейшие деятели партии большевиков в Эстонии — В. Кингисепп, Я. Анвельт, Х. Пегельман и др.

С середины 1930-х годов дальнейшее изучение истории эстонского революционного движения в Советском Союзе приостановилось. Да и исследовать ее было уже некому.

Новый этап в изучении истории эстонских красных стрелков наступил по окончании Великой Отечественной войны. Подготовка и издание обобщающих марксистских трудов по гражданской истории и истории Компартии Эстонии стимулировали сбор, сосредоточение в архивах республики и изучение соответствующих документальных материалов, публикацию результатов исследования.

Наибольший вклад в изучение истории эстонских национальных формирований Красной Армии в период гражданской войны внес И. Типнер. Бывший младший командир 5-го Эстонского коммунистического стрелкового полка прослужил по окончании гражданской войны почти 30 лет на различных командных постах в Красной Армии, а в последний период своей жизни работал на ответственных постах в аппарате ЦК КПЭ. На основе изучения материалов Центрального государственного архива Красной Армии, Партийного архива Коммунистической партии Эстонии и других хранилищ документальных материалов, а также опубликованных источников И. Типнер издал в начале 1953 г. на эстонском языке монографию «Вооруженная борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть в годы гражданской войны» [17]. В книге

воссоздана история создания Красной гвардии в Эстонии, формирования эстонских национальных частей Красной Армии и их боевых операций по разгрому врага на Восточном, Северном, Западном, Южном и Юго-Западном фронтах, на которых в 1918—1920 гг. сражались эстонские красные стрелки. Но автор не имел возможности назвать имена многих видных организаторов и участников борьбы с белогвардейцами и иностранными империалистами. Книга не свободна от схематизма, ей присущи недостатки, характерные для книг по истории гражданской войны, изданных в годы проявления отрицательных явлений, порожденных культом личности. Позднее И. Типнер, привлекая новые материалы, на их основе дает уже более полную и достоверную картину истории участия эстонских частей Красной Армии в гражданской войне. Монография «В огне революции» (Таллин, 1964) вышла в свет уже после смерти автора и по сей день остается наиболее полным монографическим изложением истории участия эстонских национальных частей Красной Армии в защите завоеваний революции в годы гражданской войны.

Неоценимое значение для историков гражданской войны имел выход в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, содержащего новые документы о гражданской войне и иностранной военной интервенции, в том числе ленинские оценки политических событий и военных действий в Эстонии, борьбы трудящихся за выход белой Эстонии из антисоветской войны.

За последние два десятилетия советские историки и журналисты значительно пополнили библиографию истории борьбы трудящихся Эстонии на фронтах гражданской войны в рядах Красной Армии, многосторонне обогатив историческую науку важными сведениями и обобщениями. Крупный вклад в историографию гражданской войны в СССР внесли сборники документов «Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920)» и «Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922 гг.)» в четырех томах [18]. Эти издания содержат немало сведений о ходе борьбы частей Красной Армии в конце 1918 г. за освобождение Эстонии и о боевых действиях эстонских национальных частей Красной Армии на различных фронтах гражданской войны.

Крупным вкладом в советскую историографию явилась энциклопедия «Гражданская война и военная интер-

венция в СССР» (М., 1983), обобщившая достижения советских исследователей в этой области исторической науки за 60 с лишним лет. Наряду с отражением ранее опубликованных результатов, сведений и оценок эта книга содержит и впервые публикуемые. В нее включены также статьи, посвященные национальным формированиям и интернациональным частям Красной Армии. Часть статей отражает непосредственно историю борьбы трудящихся Эстонии за Советскую власть, их участие в защите завоеваний Великого Октября («Освободительный поход Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию. 1918—1919», «Эстляндская Трудовая Коммуна», «Эстляндская армия», «Эстонская стрелковая дивизия» и ряд других работ).

В 1959 г. Институт истории партии при ЦК КП Эстонии создал Комиссию истории гражданской войны в составе ее ветеранов А. Ильвеса, К. Кангера (председатель), Х. Лаура, Р. Маяка, А. Плукка, И. Типнера, содействовавшую интенсификации изучения истории гражданской войны и публикации ее результатов. Результаты работы комиссии были использованы при написании сотрудниками Института истории партии при ЦК КП Эстонии и Института истории Академии наук ЭССР двухтомного обобщающего труда «Революция, гражданская война и иностранная военная интервенция в Эстонии (1917—1920)», изданного в 1977—1982 гг. В нем доктор исторических наук Ю. Тайгро, опираясь на свою докторскую диссертацию «Борьба трудящихся Эстонии в период гражданской войны», дал обзор военных действий эстонских красных стрелков и на фронтах гражданской войны за пределами Эстонии. Весомый вклад в изучение проблемы внесла коллективная монография группы ученых — специалистов по новейшей истории Латвии, Эстонии и Литвы, опубликовавших в 1967 г. первый в советской историографии обобщающий труд о борьбе трудящихся всей Прибалтики за Советскую власть в 1917—1920 гг. Главным редактором этого труда выступил академик И. И. Минц[19].

Большой вклад в изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии, борьбы эстонского трудового народа в защиту Советской власти внесли академик Академии наук ЭССР И. Саат и член-корреспондент К. Сийливаск, а также доктора исторических наук А. Либман, М. Граф, доктор юридических наук

П. Вихалем, кандидаты исторических наук Х. Арумяэ, Э. Маттизен и другие исследователи.

Среди опубликованных в эти и последующие годы в Эстонской ССР работ прежде всего следует отметить издание документов, отражающих историю Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии, Эстляндской Трудовой Коммуны, сборник «Они защищали Советскую власть», содержащий биографии 36 видных участников гражданской войны, двухтомный сборник документов и материалов «Гражданская война и иностранная военная интервенция в Эстонии. 1918—1920», вышедший на эстонском языке в 1984—1986 гг. в издании Института истории Академии наук ЭССР, Института истории партии при ЦК КПЭ и ЦГАОР ЭССР, две книги О. Полетаева и А. Нугиса, содержащие очерки об эстонцах — активных участниках гражданской войны, награжденных орденом Красного Знамени, и авиаторах эстонской национальности, сражавшихся против белогвардейцев и интервентов, а позднее участвовавших в строительстве и укреплении советского воздушного флота — военного и гражданского [20].

С годами обогащалась и мемуарная литература. Особенно следует отметить сборник воспоминаний сорока ветеранов гражданской войны «С оружием в руках на защите Октябрьской революции», изданный в 1963 г. Институтом истории партии при ЦК КП Эстонии — филиалом Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Бо́льшая часть этих воспоминаний была опубликована ранее в различных изданиях. Интерес представляют мемуары бывших командиров эстонских частей Красной Армии К. Кангера «Воспоминания о боевых днях» (на эстонском языке), А. Ломбака «В пламени» (сокращенный перевод с эстонского на русском языке «Пламенные годы»), А. Фельдмана «В пути» (на эстонском языке), К. Ару «С родной артиллерией» (на русском языке) [21]. Не все они равнозначно ценны, но каждая книга внесла в историографию новые сведения.

Издание за последнюю четверть века вышеназванных сборников документов, исследований, обобщающих трудов, мемуаров позволяет воссоздать в целом уже ясно обозримую картину борьбы трудящихся Эстонии за власть Советов и вооруженной борьбы в ее защиту как в самой Эстонии, так и на многих фронтах гражданской войны за ее пределами — в Советской России. Эта картина свиде-

тельствует о восприятии пролетарским авангардом города и деревни ленинских идей и непреклонной воле революционных масс добиться проведения их в жизнь. Правда революционной действительности перечеркивает буржуазно-националистическую версию о том, что появление на политической карте мира в период между двумя мировыми войнами буржуазной Эстонии явилось якобы продуктом национально-освободительной борьбы эстонского народа. Временная реставрация капитализма в Эстонии стала возможной лишь в силу того, что в классовую борьбу в Эстонии вмешались силы международного империализма.

Учитывая значительное накопление советскими историками новых результатов изучения истории гражданской войны, а также то обстоятельство, что единственная монография, посвященная непосредственно истории эстонских красных стрелков (труд И. Типнера «В огне революции»), давно уже стала библиографической редкостью, да и тираж ее был невелик, ветераны эстонских коммунистических частей Красной Армии обратились к автору предлагаемой читателю книги с просьбой обобщить на основе уже опубликованных трудов и новых источников боевой путь эстонских красных стрелков, самоотверженно защищавших молодую Советскую Республику. Автор не счел возможным отказать в этой просьбе и воспринял ее как боевой приказ.

Октябрьская революция в Эстонии

Основная масса эстонского населения проживала до 1917 г. на территории двух российских губерний — Эстляндской и северной части Лифляндской. Постановлением Временного правительства России от 30 марта 1917 г. северные уезды Лифляндской губернии — Тартуский (Юрьевский), Выруский (Верроский), Пярнуский (Перновский), Вильяндиский (Феллинский) и Сааремааский (Эзельский), заселенные эстонцами, — вошли в состав Эстляндской губернии. В 1913 г. в пределах этнических границ Эстонии проживало 954 тыс. человек (до $^{1}/_{3}$ — в городах и поселках городского типа). В составе городского населения пролетариата насчитывалось около 200 тыс., к средним слоям населения городов (мелкой буржуазии) относилось примерно 112—113 тыс. человек, городской буржуазии было около 22 тыс.

Промышленность Эстонии накануне первой мировой войны давала 53% ее национального дохода. Удельный

вес промышленного пролетариата в составе населения в Эстонском крае был в 2 раза выше, чем в среднем по России. Нужно отметить высокую концентрацию здесь промышленности и капитала. Накануне Октября на промышленных предприятиях с числом рабочих 500 и более работало 87% фабрично-заводского пролетариата. На «Кренгольмской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре» в Нарве, «Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуре» в Таллине (Ревеле) и нескольких мелких текстильных фабриках работало в 1913 г. 18 200 рабочих; на Ревельском (быв. Беккера), Русско-Балтийском и Петровском судостроительных заводах в Таллине было занято в 1917 г. свыше 12 тыс. рабочих, в Таллинских портовых мастерских — 6 тыс. человек; крупными были также заводы «Двигатель», «Вольта», деревообделочная и мебельная фабрика акционерного общества А. М. Лютера и др. Основную массу рабочих Эстонии составляли эстонцы, среди них были и русские, а в годы мировой войны (когда Германия оккупировала Литву и часть территории Латвии) — латыши и литовцы. Крупные промышленные предприятия находились в руках русской, прибалтийско-немецкой и иностранной буржуазии. Эстонская национальная буржуазия была экономически еще слаба, ее сберегательные кассы, ссудные и кредитные товарищества играли в промышленности незначительную роль. Для эстонской национальной недоразвитой буржуазии, по образному выражению В. Кингисеппа, в то время запах навоза был милее каменноугольного дыма.

В сельском хозяйстве Эстонии было занято около 60% населения края. Деревню раздирали острые социальные противоречия. Сохранялись крупное феодальное землевладение и многие другие пережитки крепостничества; 58% используемого земельного фонда принадлежало помещикам, в основном немецким баронам (помещиков эстонской национальности не было). Эстонские крестьяне сильно страдали от нехватки земельных участков, что вынуждало многих из них искать землю и работу в русских губерниях, в Крыму, на Кавказе, в Сибири (накануне Октября за пределами Эстонии, в русских губерниях и городах, больше всего в Петрограде, проживало около 180—190 тыс. эстонцев). Однако 40% эстонских крестьян были полностью безземельными, а вместе с малоземельными и бедняками они составляли большинство сельского населения — 60%. Самой крупной буржуазной про-

слойкой в составе эстонской нации являлось кулачество. которое составляло около 12% эстонского населения, или 20% эстонского крестьянства. Этот костяк эстонской национальной буржуазии народ прозвал иронически «серыми баронами».

В результате двухсотлетнего развития в составе России Эстония была втянута в единую общероссийскую хозяйственную систему. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» показал экономическую общность прибалтийских и русских губерний [22]. Социальные противоречия, характерные для российского империализма, в полной мере проявлялись и во всей социально-экономической и политической жизни Эстонии. Они усугублялись двойным тяжким национальным гнетом — русификаторской политики царизма, которую продолжало и Временное правительство России, и национального угнетения, осуществляемого прибалтийско-немецкими баронами, пасторами и буржуазией.

Экономическая общность Эстонии с центральными районами России, усиленно укреплявшаяся в эпоху капитализма, породила и единство эстонского рабочего, а затем и революционного движения с общероссийской революционной борьбой, способствовала восприятию эстонским рабочим классом интернациональной идеологии многонационального пролетариата России, что убедительно доказала уже революция 1905—1907 гг.

То обстоятельство, что промышленный пролетариат Эстонии сложился как класс раньше, чем сложилась эстонская национальная городская буржуазия, способствовало быстрому освоению рабочим классом интернациональной идеологии. Слабость позиций национальной буржуазии и недоверие трудящихся к инонациональной немецкой и русской буржуазии, проводившим к тому же политику жестокого национального угнетения по отношению к коренному населению края, заметно ослабляли эффективность навязывания трудовому народу, особенно рабочему классу, идеологических норм, совпадавших с интересами буржуазии.

В еще большей мере процессу освоения идеологии интернационализма пролетариатом Эстонии способствовало возникновение в начале XX в. многонациональной социал-демократической организации, являвшейся частью ленинской партии. Характерной чертой ее членов был высокий по тем временам уровень грамотности. В. И. Ленин

справедливо назвал в 1918 г. Эстонию поголовно грамотной страной [23].

На развитии интернационального революционного движения в Эстонии благоприятно сказались близость важнейшего русского революционного центра — Петербурга, наличие в Таллине крупной базы Российского Балтийского военно-морского флота, дислокация на территории Эстонии накануне великих событий 1917 г. значительных сил 12-й армии Северного фронта (в октябре 1917 г. — до 200 тыс. человек).

В апреле 1917 г. численность эстонских большевиков составляла 2 тыс. человек. Они единодушно одобрили Апрельские тезисы В. И. Ленина и постановили неукоснительно ими руководствоваться. К концу августа численность большевиков в Эстонии увеличилась до 7 тыс. Поддерживая крепкую связь с революционным Петроградом и действуя в полном согласии с большевиками Балтийского флота и 12-й армии, они представляли собой преданную делу В. И. Ленина революционную силу.

Революционные трудящиеся Эстонии, особенно отряды красногвардейцев, возглавляемые большевиками, сыграли большую роль в разгроме корниловщины, задержав на эстонском участке Балтийской железной дороги 14 воинских эшелонов, намеревавшихся по приказу руководителей заговора двинуться на Петроград. На защиту столицы было направлено из Таллина три миноносца.

Начался процесс большевизации Советов. 27 сентября 1917 г. на пленарном заседании Таллинского Совета рабочих и воинских депутатов, Комитета Советов Эстонского края, полковых, ротных и судовых комитетов, Центрального и заводских советов старост и Центрального бюро профессиональных союзов представители революционных масс единогласно (при одном воздержавшемся) заявили о своей полной готовности поддержать переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Газета «Звезда» назвала принятие этого решения «ошеломляющим и небывалым единодушием» [24].

За девять дней до победы вооруженного восстания в Петрограде на демонстрации, организованной большевиками в память таллинских рабочих, расстрелянных по приказу самодержавных властей 16 октября 1905 г., рабочие и войска гарнизона всех родов войск в Таллине вновь продемонстрировали свою приверженность лозунгу «Вся власть Советам!». «Здесь, — писала газета «Звез-

да», — проявилось полное интернациональное единение русских и эстонцев, латышей, украинцев и др., единодушных в борьбе за мир, землю и свободу»[25]. Советы Эстонии, особенно Таллинский, завоевали в дни взятия власти в буквальном смысле этого слова громадный авторитет. Лозунг «Вся власть Советам!» стал плотью и кровью пролетарских масс.

Накануне вооруженного восстания в Петрограде В. И. Ленин писал: «Дело в восстании, которое *может* и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. *Под Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее»[26]. В. И. Ленин надеялся на Таллинскую организацию большевиков, был уверен в ее готовности принять участие в борьбе за власть Советов.

Выполняя директиву Военно-Революционного Комитета, исходящую из указаний В. И. Ленина, Военно-революционный комитет Эстонии добился перехода власти в свои руки в Таллине фактически вечером 23 октября, т. е. накануне вооруженного восстания в Петрограде. Газета «Тээлине» («Рабочий») 25 октября сообщала: «23 октября в 7 час. вечера революционный комитет взял все необходимые пункты в городе и в пределах крепости под свой контроль. Все воинские части сообщили о своей готовности подчиниться решениям Совета рабочих и воинских депутатов». Телефонная станция, телеграф, почта, железнодорожные станции и другие важнейшие объекты в самом Таллине и в районе Морской крепости были заняты революционными силами. Воинские части и команды военных кораблей были подняты по тревоге и приведены в боевую готовность. В воинские части были направлены комиссары Военно-революционного комитета. Охрана порядка в городе перешла к Красной гвардии. 25 октября революция победила в Тарту, 26 октября — в Нарве. Воззвание к народу о переходе всей власти в Эстонии к Советам было подписано в 2 часа пополудни 26 октября. В Таллине комендант крепости, начальник сухопутных войск, начальник артиллерии, начальник обороны приморского фронта, командир порта, крепостной комендант изъявили готовность служить новой власти. Представители Временного правительства России в Эстонии сложили свои полномочия. Переход власти к Советам совершился бескров-

Здание, в котором в 1917—1918 гг. размещался штаб Эстонской Красной гвардии (Таллин, бульвар Эстония, 11)

но, юридически был оформлен соответствующим актом, который подписали бывший губернский комиссар Временного правительства И. Поска и уполномоченный Военно-революционного комитета Советов Эстонского края В. Кингисепп [27].

Бывший глава свергнутого Временного правительства России А. Керенский и генерал-лейтенант П. Краснов, стремясь подавить власть Советов, пытались направить с Северного фронта войска в Петроград. Военно-революционный комитет Эстонии задержал ряд телеграмм, посланных по указанию Керенского командирам воинских частей с приказом двинуться на красный Петроград. Большевики Эстонии организовали на железнодорожных станциях заградительные отряды, а в верные старому режиму воинские части направили красных агитаторов. Офицерам 13-го и 15-го полков донских казаков (эти полки прибыли в Таллин с фронта накануне перехода власти к Советам), стремившимся выполнить приказ отстраненного от власти премьер-министра, Военно-революционный комитет Эстонии заявил, что если даже им удастся получить вагоны и паровозы, то при выезде из Таллина они будут разгромлены артиллерией Балтийского флота и Таллинской крепости. Уполномоченные Керенского и

Корнилова, направленные в Таллин с задачей содействовать отправке казачьих полков на Петроград (20 казаков, среди них 4 офицера), были арестованы, не успев добраться до казачьих полков. У них было отобрано около тысячи экземпляров приказа Краснова казачьим полкам двинуться на Петроград, а также соответствующий приказ Керенского, написанный от руки. Генерал Н. Духонин (начальник штаба при гравнокомандующем А. Керенском, а после его свержения — главнокомандующий армией) 29 октября сообщил бывшему главковерху телеграммой: «... 13 и 15 Донские полки не могли быть отправлены к Петрограду, так как большевики угрозой воспретили подачу подвижного состава. Полки же эти по неизвестным мне причинам не проявили решимости добиться выхода хотя бы до ближайших станций для погрузки вне района Ревеля» [28].

В Нарве были сосредоточены революционные войска, получившие приказ вооруженной силой воспрепятствовать продвижению 49-го армейского корпуса, расположенного в Раквере и его окрестностях, в направлении на столицу. В результате совместных действий эстонских и русских рабочих, революционных солдат и матросов верные Керенскому войска не смогли прорваться из Эстонии к Петрограду. На помощь революционному Питеру поспешили из Таллина крейсер «Олег», эсминец «Победитель» и полк революционных солдат.

Значение этих событий в истории Советского государства велико. Председатель Военно-революционного комитета Эстонии И. Рабчинский отметил, что если бы отобранный приказ генерала Краснова был выполнен, если бы ему удалось заставить находившиеся здесь войска сыграть роль вандейцев, то «вся береговая линия, начиная с Палдиски до Пярну, а оттуда дальше на юг, и позиции Северного фронта против немецких войск были бы очищены от наших войск и фронт был бы открыт врагу» [29]. Эта угроза была устранена революционными силами Эстонии. Взяв власть в свои руки, большевики принялись укреплять ее. Председатель Исполкома Советов Эстонии Я. Анвельт (член партии большевиков с 1907 г., окончил юридический факультет Петербургского университета, делегат II Всероссийского съезде Советов) и член исполкома Х. Пегельман (большевик с 1905 г., учитель, пролетарский поэт) побывали у В. И. Ленина, который имел с ними беседу по вопросам военного, политического и эконо-

мического положения Эстонии. В. И. Ленин высоко оценивал революционную инициативу и деятельность трудящихся Эстонии. Он дважды, свидетельствуют руководители эстонских большевиков, предлагал взвесить вопрос о целесообразности провозглашения Эстонии независимой советской республикой [30]. Исходя из интересов революции в России в целом и интересов эстонских трудящихся, большевики Эстонии посчитали целесообразным оставаться в едином государственном союзе с другими народами страны. Это решение учитывало многочисленные высказывания, выступления и резолюции трудящихся по данному вопросу. Так, съезд малоземельных и безземельных крестьян Эстонии в принятой в январе 1918 г. резолюции подчеркивал: «При поддержке российской революции эстляндский трудовой народ завоевал себе свободу, и поэтому в будущем эстляндские трудящиеся должны оставаться в самом тесном государственном единении с рабочим правительством России». Из 530 делегатов за эту резолюцию проголосовали 523 делегата (лишь 7 эсеров выступили против). Собрание таллинских рабочих комитетов и представителей профсоюзов отметило в своей резолюции: «... собрание, представляя всех организованных рабочих Таллина, считает, что объявление Эстонии независимым государством по замыслу местных и германских реакционных и враждебных народу кругов означало бы для эстонских трудящихся города и деревни новое закабаление, укрепление господства буржуазных эксплуататоров, отнятие земли у народа, короче: уничтожение завоеванной свободы и народного самоуправления» [31].

Проект Конституции Эстляндской Рабочей Коммуны (Эстонской Советской Республики), разработанный в январе 1918 г., учитывал тяготение трудящихся Эстонии к союзу с другими советскими народами. Он предусматривал объявление Эстонии автономной республикой РСФСР.

Иную позицию по вопросу эстонской государственности заняла эстонская буржуазия. До победы социалистической революции она, исходя из своих классовых интересов, выражала самые верноподданнические заверения как царскому, так и Временному правительству. «До Октябрьской революции у эстонской буржуазии не было ни единого лозунга, который не совпадал бы с лозунгами русской буржуазии», — подчеркивал В. Кингисепп. И экономически и политически ей было выгодно находиться в составе тогдашней России [32]. Но после победы Великой

Октябрьской социалистической революции, буквально на второй день, эстонская буржуазия, стремясь сохранить свои позиции и защитить классовые интересы, выдвинула лозунг о «независимости Эстонии» (делая оговорку, что это нужно вплоть до реставрации старых порядков в России). Рассчитывая, что лозунг «независимости» будет воспринят народными массами, пережившими тяжелый национальный гнет, буржуазия стремилась взвалить вину за русификаторскую политику царизма на весь русский народ, т. е. делалась попытка поссорить эстонский народ с революционной Россией. При этом замалчивалось, «забывалось» то обстоятельство, что национальный гнет прибалтийско-немецких баронов, пасторов и буржуазии был значительно более длительным и пагубным для эстонского народа.

Германские промышленники и финансисты, политические и военные деятели разрабатывали в то время планы расчленения России и навязывания ей режима капитуляций. В декабре 1917 г. в различных германских ведомствах обсуждалась «Памятная записка о финансовом положении России и его экономических и политических последствиях», в которой выдвигалось, в частности, требование отделения Эстляндии с Нарвой и Ивангородом, а также ряда других территорий от России и присоединения их к Германии [33]. Осуществлению замыслов немецких империалистов энергично способствовала и эстонская буржуазия. 12 февраля 1918 г. один из ее лидеров обратился в германское посольство в Стокгольме с запросом: «Согласна ли Германия сразу же принять меры, чтобы немедленно освободить территорию Эстонии...» [34] Германское министерство иностранных дел одобрило намерения эстонской буржуазии и при посредничестве эстляндского рыцарства предложило лидерам эстонской буржуазии провозгласить «независимость» Эстонии под протекторатом Германии. Враги Советской власти в Эстонии поспешили вступить в преступный сговор с немецким командованием на оккупированном Германией острове Сааремаа. Одновременно лидеры эстонской буржуазии зондировали почву по этому вопросу у дипломатов Антанты в Петрограде. Органы Советской власти в январе 1918 г. раскрыли подпольную антисоветскую организацию немецких баронов и эстонской буржуазии, занимавшихся шпионажем и передававших немецкому командованию сведения о состоянии обороны Советской Эстонии, о составе и расположе-

нии воинских частей. На имя немецкого кайзера Вильгельма II была послана петиция с призывом срочно оккупировать Эстонию.

Революция нуждалась в вооруженных силах для защиты своих завоеваний.

Организация Красной гвардии в Эстонии

После свержения царизма началось формирование так называемой народной милиции. Буржуазия стремилась укомплектовать ее в основном угодными ей людьми. Решение исполкома Таллинского Совета, принятое 22 апреля, о формировании Красной гвардии через пять дней было отменено под влиянием эсеров и меньшевиков Исполкома Петроградского Совета. Мотивировалось это тем, что при наличии революционного войска надобности в Красной гвардии якобы не будет. И все-таки по инициативе большевиков наряду с «народной милицией» были организованы отряды рабочей (фабрично-заводской) милиции, явившейся основой Красной гвардии. К сентябрю 1917 г. Красная гвардия, комплектовавшаяся из представителей фабрично-заводской милиции, превратилась уже в крупную вооруженную опору большевиков. Накануне взятия власти большевиками стали создаваться и красногвардейские отряды сельских рабочих.

В послеоктябрьские дни активную роль в деле формирования и руководства Красной гвардией сыграл комиссар Военно-революционного комитета В. Кингисепп. В состав избранного Всеэстонского Центрального комитета Красной гвардии вошли Ф. Вайкюлль, К. Майер, К. Росберг, О. Рястас, Г. Соммер (председатель) и др. В конце ноября собрание таллинских красногвардейцев одобрило Устав Красной гвардии, который определил ее задачи и обязанности. Первый его пункт гласил: «Рабочая Красная гвардия является организацией вооруженных сил пролетариата для борьбы с контрреволюцией и защиты революции» [35]. Эту функцию Красная гвардия Эстонии выполняла с первых дней своего существования.

15 ноября 1917 г. таллинские рабочие, красногвардейцы и революционные эстонские солдаты разогнали губернский земский совет (маапяэв), избранный как временный орган самоуправления Эстляндской губернии еще до установления Советской власти. Он вынашивал планы свергнуть власть Советов и объявил себя единовластным верховным органом Эстонии.

В. Э. Кингисепп

Вскоре после свержения правительства Керенского вооруженный отряд таллинских красногвардейцев в составе двух рот (250 человек) под руководством В. Кингисеппа совместно с местными тартускими революционными силами подавил опасное буржуазно-националистическое выступление реакционных офицеров и членов различных буржуазных обществ в Тарту [36]. Офицеры — руководители антисоветского выступления были отпущены под честное слово с условием больше не выступать против власти рабочих и крестьян (они его не сдержали).

Центральный комитет Красной гвардии неоднократно направлял отряды красногвардейцев в сельскую местность с целью оказания помощи сельским рабочим и деревенской бедноте, усиления органов Советской власти в волостях, конфискации баронских имений. В декабре 1917 г. при конфискации имения Пюсси в уезде Вирумаа отряд красногвардейцев, прибывший для оказания помощи мызным рабочим, подвергся бандитскому нападению, организованному бывшим владельцем мызы совместно с окрестными помещиками и их пособниками. Отражая налет, погибли видный деятель революционного движения М. Айтсам, красногвардейцы Ю. Кальмус и Р. Имберг. Это событие ускорило формирование красногвардейских отрядов сельской бедноты. Они были созданы почти во всех волостях материковой части Эстонии.

В конце 1917 г. в Эстонии насчитывалось 2 тыс. красногвардейцев, в феврале 1918 г., по неполным данным, — до 5 тыс. [37] Красная гвардия приняла на себя и функции ликвидированной буржуазной милиции.

В ночь на 28 января 1918 г. Совет рабочих и воинских депутатов Эстонии в связи с раскрытием обширного контрреволюционного заговора местных немецких баронов ввел

во всех городах осадное положение и объявил всех лиц дворянского происхождения, способных носить оружие, вне закона. Около 300 баронов были взяты под стражу. 20 февраля, в связи с начавшимся наступлением германских империалистических войск против Страны Советов, они были высланы из Эстонии. Отряд красногвардейцев численностью полсотни человек доставил их в Красноярск (но после заключения Брестского мирного договора бароны были возвращены в Эстонию).

Для ведения борьбы против революционного движения рабочих, крестьян и солдат эстонская буржуазия сразу после Февральской революции выдвинула идею создания в составе общероссийской армии эстонских национальных полков, рассчитывая подчинить их своему идеологическому влиянию и использовать их в своих классовых интересах.

В годы первой мировой войны в царскую армию было мобилизовано свыше 90 тыс. эстонцев, из которых более 2 тыс. были офицерами. В основном эстонцы служили в сухопутных частях (в том числе после Февральской революции в составе 12-й армии — 11 тыс., в частях, дислоцировавшихся в Финляндии, — 20 тыс., в тыловых ча-

Wenemaa Sotsialdemokr. Töölistepartei
P. K.
Liikmekaart №64[illegible]
Eduard Ruul.
11 novembril 1917 a.
Komitee liige:

Членский билет таллинского красногвардейца

«Эстонская Красная гвардия в борьбе за победу Октябрьской революции». Плакат худ. О. Раунама

стях — 45 тыс.[38]). Они служили и в составе латышских и сибирских полков. На флоте их численность составляла 1 тыс. В Петрограде после Февральской революции было сосредоточено до 15 тыс. воинов-эстонцев. В апреле 1917 г. здесь был образован лидерами буржуазии центральный комитет по формированию эстонских воинских чинов, а в Таллине — соответствующее организационное бюро.

Комендант морской крепости им. Петра Великого (основана в 1912 г.; занимала территорию Северной Эстонии — от залива Кунда до залива Матсалу; в нее входила и Моонзундская укрепленная позиция на островах Сааремаа, Хийумаа, Муху и Вормси. Таллинская база была центром крепости) контр-адмирал П. Н. Лесков, идя навстречу пожеланиям эстонской буржуазии, а также их организаций — центрального комитета и организационного бюро — и просьбе 600 офицеров эстонской национальности, ходатайствовал перед военным министром о разрешении сформировать два эстонских полка из состава запасных и фронтовых частей. Ставка, опасаясь, что формирование национальных полков может породить в армии национальные трения, отклонила это ходатайство. Против формирования эстонских полков выступил и Петроградский Совет. Однако, учитывая, что в Таллине стихийно сосредоточилось уже значительное количество воинов эстонской национальности, главковерх 27 апреля телеграфировал в Таллин: «Если иначе нельзя, сформировать один полк, затем прекратить»[39].

В то же время первая конференция северобалтийских организаций РСДРП(б), состоявшаяся в середине апреля 1917 г. в Таллине, признала организацию национальных воинских частей совершенно недопустимой. Это решение мотивировалось тем, что интересы революции в случае создания таких частей будут оттеснены и «на первый план будут поставлены узкие националистические интересы». Эстонские рабочие Петрограда протестовали против перевода солдат-эстонцев из Петроградского гарнизона в Таллинский. Таллинский Совет рабочих и воинских депутатов потребовал 29 апреля расформировать уже фактически сформированный Эстонский полк[40]. Но формирование практически продолжалось. Полностью был сформирован 1-й Эстонский полк. В стадии формирования находились еще три полка, пятым был запасной батальон, в составе которого накануне установления власти Советов насчитывалось свыше 3 тыс. воинов. В декабре 1917 г. эс-

тонские полки были сведены в 1-ю Эстонскую дивизию. Численность контингента дивизии трудно поддается установлению. Так, состав 1-го полка был утвержден в количестве 3770 солдат и офицеров, но в действительности насчитывал больше. Однако после 21 февраля 1918 г. в нем осталось лишь 600 человек, остальные, не желая быть пособниками германских войск, разошлись по домам.

Политические настроения воинов эстонских полков не были однозначными. Часть из них склонялась к большевикам. Еще до перехода власти к Советам солдаты Эстонского запасного батальона участвовали 15 октября совместно с солдатами русских полков и Латышского полка в большевистской демонстрации в Тарту, требовавшей перехода власти к Советам и установления демократического мира. Солдаты 3-го Эстонского полка, сформированного осенью 1917 г. в Таллине, заявили после провозглашения власти Советов о своей поддержке революционного народного правительства. Солдаты Таллинского национального полка участвовали в середине ноября в разгоне контрреволюционного губернского земского совета. Однако большинство воинов эстонских полков шло за антисоветски настроенными офицерами. На II съезде эстонских воинов, открывшемся 7 января 1918 г., большинство делегатов приняло эсеро-меньшевистскую резолюцию о государственной форме правления в Эстонии.

Большевистские делегаты (48 из 102 делегатов съезда) в знак протеста покинули съезд и 13 января объявили себя полномочным съездом социалистических и революционных воинов Эстонии. По докладу В. Кингисеппа на этом съезде 14 января делегаты единогласно постановили безотлагательно приступить к формированию социалистической армии на основе принципа добровольности и выборности командного состава[41]. Вскоре Военный отдел Исполкома Советов Эстонии постановил образовать Всеэстонский Совет социалистических воинов и объявил о переформировании эстонских национальных частей.

Большевики активизировали агитацию за привлечение солдатских масс на сторону пролетарской революции. Началась запись добровольцев в Красную Армию. «Правда» 22 февраля 1918 г. сообщила, что в Таллине формируется 1-й Таллинский красный полк (12 рот с пулеметной командой и легкой артиллерией). Формировался он из красногвардейцев и солдат старой армии, рекомендованных членами большевистской партии и де-

Teadaandmine.

Tallinna tööl. ja sõjaw. nõukogu punase sõjawäe formeerimise kollegiumi otsuse põhjal

formeeritakse Tallinnas

1. Tall. Punane Polk.

(12 roodu kuulipildujate komandoga ja kerge suurtükiwäega).

Wabatahtlikkude sissekirjutamine

on iga päew (peale pühapäewade) kell 10 hom. kuni kell 4 peale lõunat Riigipanga Tallinna osakonna end. ruumides.

Kõikidele, kes ennast oma wäeosades üles annud on wabatahtlikkudena punasesse sõjawäkke astumiseks (peale 3-da Eesti jalawäe polgu endiste soldatite), pannakse ette kokkukuuluvate soowitustega organisatsionide poolt, kes nõukogude walitsuse platwormil seisawad, ilmuda registreerimiseks ja siis Tallinna punase polgu kasarmutesse lülitamiseks.

Tall. t. ja s. nõukogu punase sõjawäe formeerimise kollegiumi liikmed M. Kingisepp,
J. Fruntow.

Eesti töörahwa ja sõjameeste täidesaatwa komitee sõjawäe osakonna mobiliseerimise osakonna juhataja Lambakaar.

Сообщение о формировании 1-го Таллинского красного полка, опубликованное 15 февраля 1918 г. в газете «Тёэлине»

путатами Совета. Завершить формирование красного полка не удалось. До занятия города немецкими войсками удалось сформировать лишь три роты. В Нарве, отмечала газета 26 февраля, «весь гарнизон и рабочие объявлены Красной Армией». В Тарту социалистический полк насчитывал ко времени немецкого наступления более 200 человек. Оккупация немецкими империалистическими войсками прервала процесс формирования Красной Армии в Эстонии.

В. И. Ленин, анализируя курс революционных преобразований в Эстонии, одобрил активность ее рабочих и

батраков в поисках путей осуществления первых социалистических мероприятий. Стремясь, в частности, сохранить и укрепить власть Советов в Эстонии, он еще в декабре 1917 г., во время мирных переговоров в Брест-Литовске, настаивал на необходимости подписать мир с кайзеровской Германией [42]. Аргументируя свою точку зрения, В. И. Ленин отмечал среди других обстоятельств то, что, подписывая мир, «...мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику...» [43]. Такая позиция Ленина была продиктована и тем, что немецкая делегация на той стадии переговоров не претендовала на всю эстонскую территорию, а ограничивалась оккупированной к тому времени частью Эстонии — островами Западно-Эстонского архипелага (Моонзундские острова). Авантюристическая же позиция наркома по иностранным делам Л. Троцкого и «левых коммунистов» во главе с Н. Бухариным, выступавших против подписания мира с Германией и ее союзниками, неизбежно должна была привести, отмечал В. И. Ленин, к еще более тяжелым условиям мира, в их числе и к оккупации Эстонии [44]. Эстонские большевики полностью поддерживали В. И. Ленина. Я. Анвельт позднее охарактеризовал их позиции так: «...в 17 году мы во всех вопросах с т. Лениным, в частности в вопросе о «похабном мире»» [45].

Как известно, 18 февраля 1918 г. войска империалистического Четверного союза (75 дивизий) под командованием германского генерал-фельдмаршала принца Леопольда Баварского, нарушив перемирие, подписанное в Бресте 2(15) декабря 1917 г., начали наступление против Страны Советов по всей линии — от Балтийского моря до Карпат. Интервенты задались целью подавить и уничтожить первое в мире социалистическое государство, аннексировать его огромные территории. Дезорганизованная старая армия была не в состоянии отразить наступление интервентов и несла огромные потери в людях и военном имуществе. Старая армия, «вконец измученная предшествующей войной, смертельно уставшая от трех с половиной годичного сидения в окопах», в боевом отношении представляла «нулевую величину» [46], писал В. И. Ленин. Совнарком РСФСР обратился к советскому народу с декретом-воззванием «Социалистическое Отечество в опасности!». Написанное В. И. Лениным обращение призывало народ сосредоточить все силы и средства страны для ее революционной обороны. На всех основных нап-

равлениях наступления врага ему противостояло организованное сопротивление. Германское правительство вынуждено было пойти на заключение мира. 3 марта 1918 г. подписывается Брестский мир на условиях крайне тяжелых для Советской Республики. Но иного выхода у Страны Советов не было. Среди территорий, оккупированных Германией, оказалась и Эстония.

А. Пыльд

Эстонская буржуазия, заявив о нейтралитете, на самом деле встала на путь содействия германским войскам. Организовывая мятежные антисоветские действия, она сделала все, чтобы сорвать оборону территории Эстонии. Контрреволюционное офицерство отговаривало солдат от участия в борьбе против оккупантов. Но эстонские красногвардейцы приняли участие в оказании вооруженного сопротивления кайзеровским войскам. В первых рядах защитников Советской власти выступали коммунисты. Их численность в Эстонии достигла к концу 1917 г. десяти тыс., а число сочувствующих доходило до пятнадцати тыс. [47]

Отряд красногвардейцев под командой штабс-капитана старой армии А. Пыльда численностью около 400 человек (по некоторым данным — 500 красногвардейцев) с великим энтузиазмом отбыл 22 февраля 1918 г. из Таллина для участия в боях с врагом на подступах к городу. Потеряв в оборонительном бою в субботу 23 февраля под местечком Кейла (железнодорожная станция Кегель) убитыми 30—35 и ранеными 16 человек (в числе погибших были активные участники пролетарской революции А. Тислер, Х. Теллискиви, В. Рундштюк, Э. Тийтсен,

И. Корби, М. Месснер и др.), отряд вынужден был вернуться в Таллин [48].

В Выру 24 февраля красногвардейцы обстреляли входивших в город оккупантов. Сопротивление противнику было оказано также в окрестностях Тырвы и Йыгевы. У станции Кильтси местные красногвардейцы разобрали железнодорожный путь, в результате чего паровоз немецкого воинского эшелона сошел с рельсов. Сильная перестрелка произошла на мызе Орина, где действиями защитников революции руководили инструктор таллинского красногвардейского отряда Иоханнес Урб и член Тартуского Совета А. Винк. Этот бой 28 февраля майор германского генерального штаба Х. Каупиш охарактеризовал как «один из наиболее крупных боев против Красной гвардии» [49].

На первых порах немецкие войска двигались с большой скоростью. Чтобы дойти от Хаапсалу (где оккупанты высадились с островов на материк) до железнодорожной станции Сомпа (265 км), немцам понадобилось семь дней. Но чем дальше они продвигались, тем упорнее становилось сопротивление защитников революции. От Сомпы до Нарвы (50 км) им уже понадобилось пять дней.

На Нарвском направлении сосредоточились красногвардейские отряды, отступившие с запада и юга Эстонии. Нарва 23 февраля направила в Раквере отряд местных красногвардейцев под командованием прапорщика старой армии Артамонова и унтер-офицера А. Пейса. У красногвардейцев произошли вооруженные столкновения с 4-м Эстонским национальным полком; некоторые его подразделения удалось разоружить. 25 февраля еще один нарвский отряд из 75 красногвардейцев под командованием Я. Тыниссона выехал в Йыхви. Сюда же два дня спустя прибыло около 700 питерских рабочих, тартуских красногвардейцев, воинов Эстонского запасного батальона и латышских советских патриотов. К Нарве отступил Раквереский красногвардейский отряд под командованием М. Лыбу. В районе станций Сомпа и Вайвара 27 февраля и 2 марта они вели бои с наступающим врагом. Командир Нарвского красногвардейского отряда Я. Тыниссон повествует, что под натиском трехтысячного отряда немцев при поддержке артиллерии красные отступили из Сомпы, затем оставили станцию Вайвара. Оказав сопротивление врагу в четырех верстах от Нарвы, они дали бой и в самом городе в день ухода из него — 4 марта —

Памятник таллинским красногвардейцам, павшим в бою с немецкими оккупантами в Кейла в феврале 1918 г.

у железнодорожного моста и пожарной каланчи Ивангорода.

Таллинские рабочие, среди которых было много красногвардейцев, помогли советским морякам выполнить задание В. И. Ленина — спасти от захвата врагом корабли Балтийского флота, базировавшиеся в Таллинской гавани, и осуществить знаменитый Ледовый поход. Председатель Таллинского портового партийного комитета Э. Штраух позднее писал: «И должен без похвальбы сказать, что эту одну из важнейших директив тов. Ленина Ревельская организация, в частности одна из ее составных частей — 1250 человек большевиков военного порта, [стоявшая] во главе 4,5-тысячного рабочего порта, с честью и своевременно выполнила» [50]. На ушедших из Таллина кораблях эвакуировалось свыше 4 тыс. партийных и советских активистов, таллинских красногвардейцев и рабочих. Финский залив был покрыт толстым слоем льда. Ледоколы проложили кораблям, стоявшим в Таллинской гавани, сначала путь в Хельсинки, а оттуда они ушли вместе с находившимися там кораблями в Кронштадт.

Обобщая опыт создания первых вооруженных сил революции в Эстонии, бывший Председатель Исполкома Со-

ветов Эстонии Я. Анвельт отметил в 1927 г., что большевики Эстонии после Февральской революции вели работу по завоеванию на свою сторону солдатских и матросских масс. Но вместе с тем необходимо было с самого начала более энергично создавать пролетарские вооруженные силы. Работа эта началась лишь в июле 1917 г. После победы Великого Октября большевики сосредоточили свои усилия на повсеместном укреплении Советской власти. В Эстонии положение осложнялось близостью фронта мировой войны. Такая тревожная обстановка могла привести и к вынужденному уходу партийной организации большевиков в подполье. Но оперативных выводов сделано не было, и была упущена возможность для создания законспирированных подпольных складов оружия и боеприпасов на случай подпольной борьбы и ведения партизанских действий против оккупантов. Не был разработан и план эвакуации в Советскую Россию в случае немецкого наступления [51]. Лишь предвидение В. И. Ленина, давшего указание вывести все корабли из Таллина, послужило толчком к развертыванию работ по проведению эвакуации.

УЧАСТИЕ ПЕРВЫХ ЭСТОНСКИХ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПОЛКОВ В БОЯХ НА ВОСТОЧНОМ И СЕВЕРНОМ ФРОНТАХ

Формирование эстонских частей Красной Армии в Советской России

По прибытии военных кораблей из Таллина в Хельсинки часть красногвардейцев и некоторые моряки сошли на берег. Было решено немедленно организовать отряд красных воинов. Добровольцев, желающих сразу же включиться в вооруженную борьбу с классовым врагом, набралось около 300 человек. Начальник военного отдела Исполкома Советов Эстонии А. Мюллерштейн собрал их в помещении Главного штаба финских красногвардейцев. Присутствующие стремились определить свой участок действий. Некоторые высказывались за присоединение к финским красногвардейцам, а другие предпочитали вернуться в Эстонию либо выехать в Петроград, чтобы оттуда вместе с русскими красногвардейцами идти на Нарву и затем очистить Эстонию от оккупантов. Решено было ехать в Петроград. Командиром отряда был избран А. Янсон-Янес (командир роты в старой армии с 1914 г.). Командирами групп стали рабочий М. Хаберман, печатник Л. Петров, Ф. Варе (командир взвода в старой армии с 1915 г.), Ф. Пикман и Л. Коорман [1].

По прибытии в Петроград 5 марта отряд явился в Главный штаб Красной Армии на Дворцовой площади, где и разместился. Через несколько дней он был переведен в Павловские казармы. Формирование 1-го Эстонского коммунистического отряда Красной Армии началось 10 марта. В него вступали добровольцы как из числа тех, кто отступил из Эстонии сухопутьем или добрался до Кронштадта на кораблях, так и из эстонских рабочих Петрограда. Сразу же приступили к изучению военного дела. Учения, проводившиеся ежедневно, в основном на Марсовом поле, длились не менее десяти часов.

Продовольственный кризис, порожденный первой мировой войной и экономической разрухой, особенно сильно сказывался в Петрограде. До войны в столицу России поступало ежемесячно 3600—4200 вагонов продовольствия. В марте 1918 г. в город было доставлено 1314, в апреле — 504, в мае — 386 вагонов продовольствия [2]. «Пет-

роградская правда» 24 апреля 1918 г. сообщала, что в целях экономии решено примешивать к хлебу размолотый овес. В начале мая Центральная петроградская продовольственная управа сократила ежедневную норму выдачи (продажи) хлеба на одного едока до $^1/_8$ фунта (50 граммов). С 10 мая эту норму удалось увеличить временно до $^3/_4$ фунта [3]. С. Г. Струмилин (в то время заведовавший отделом статистики Северной области) свидетельствовал: «Даже картофельная шелуха, кофейная гуща и тому подобные «деликатесы» переделываются в лепешки и идут в пищу; рыба, например селедка, вобла и т. п., перемалывается с головой и костями и вся целиком идет в дело. Вообще ни гнилая картошка, ни порченое мясо, ни протухшая колбаса не выбрасываются. Все идет в пищу» [4]. Торговля алкогольными напитками не разрешалась.

«Голодно было здесь, — вспоминал позднее активный участник Октябрьской революции в Эстонии, железнодорожник, ветеран гражданской войны Р. Каппо. — Нечего было и думать о том, чтобы за деньги купить хлеб. Чем мы питались? На железной дороге в месяц на человека выдавали один килограмм пшена, одну бутылку постного масла, а хлеба выдавали по 200—300 граммов на день. Кроме того, на станциях в буфетах первого и второго классов железнодорожники имели право получать обед и ужин. На обед супа не было, на второе — жареная рыба с соусом, чай без сахара. На ужин — то же самое...

Снабжение у красных стрелков было хуже, чем у нас, железнодорожников. Они получали в день 200 граммов хлеба, смешанного с шелухой пшена, суп из селедки, постное масло и пшено (ложку пшенной каши)» [5]. Да и денежное содержание их было невелико. По сообщению эстонской газеты «Коммунист» от 23 июля 1918 г., оно составляло 150 руб. в месяц, семейным добавлялось еще 100 руб.

Формирование 1-го Эстонского коммунистического отряда совпало с временем, когда на базе красногвардейских отрядов в Петрограде, Москве, Центральном промышленном районе, на Украине, Кубани, в Белоруссии, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке и в других местах страны были созданы первые полки Рабоче-Крестьянской Красной Армии [6].

Уже первые месяцы показали, что Советское государство не может существовать без хорошо организованных

централизованных вооруженных сил, способных противостоять и внутренней контрреволюции, и международному империализму. Красная гвардия не в силах была выполнять задачи регулярной армии. Она была малочисленна (максимально достигая 253 тыс. человек), недостаточно обучена военному делу, к тому же не имела, за редким исключением, и опытных командиров. Формирование велось бессистемно. Местные органы, формировавшие отряды, часто не располагали соответствующими материальными средствами. Сфера действия отрядов Красной гвардии была территориально ограничена. Она не имела единого органа руководства военным строительством, формированием вооруженных сил и их боевой деятельности. Советское государство не могло в деле обороны страны ограничиться энтузиазмом одних только добровольцев-красногвардейцев. Интересы социализма требовали участия в защите завоеваний пролетарской революции всех граждан, способных владеть оружием. Красная гвардия сыграла большую роль в борьбе за установление диктатуры пролетариата. Теперь настала очередь регулярной рабоче-крестьянской армии.

В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа — одном из важнейших первых конституционных актов Советской Республики, — написанной В. И. Лениным и принятой III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 12 (25) января 1918 г., было зафиксировано: «В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян...» [7]

Через три дня после принятия этой декларации. 15 (28) января 1918 г., на заседании Совнаркома РСФСР был принят декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, который провозглашал создание новой армии «из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс». В ее ряды принимались граждане Российской Республики не моложе 18 лет. «В Красную Армию поступает каждый, — говорилось в декрете, — кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма» [8]. 29 января (11 февраля) был принят декрет о создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота.

Провозглашая создание Красной Армии, Совет На-

родных Комиссаров не вводил всеобщей воинской повинности. В обстановке повсеместной разрухи, крайней усталости и измотанности большинства солдат старой армии, вызванных трехлетним участием в империалистической войне, цели которой были чужды трудовому народу, происходил процесс деморализации старой армии.

Создание социалистической армии и соответствующего командного состава было начато на основах добровольчества [9]. В. И. Ленин называл создателей Красной Армии героями-добровольцами социалистической армии [10]. Таких героев-добровольцев выдвинул из своей среды и эстонский трудовой народ.

Первые эстонские национальные части Красной Армии формировались также на основе принципа добровольности. Минимальный срок службы зачисленных устанавливался в шесть месяцев.

Совет по организации Эстонского красного войска, образованный по инициативе эстонских красногвардейцев в Петрограде и утвержденный Комитетом революционной обороны Петрограда 12 марта 1918 г. (в его состав были избраны Я. Каземетс, Ковви, М. Куульбах, Э. Лахе, К. Майер, Э. Оттер, А. Петров, А. Рейметс, Э. Рипс, А. Туур [11]), разработал в конце месяца «Условия для вступающих в эстонские коммунистические батальоны». Они предусматривали организацию эстонских батальонов на общих началах Рабоче-Крестьянской Красной Армии, их подчинение всем предписаниям Советской власти и дисциплине Красной Армии. Фиксировалось, что в батальоны принимаются лица, посвящающие свои силы и энергию делу освобождения трудящихся из-под ярма капитализма и буржуазно-капиталистических угнетателей [12]. Провозглашался лозунг: «Эстонская Советская Республика Трудящихся!» [13]

В эстонские коммунистические части Красной Армии на первых порах принимались лишь члены партии и беспартийные, представлявшие рекомендации двух коммунистов. «...Организаторы чувствовали свою классовую ответственность, чувство классовых интересов принуждало к большой осторожности и сохранению особо чистой атмосферы», — писал четыре года спустя бывший командир 1-го Таллинского коммунистического батальона Я. Пальвадре [14].

Первоначально командный состав Красной Армии (до командира полка) выбирался. Декретом ВЦИК от 22 ап-

реля 1918 г. был осуществлен порядок замещения должностей в Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Декрет отменил выборное начало и установил принцип назначения командного состава органами Наркомвоена и Советской власти. В апреле в связи с необходимостью усилить в армии и на флоте пролетарское влияние и установления в них партийного контроля был повсеместно введен институт военных комиссаров.

Я. Пальвадре 20 марта 1918 г. избирается командиром 1-го Эстонского коммунистического пехотного батальона (сначала он назывался отрядом). Позднее он вспоминал, что, формируя в то время в Петрограде саперный батальон Красной Армии, он согласился принять предложение Совета по организации Эстонского красного войска только при наличии определенных условий. Отряд как одна из единиц революционной армии должен участвовать в общей революционной борьбе, но при этом обязательно участвовать и в освобождении Эстонии: командир должен иметь свободу действий при формировании воинской части. Эти условия после неоднократных переговоров были приняты [15].

Я. Пальвадре шел тогда 28-й год, был он уроженцем крестьянской семьи деревни Кориярве в Валгамаа. Не закончив курса обучения в гимназии, сдал экзамены на звание школьного учителя. Проявлял интерес к марксистской литературе. Произведение В. И. Ленина «Что делать?», отмечал позднее Я. Пальвадре, «произвело на меня громадное впечатление, определив мою судьбу» [16]. В 1910 г., писал он в своей автобиографии в 1924 г., за участие в революционной работе был арестован, судим, в 1912 г. из-под стражи освобожден и в административном порядке выслан на Дальний Восток на военную службу. В 1914 г. был отправлен на фронт. Имея звание прапорщика, командовал саперным батальоном. В октябрьские дни избран председателем батальонного комитета гвардейского запасного саперного батальона, действовавшего в дни вооруженного восстания на стороне революции в Петрограде, «был выдвинут в кандидаты Учредительного собрания в списке большевиков» [17].

Боевые соратники вспоминают, что Я. Пальвадре, человек среднего роста, выглядел несколько суровым, был строг, но справедлив. Отличался отважностью и хладнокровием, в беседах был радушен и интересен. Человек светлого характера, отметил один из ветеранов граждан-

ской войны. При формировании батальона и позднее, командуя бригадой, а затем дивизией, Я. Пальвадре стремился выдвигать на командные посты в воинских частях людей с боевым опытом, в частности бывших унтер-офицеров. Необученные красноармейцы по возможности в бой не направлялись.

Еще до избрания командира, 15 марта, часть эстонских красных стрелков в количестве двух рот была переведена в Смольный — на смену красным латышским стрелкам, охранявшим ранее здание и выехавшим в Москву вместе с Советским правительством. Отряд расположился на Александровской половине Смольного. Здесь же размещались руководящие органы Петрограда и губернии. Приказом по штабу районного комитета Красной Армии 1-го Городского района от 28 марта отряд с 20 марта был переименован в Эстонский коммунистический пехотный батальон [18]. Численность его росла. 30 апреля в нем уже было 873 человека. На охране Смольного находились 359 человек, а остальные с апреля размещались в Детскосельских казармах, где стрелки-добровольцы упорно обучались военному делу. Батальон состоял в это время из четырех рот, отряда конных разведчиков, команды саперов и команды связи.

Батальон во главе с музыкантами участвовал в первомайской демонстрации трудящихся в Петрограде. Весна 1918 г., по воспоминаниям участников демонстрации, была неприветливой и холодной. В день 1 Мая после пасмурного утра ярко засияло солнце. Люди увидели первый военный парад петроградских частей Красной Армии. Воинские подразделения, чеканя шаг, прошли под мелодию «Интернационала» мимо здания штаба Великого Октября — Смольного, затем двинулись на Дворцовую площадь, оттуда — на Марсово поле, где почтили память жертв революции. В параде приняли участие пехота, бронемашины, артиллерия, грузовые автомашины с прожекторами. Главные улицы, особенно Дворцовую площадь, украшали флаги и плакаты, символизировавшие торжество революции. Весь день улицы были заполнены рабочими и красноармейцами. Играли духовые оркестры. На Марсовом поле возвышалась центральная трибуна. Своей дисциплинированностью, строевой подготовкой, хорошо пригнанным обмундированием и красными бантами на винтовках Эстонский коммунистической батальон вызвал одобрение у населения революционного Петрограда.

Но находились и такие, особенно из числа «чистой публики», которые, прячась в подворотнях, шипели: «Чухна пошла... Большевистские наемники».

Нет, не наемниками были красные стрелки. Представители рабочих, крестьян, интеллигенции понимали, что такое революция, и не колеблясь восприняли, воодушевленные ее идеями, освободительную и созидательную миссию Великого Октября. Принимая самое непосредственное участие в установлении власти Советов, они осознавали свою нужность и причастность к освободительной борьбе. Эти люди, выросшие под тяжелым социальным и национальным гнетом, чьи предки многие столетия находились в рабском положении, знали, за что боролись. История, прошлое их народа помогли им выбрать дорогу первопроходцев социализма. Рабочие и батраки с энтузиазмом восприняли революционные события огромнейшего исторического значения. От таких, как они, от их участия в этих событиях зависела дальнейшая судьба революции, новая судьба трудового народа. Красные воины понимали, что защищают не только русскую, но и общенациональную, интернациональную революцию, защищают интересы трудящихся всего мира. Понимая, что без свободной России не может быть свободной Эстонии, руководствуясь чувством революционного долга, они шли на войну добровольцами, шли в числе первых. «...Осознание массами целей и причин войны имеет громадное значение и обеспечивает победу» [19], — писал В. И. Ленин.

В Петроград потянулись многие эстонцы — рабочие российских городов и поселений, а также ранее служившие в различных воинских частях. В национальные батальоны и полки вступали нередко отцы с сыновьями, братья, вступали и женщины. По словам ветерана гражданской войны Э. Бюргемаа, в 1-м Эстонском батальоне было около 20 женщин; она же сама вступила в батальон вместе с отцом и братом. Во 2-м Вильяндиском полку, сформированном в сентябре 1918 г., служило 65 женщин. А всего в эстонских красных частях в годы гражданской войны было около 200 женщин [20]. Основу национальных соединений составляла молодежь. Люди зрелого возраста, имевшие семьи в Эстонии, также становились воинами.

Советское правительство не препятствовало формированию национальных воинских частей. Еще до победы Октябрьской революции, в июне 1917 г., Всероссийская

конференция военных организаций РСДРП(б) подтвердила право народов России на образование национальных полков, если они формируются в интересах революции [21]. 23 ноября 1917 г. был обнародован приказ № 12 Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, в котором отмечалось, что Советская Республика считает правом каждой населяющей ее нации формирование воинских частей через демократические органы, которые выражают волю большинства трудящихся. В приказе указывалось, что выделение военнослужащих в национальные части следует проводить на добровольческих началах. Национальные части должны быть организованы на принципах, которые приняты в русской армии после Октябрьской революции [22].

Одновременно с батальоном Я. Пальвадре шло формирование Тартуского (Юрьевского) и Нарвского эстонских коммунистических стрелковых полков. Многие представители партийного и советского актива Эстонии (среди них и Председатель Исполкома Советов Эстонии Я. Анвельт), преданные революции солдаты, унтер-офицеры и младшие офицеры старой армии были направлены на курсы подготовки командного состава Красной Армии в Петрограде. В 1918 г. на Петроградские пехотные, артиллерийские и кавалерийские командные курсы зачисляется около 200 эстонцев, из них 115 человек учились на 1-х и 2-х Петроградских артиллерийских курсах.

25 февраля 1918 г. в Новочеркасских казармах в Петрограде был сформирован Юрьево-Путиловский партизанский отряд из рабочих Путиловского завода и отступивших из Тарту эстонских красногвардейцев. Инициаторами его создания и его ядром были члены Тартуского (Юрьевского) Совета солдатских и батрацких депутатов (35 человек). «За одну ночь на нашем Путиловском заводе, — писал 40 лет спустя рабочий Путиловского завода Франц Гяч, — и в Нарвско-Петергофском районе вступило в Красную Армию более тысячи человек... Нас, путиловцев, направили в Новочеркасские казармы. Здесь мы встретились с эстонскими рабочими... Так родился наш отряд, на основе которого был создан вскоре один из славных советских регулярных полков — Юрьево-Ямбургский полк...» [23] И в Петрограде, и в Нарве к отряду присоединялись новые защитники революции. 27 февраля этот отряд прибыл на блиндированном поезде на станцию Йыхви, вступил там в бой с германскими войсками,

но вскоре с другими партизанскими отрядами вынужден был отступить за реку Нарву. После заключения Брестского мира путиловцы вернулись в Петроград. В отряде осталось 209 человек — эстонские рабочие, члены и сотрудники Тартуского Совета. Отряд нес теперь пограничную службу на Нарвском участке. Перед выходом на границу в его состав влились Раквереский (Везенбергский) и Нарвский партизанские отряды. После слияния в мае отряд переименовывается в Тартуский (Юрьевский) красноармейский батальон. Несколько позднее этот батальон и Ямбургский красноармейский батальон сливаются и преобразовываются в 5-й Тартуско-Ямбургский полк. После того как в полк влился Ямбургский учебный отряд Арцибашева, его переименовали 10 августа 1918 г. в 15-й Тартуский (Юрьевский) пехотный полк. Командиром полка был назначен латыш А. Яновский (штабс-капитан старой армии) [24]. В это же время и в такой же примерно обстановке под Нарвой был сформирован 4-й Нарвский коммунистический пехотный полк (командир — Косьминский). Его 1-й батальон в начале октября направляется на Северный фронт, где был преобразован в 156-й стрелковый полк, а оставшаяся часть влилась позднее в 46-й стрелковый полк.

Тартуский и Нарвский полки формировались военными комиссариатами Ямбургского, Гатчинского и Гдовского уездов. По своему составу они не были однородно национальными. Заметную прослойку в них составляли представители русской и латышской национальностей. По данным И. Типнера, в мае 1918 г. в революционных отрядах Нарвско-Гдовского оборонительного района насчитывалось более 1800 эстонцев [25], т. е. эстонцы составляли большинство.

В период формирования эстонских воинских частей красные стрелки выполняли различные задания командования, а также Всероссийской чрезвычайной комиссии и органов Советской власти. Так, в марте 1918 г. 1-й Эстонский коммунистический пехотный батальон выделил одну роту под командованием А. Мянникокса (бывшего штабс-капитана), которая была направлена в район Белоострова для оказания помощи финским красногвардейцам, отступавшим с боями из Финляндии. В качестве представителя Совета по организации Эстонского красного войска роту сопровождал Э. Майер. Выполнив задание, рота в конце апреля присоединилась к батальону [26].

Подразделения батальона дислоцировались в Петрограде. Р. Каппо свидетельствует, что запасная рота 1-го Эстонского батальона помогала Петроградской ЧК проводить на квартирах контрреволюционного петроградского подполья обыски. Арестованные препровождались в Петропавловскую крепость. Р. Каппо, лично участвовавший в проведении обысков у бывшего великого князя Н. М. Романова, у бывших князей Шаховского и Урусова, свидетельствует, что в доме на Фонтанке красноармейцы обнаружили большой кованый сундук, доверху заполненный «золотыми предметами, многие из которых были украшены бриллиантами и другими драгоценными камнями. Каждый предмет был обернут в папиросную бумагу... Одних только женских браслетов там было штук 35... Были там пачки золотых колец... предметы из слоновой кости... много других предметов роскоши». Наши бойцы, хотя и были обуты в ботинки с обмотками, добавил Р. Каппо, при обысках «никто ничего не присвоил, даже сапог» [27].

15-й Тартуский пехотный полк принимал участие в подавлении кулацко-белогвардейского мятежа в Петроградской губернии, в районе Ильешской, Врудской и Молосковицкой волостей Ямбургского уезда. Там провокаторы-контрреволюционеры распустили слух о том, что красноармейцы якобы отбирают у населения хлеб и лошадей, убивают женщин и детей, жгут деревни [28]. Белогвардейцам и кулакам удалось втянуть в мятежные действия и часть крестьян-середняков. В четырехдневный срок мятеж был ликвидирован. Красные стрелки потеряли убитыми пятерых и ранеными 14 человек. Погибшие советские воины похоронены в городе Ямбурге (ныне Кингисепп) в братской могиле. Военный совет 3-й Петроградской дивизии приказом от 30 августа 1918 г. отметил «высокую бодрость духа и храбрость в боевой обстановке» красноармейцев и командного состава, подавлявших мятеж [29].

Боевые действия 1-го Таллинского эстонского полка на Восточном фронте

В то время, когда красноармейцы Тартуского полка подавляли кулацко-белогвардейский мятеж, 1-й Эстонский коммунистический батальон под командованием Я. Пальвадре уже более двух месяцев сражался на Урале. Свой боевой путь он начал участием в подавлении мятежа чехословацкого корпуса.

Открытая военная интервенция против Страны Советов, развязанная иностранными империалистами, была направлена на ликвидацию Советской власти и отторжение от Советского государства ряда территорий. В марте 1918 г. в Мурманский порт прибыли два английских и французский крейсеры с десантами, в мае здесь появился и американский крейсер с отрядом пехоты. Меньшевистско-эсеровский исполком Мурманского Совета, вступив в сговор с интервентами, не выполнил указания Советского правительства об оказании сопротивления силам империалистов. Ряды интервентов пополнялись русской контрреволюцией, иностранцами, служившими ранее в старой российской армии. К концу лета 1918 г. враги Советской Республики на севере России располагали силами, превышавшими 20 тыс. человек (в том числе 8 тыс. англичан, около 5 тыс. американцев, более 700 французов, 1300 итальянцев, свыше 1200 сербов и до 5 тыс. белогвардейских войск). К Архангельску подошла союзная эскадра из 17 кораблей [30]. На территорию, занятую интервентами, перебрался и дипломатический корпус во главе с американским послом Д. Фрэнсисом, который стал одним из центров антисоветской деятельности и консолидации контрреволюционных сил России.

В апреле 1918 г. на Дальнем Востоке высадились первые роты японских и английских солдат и матросов. Этот акт активизировал внутренние антисоветские силы. К началу 1919 г. общая численность интервентов на Дальнем Востоке превышала 150 тыс. человек.

Осуществлялась интервенция Антанты и в Закавказье.

Для участия в антисоветской войне был привлечен чехословацкий корпус, сформированный в России при Временном правительстве из военнопленных австро-венгерской армии и российских подданных чешской национальности. Многочисленный офицерский состав включал русских, чехословацких, «союзных» представителей и их агентов. Старшие офицеры корпуса были отобраны из реакционной части русского офицерства [31]. Осенью 1917 г. корпус дислоцировался на Левобережной Украине. Соблюдая на первых порах нейтралитет в отношении Советской России, этот корпус после заключения Брестского мира занял враждебные по отношению к Советской власти позиции. Подчинялся же он буржуазно-националистическому чехословацкому национальному совету, находивше-

муся в Париже. Командование корпуса объявило данное соединение частью французской армии (Франция и Англия приняли на себя финансирование корпуса) и потребовало отправления корпуса в Западную Европу. Советское правительство дало на это согласие, поставив непременное условие о сдаче основной части оружия местным Советам и эвакуации личного состава через Владивосток в качестве частных лиц. Чехословацкие легионеры в 63 эшелонах двинулись во Владивосток.

Антанта, США, правые эсеры и прочие решили использовать корпус для борьбы против диктатуры пролетариата. Французское и английское правительства выделили лидерам Национального совета около 15 млн руб. [32] Американский президент Вильсон выдал мятежникам на покупку оружия заем в сумме 12 млн долл. [33]

«...Чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами» [34], — подчеркивал В. И. Ленин. 14 мая в Челябинске на совещании представителей чехословацкого Национального совета и англо-французского командования совместно с представителями сибирских контрреволюционных партий уточняется план мятежа. Солдат «подогрели» ложной информацией, якобы эшелоны по распоряжению Советского правительства будут остановлены, а военнослужащие загнаны в лагерь. Мятеж начался 25 мая в Мариинске. В официальном сообщении Советского правительства о контрреволюционном мятеже от 4 июня 1918 г. сообщалось: «Первое вооруженное выступление чехословаков было в Челябинске, где они 26 мая захватили оружие, станцию, разогнав силой местный Совдеп... Были жертвы. В эти же дни в различных пунктах Сибирской железнодорожной магистрали одновременно были захвачены железнодорожные станции, обезоружены отдельные небольшие караулы и арестован Совдеп в Ново-Николаевске...»[35]

К корпусу, насчитывавшему до 45 тыс. человек*, примкнули эсеро-белогвардейские силы. Мятеж сопровождался белым террором, массовыми арестами и казнями советских и партийных работников, революционных рабочих и крестьян. «...Враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, — отметил В. И. Ленин, — как наступали германцы в феврале...» [36].

---

* Часть военнопленных чехов и словаков боролась на стороне Красной Армии против врагов социалистической революции.

Ко времени начала чехословацкого мятежа общая численность войск белогвардейцев и интервентов составляла не менее 700 тыс. человек. В Красной Армии же в то время было немногим более 300 тыс.[37] Советское командование вынуждено было создать и открыть для борьбы с врагами Восточный фронт. В его состав вошли также части и отряды так называемого Североурало-Сибирского фронта, образованного в середине июня (командующий Р. И. Берзин). На этот фронт и был направлен батальон Я. Пальвадре.

Эстонский коммунистический батальон в составе 900 штыков (четырех рот, команд пеших и конных разведчиков, саперов и связистов, а также группы хозяйственников) погрузился в эшелон в Петрограде 31 мая 1918 г. Командир батальона объявил личному составу о приказе выступить на подавление мятежа чехословаков, и красные стрелки, мечтавшие об освобождении Эстонии, заявили, что они, как защитники революции, выполнят любой приказ командования. В единодушном порыве был исполнен «Интернационал». В Петрограде осталась запасная рота (командир Лейсик) как ядро для формирования нового батальона. Эта задача была возложена на Я. Каземетса; представителем при Петросовете остался А. Йеа (большевик с 1906 г., в дни Октября заместитель председателя Тартуского военно-революционного комитета)[38].

Продвигаясь на восток, эстонские стрелки замечали, что привокзальные продуктовые рынки становились обильнее. По пути следования на остановках они жадно набрасывались на молоко, яйца, картофельные лепешки, пирожки с капустой. Ближе к Вологде продавались даже пшеничный хлеб и булки. В Вятке можно было свободно купить все продовольственные товары. В Екатеринбурге совсем дешево по сравнению с Петроградом продавались калачи из лучшей крупчатки. Но покупателей среди эстонских стрелков становилось все меньше: у одних кончились деньги, другие страдали расстройством желудка[39].

По прибытии в Екатеринбург 8 июня батальон направился в распоряжение штаба Бердяуш-Челябинского участка фронта. 10 июня стрелки прибыли в Златоуст, где местные войсковые части выстроили для их встречи почетный караул. Эстонские красные стрелки немедля заняли позиции на фронте — восточнее станции Тургояк у

реки Миасс, по обеим сторонам железной дороги. 12 июня Я. Пальвадре телеграфировал в Петроград: «...наш батальон занимает уже третий день позицию на фронте... Общее положение хотя и неважно, но все же есть надежда, что скоро ликвидируется авантюра разных контрреволюционных элементов эсерствующих, меньшевиствующих и других толков, которые играют чехословацкими пешками...» [40]

В районе Миасса, по агентурным данным, противник в это время располагал силами до 5 тыс. человек, которые продолжали возрастать [41]. Эстонский же батальон оказался на этом участке фронта единственной регулярной частью Красной Армии. Член коллегии Народного комиссариата по военным делам Н. И. Подвойский 18 июня сообщил командующему Североурало-Сибирским фронтом Р. И. Берзину: «В Тургояк прибыл эстонский полк с хорошим комсоставом...» [42] Батальон сменил местные мелкие отряды численностью 10—50 человек, напоминавшие по своему характеру красногвардейские, называвшие себя «дружинами». Таких «дружин», по воспоминаниям красноармейца Н. Койксона, насчитывалось около 50. Я. Пальвадре принялся объединять мелкие красноармейские отряды, интернационально их сплачивать [43].

Выслав разведчиков, батальон в середине июня начал готовиться к наступлению, но тут же получил приказ штаба оставить позиции у деревни Тургояк, отступить километров на 25—30, к Уральскому хребту, что восточнее Златоуста. Находясь на сопке, писал Я. Пальвадре позднее, батальон, устав от ожидания, начал военные действия по своей инициативе. Командир батальона приказал передовому отряду в составе 135 человек освободить Тургояк. Вскоре после небольшого боя красные стрелки заняли деревню Тургояк, а также некоторые другие населенные пункты. Участник этих боев А. Плукк, бывший таллинский рабочий, служивший прежде в старой армии, большевик с февраля 1918 г., отмечает в своих воспоминаниях «Из царской армии в Красную Армию»: «...когда мы 17 июня вошли в Тургояк, белогвардейцев там уже не было. Жители деревни попрятались. Позднее они рассказывали, что белые казаки, перед тем как уйти из деревни, пугали их тем, что теперь, дескать, придут эстонцы, а это — такие дикари, каких свет не видывал. Но эстонские красноармейцы своим поведением заслужили вскоре уважение и расположение жителей деревни. Это сочувст-

вие местного населения явилось одной из причин того, что белые банды не смогли нас уничтожить» [44].

Воевать против активно действовавших здесь белых конных казаков было трудно. Поэтому Я. Пальвадре сформировал из состава батальона эскадрон конницы в составе 80 сабель. Конные разведчики совершали рейды в глубокий тыл противника — до 150 верст — и добывали ценные для своего командования сведения. При надобности разведчики, общаясь на родном языке, с акцентом говоря по-русски, выдавали себя за чехословацких мятежников. Были случаи, когда местное кулачество, веря этим утверждениям, богато снабжало красных разведчиков продовольствием и выделяло им проводников. Г. Лаура, бывший кавалерист 1-го Таллинского батальона, в 1960 г. вспоминал, что в одной из деревень местные кулаки, приняв красных конников за чехов, выделили им 120 оседланных лошадей, а также овес и сено для коней [45].

Батальон намеревался повести наступление на Миасс, но кулацко-белогвардейский мятеж в тылу Златоустовской группы советских войск помешал осуществлению этого замысла. Мятежники перерезали в тылу красных войск связь с Уфой и Екатеринбургом, заняли станции Бердяуш и Тундуш, Кусинский завод и деревню Кураш. С помощью меньшевиков они готовились захватить и Златоуст [46].

Командующий Златоустовско-Челябинской линией фронта И. М. Малышев (бывший учитель, делегат VI съезда РСДРП(б), большевик с 1905 г.) повел наступление в тылу противника. С помощью эстонской роты, которой командовал А. Мянникокс, он очистил от мятежников Кусинский завод и станцию Бердяуш. Мятежники захватили санитарный поезд, на котором возвращался командующий. Все раненые вместе с медицинским персоналом были перебиты. После жестоких пыток 22 июня погиб И. М. Малышев [47].

На совещании 24 июня, созванном членом Уральского областного комитета партии большевиков Н. Г. Толмачевым, командиры и комиссары частей избрали Я. Пальвадре командиром Западносибирского участка фронта. 29 июня назначение было оформлено приказом командования Североурало-Сибирского фронта. Цементирующим ядром советских войск здесь стал Эстонский коммунистический батальон, в котором в это время осталось 524 пе-

хотинца при 17 пулеметах и 37 кавалеристов. Командование батальоном Я. Пальвадре позже передал Э. Тинну [48].

Натиск чехословацких мятежников и белогвардейцев усилился. Североурало-Сибирский фронт протяженностью около 900 верст располагал всего 7800 штыками, 183 пулеметами и 28 орудиями [49]. Общее наступление белых, начавшееся в конце июня, вынудило части Красной Армии, в том числе и Эстонский батальон, отступить к Златоусту (который был захвачен белыми 27 июня), а затем к Нязепетровску.

Передовой же отряд Эстонского батальона, защищавший в отрыве от основных его сил позиции в районе Тургояка, оказался в глубоком тылу противника. Приказ соединиться с батальоном был получен 27 июня. «Утром следующего дня мы должны были выступить... — вспоминал А. Плукк. — Но местонахождение батальона нам было неизвестно, знали мы только направление отхода. Оркестр играл днем для населения деревни, наше же настроение не поднималось, так как мы были полностью отрезаны от своих. Вокруг нас кишели белые банды. Но в Тургояке, как и повсюду, было достаточно тех, кто считал Красную Армию своей армией. Ночью в штаб пришли несколько человек, которые сообщили, что белые казаки намереваются напасть на нас при уходе, и предлагали себя в проводники под видом обозников... Белые ждали нас в засаде до развилки, думая, что мы пойдем на север по большой дороге. Мы же по совету местных жителей свернули с большой дороги на зимнюю дорогу, ведущую через Таганайский горный хребет. Разведчики белых следили за нами, а когда увидели, что мы свернули с дороги, сообщили своим людям, которые вскоре бросились нам вдогонку. Но они опоздали, мы ушли далеко в горы. Быстро продвигаться можно было только по узкой горной дороге. Обойти же нас они не могли, этому мешали густой лес и гористая местность. Пять человек из саперной команды, идущей в арьергарде, отражали винтовочным огнем попытки нападения сзади». Следующую деревню, где красных воинов поджидали белые, красноармейцы отряда заняли неожиданной атакой. В башкирском поселении удалось провести кулаков, выдав себя за чехословацких мятежников, пробирающихся в тыл к красным. Кулаки дали им проводников, и отряд благополучно соединился с батальоном на Нязепетровской железнодорож-

ной станции. Передовой отряд, действовавший в отрыве от батальона, не имел с ним связи две недели. Возник слух о гибели отряда. И батальонный комитет скоропалительно обвинил в этом командира и комиссара батальона и арестовал их. А по возвращении отряда уже батальон выносит постановление об аресте членов комитета. С тех пор в батальоне установилось единоначалие его командира [50].

Силы Эстонского батальона таяли в неравных боях. 5 июля противник численностью 1200 человек (из них 800 чехословацких мятежников) при поддержке двух бронепоездов повел наступление против частей Нязепетровской группы. Общее командование на этом участке фронта принял на себя начальник команды конных разведчиков Эстонского батальона А. Сорксепп (в старой армии — фельдфебель) [51]. Отважно и мужественно отражали натиск врага красные воины — русские, эстонцы, мадьяры (отряд красных мадьяр был сформирован в мае—июне 1918 г. из австрийских военнопленных и добровольцев Красной Армии). Все атаки противника были отбиты. Свыше ста защитников Нязепетровска похоронены 6 июля в братских могилах.

Красный фронт переходит в наступление. Без сопротивления отступают мятежники. Но вскоре те вновь собираются с силами, подтягивают орудия. На помощь прибыл атаман Дутов с 700 казаками. 11 июля противник, имея 1700—1800 штыков, кавалерию, два бронепоезда и около 10 орудий, опять приблизился к Нязепетровску. «...В ночь на 14 июля, — свидетельствует Я. Пальвадре, — они вновь окружили нас, разбили наш тыл и открыли со всех сторон интенсивный артпулеметный огонь. Белые имели возможность быстро передвигаться на конях, к тому же разведка у них была сильная, а разведывательная сеть распространялась по всему Уралу, что во многом способствовало успеху их операции. К тому же настроение части населения в то время склонялось в их пользу. Топографических карт у нас не было, окрестности незнакомые, и мы могли оперировать только вблизи дорог и железнодорожного полотна. Обоза как такового у нас тоже не было» [52]. Целый день шел горячий бой, затем красные войска вынуждены были отступить. Эстонский батальон отходил в арьергарде. Расположился он в районе Верхнего Уфалея, а затем по требованию личного состава выехал в Екатеринбург (накануне в этом

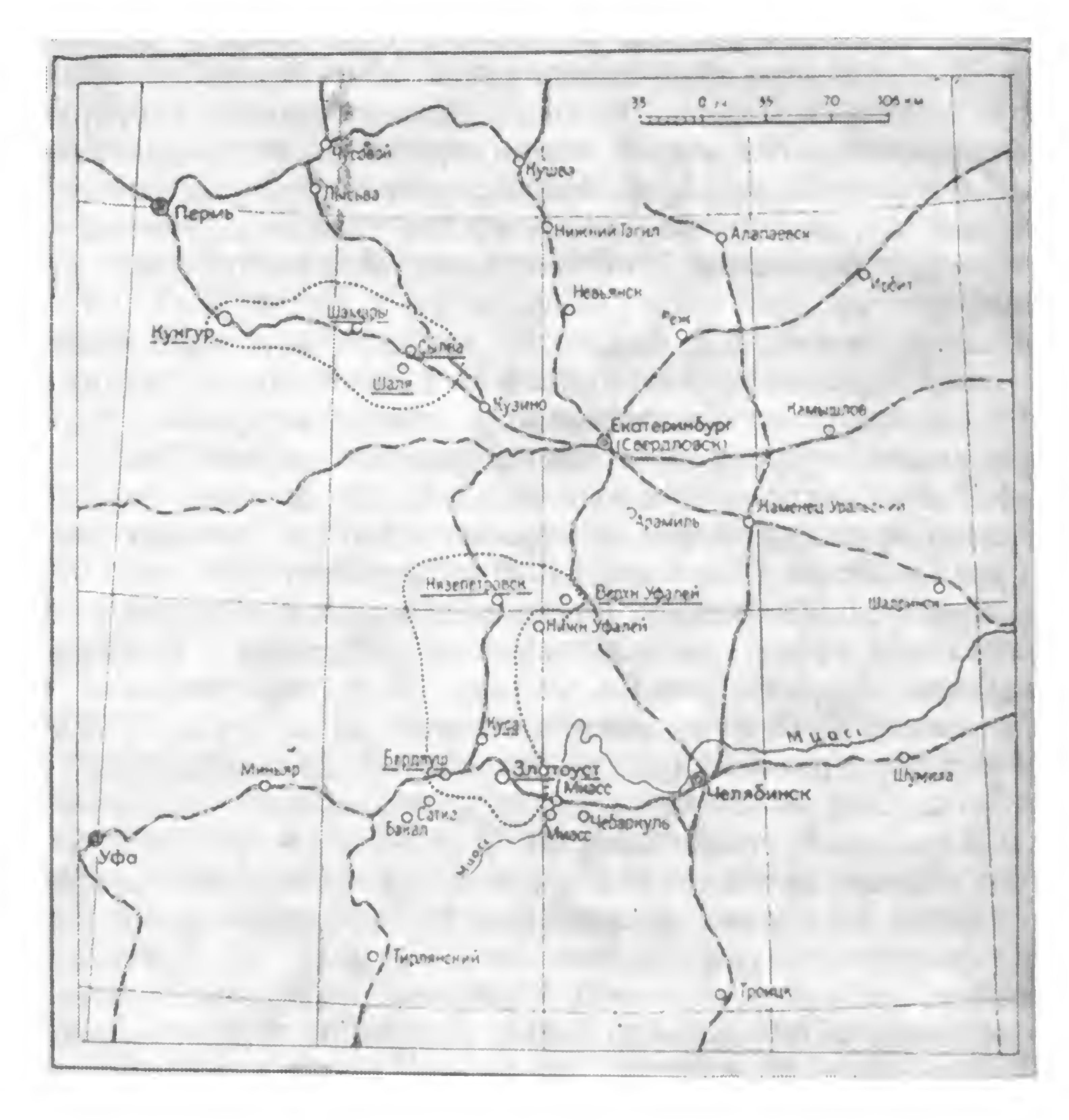

Схема 1. Район боевых действий 1-го Таллинского коммунистического батальона на Восточном фронте (*Типпер И.* В огне революции. Тал., 1964. С. 88)

городе в связи с угрозой занятия его белыми по постановлению Уральского областного Совета были расстреляны царь Николай II и его семья). Командование сочло необходимым предоставить батальону отдых, местом которого избирается город Пермь.

Вместе с пополнением в батальон прибыл из Петрограда врач И. Акимихин, коренной петроградец, окончивший в 1917 г. Военно-медицинскую академию и имевший уже опыт медицинской службы на фронте. Он оказался в то время единственным врачом не только в батальоне, но и на всем ближайшем участке фронта (до него медицинскую службу в батальоне несли три фельд-

шера, сёстры милосердия и санитары). В своих воспоминаниях Акимихин поведал о первых впечатлениях, полученных им от посещения штаба батальона: «Когда я... вошел в штабной вагон, то представившаяся моему взору картина резко отличалась от той, которую довелось видеть в прошлую войну. Весь состав штаба был вооружен до зубов. Бросались в глаза пистолеты различных систем, разного вида ручные гранаты, патронные ленты крест-накрест на груди. В промежутках между сиденьями у окон стояли винтовки, карабины, ручные пулеметы, в проходах — изготовленные к бою станковые пулеметы. Впечатление складывалось такое, будто штаб с минуты на минуту ждал атаки неприятеля. Как показали дальнейшие события, эта постоянная боевая готовность была далеко не лишней. Война на Урале была совсем иной» [53].

Первая конференция эстонских секций РКП(б)

Первая конференция эстонских секций РКП(б) проходила в Москве 13—15 июля 1918 г. Такие секции были организованы в различных городах Советской России. Основное внимание они уделяли созданию вооруженных сил Советской Республики. На конференции в качестве делегатов присутствовали и представители 1-го Таллинского эстонского батальона М. Ликеметс, А. Йеа, Э. Оттер, А. Рейметс. По докладу Я. Сихвера (бывшего учителя, видного деятеля первой русской революции, проведшего 11 лет на каторге) конференция приняла резолюцию, в которой отмечалось, что «конференция видит в Красной Армии авангард коммунизма» [54]. Конференция одобрила усилия Советского правительства, направленные на формирование сильной и непобедимой Красной Армии, и призвала всех эстонских трудящихся, проживающих в России, встать в ее ряды для защиты великого социалистического Отечества. Делегаты отметили, что именно сейчас Советская Россия нуждается в защите и промедление в настоящий момент преступлению подобно. Подчеркивалось, что национальные формирования должны беспрекословно подчиняться единому Советскому командованию. Ко времени созыва конференции в эстонских национальных частях Красной Армии насчитывалось около 3 тыс. человек. Дальнейшее их формирование было поручено вновь образованному Совету эстонских стрелков, работу которого возглавил Я. Сихвер. (Совет по организации Эстонского Красного войска прекратил свое существование.) Вновь образованный Совет

Я. Сихвер

принял меры к ускорению формирования новых частей Красной Армии.

В соответствии с решением конференции в Петрограде формируется 1-й Таллинский (Ревельский) стрелковый коммунистический полк. Ядром его послужила запасная рота 1-го батальона, остававшаяся в городе. Полк пополняли как добровольцы, так и мобилизованные в Красную Армию. Формировали его члены Совета эстонских стрелков А. Йеа и Х. Тедер (прапорщик старой армии, в 1917 г. командир отряда Красной гвардии, член РКП(б) с 1917 г.). Командиром полка был назначен Л. Ритт (офицер старой армии), воевавший до этого назначения в составе батальона под командованием Я. Пальвадре в качестве начальника саперной команды. Комиссаром полка стал А. Йеа, которого в октябре сменил А. Рейметс. На 30 сентября в полку насчитывалось 1008 человек. Одновременно с формированием полка шло формирование (также в Петрограде) 1-го Эстонского дивизиона легкой полевой артиллерии в составе двух батарей. В этот дивизион были зачислены и некоторые эстонские красные офицеры-артиллеристы, окончившие 18 сентября (в этот день состоялся первый массовый выпуск командных школ Красной Армии) артиллерийские курсы комсостава РККА, — Я. Апвельт, Р. Вакман, Р. Давыдов, братья А. и Р. Крикк, П. Леэвальд, Ю. Пруун, Я. Сихвер, Х. Туммельтау [55]. Два орудия со своими расчетами были направлены на Восточный фронт; 2-й батальон выехал туда же в середине октября.

После восьмидневного отдыха в Перми 1-й батальон в начале августа вновь направляется на фронт — теперь уже на Кунгурское направление. Он вошел в оперативное подчинение 1-й бригады (командование которой было временно возложено на Я. Пальвадре) 3-й Уральской дивизии. Екатеринбург был захвачен к тому времени (25

июля) чехословацким корпусом. 1-й эстонский батальон занял боевые позиции на линии фронта, которая проходила между станциями Вогулка и Шаля. Совместными усилиями батальона, подоспевших к нему на помощь 4-го Петроградского (Василеостровского) полка и батальона 7-го Уральского полка станция Шаля была освобождена от войск противника. Однако белые ее вновь заняли, оттеснив красные войска к станции Кордон. Защитники революции вели тяжелые наступательные бои в районах станций Вогулка, Сорга, рабочего поселка Сылва (21 августа), железнодорожных разъездов 64 и 65 и станции Шаля (4—5 сентября) и др. «В Вогулке, — вспоминал Я. Пальвадре шесть лет спустя, — батальон принял участие в одном из крупных боев, завершившемся взятием рабочего поселка Сылва. Этот бой был проведен по всем правилам военного искусства, бойцы наступали в цепи по грязи и болотистому месту. Батальон действовал в цепи как хорошо обученная и дисциплинированная воинская часть» [56]. Бои продолжались с переменным успехом.

В конце августа военный совет 3-й армии в одном из писем Петроградскому Совету высоко оценил боевые действия Эстонского коммунистического батальона: «...Здесь дерутся смольнинские эстонцы (эстонцы, охранявшие в Петрограде Смольный. — *В. М.*). Подчеркните на заседании Совета их доблесть и стойкость. Они потеряли половину своего состава, но дерутся, как львы». Петроградский Совет направляет штабу 3-й армии телеграмму: «Передайте горячий пролетарский привет Петроградского Совета Эстонскому коммунистическому батальону. Смольный гордится своим славным отрядом» [57]. Совет рабочих и крестьянских депутатов 1-го Городского района Петрограда наградил в августе Эстонский батальон Красным знаменем. Газета ВЦИК «Известия», информируя читателей о боях под Екатеринбургом, писала 4 сентября о необыкновенной доблести и стойкости эстонцев.

С гневом восприняли красные эстонцы весть о покушении эсерки-террористки Каплан на В. И. Ленина и убийстве в тот же день юнкером Канегиссером председателя ЧК в Петрограде М. С. Урицкого. На митинге 3 сентября 1-й Таллинский эстонский полк принял резолюцию, требующую объявления силам контрреволюции беспощадной борьбы [58].

В октябре на Восточный фронт прибыл, окончив Вто-

рые Петроградские артиллерийские курсы комсостава РККА в должности помощника командира артиллерийской батареи, Я. Анвельт. По его инициативе на Восточном фронте началось формирование Эстонской тяжелой артиллерийской батареи, командиром которой назначается И. Турья (в ноябре его сменил Х. Тедер).

По прибытии в конце октября 1-го Таллинского полка на Восточный фронт в него влились ранее действовавшие здесь эстонские части (1-й батальон, артиллерийские батареи). Полк вошел в состав 4-й Уральской стрелковой дивизии (с 11 ноября — 30-й стрелковой дивизии). С 22 сентября ею командовал В. К. Блюхер. Этот выдающийся советский военачальник первым в Советской Республике был награжден орденом Красного Знамени. В составе дивизии 1-й Таллинский эстонский полк принимал участие в ряде ожесточенных боев, освобождал станцию Туллумбасы (8 ноября), разъезд № 59 (9 ноября) и другие населенные пункты [59].

Революция в Германии, поражение германских империалистов в первой мировой войне, аннулирование Брестского договора резко изменили обстановку на западе Советской Республики. На повестку дня встал освободительный поход Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию.

Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис 16 ноября дал указание командующему 3-й армией срочно направить 1-й Таллинский эстонский полк в Ямбург в распоряжение командующего 7-й армией.

В связи с отъездом 1-го Таллинского эстонского полка (с позиции он снялся 24 ноября) 25 ноября был издан приказ № 451 войскам 3-й армии Восточного фронта, в котором отмечались и боевые заслуги 1-го Таллинского эстонского батальона: «... батальон эстонцев прибыл на фронт в июне месяце и с места вступил в бой. С тех пор до настоящего дня батальон принимал деятельное участие во всех боевых операциях.

Много славных боев вынесли на своих плечах эстонцы, много крови своей они отдали на защиту социалистической революции.

Работа батальона будет записана на многих и многих страницах истории выдающихся подвигов Красной Армии. Расставаясь с вами, герои-эстонцы, военный совет III армии счастлив вручить вам в воздаяние боевых за-

слуг, проявленных вами на многочисленных полях сражений седого Урала, Красное знамя, даренное Уральским областным комитетом партии коммунистов-большевиков, — как символ и эмблему заслуг перед Революцией.

Военный совет: *Берзин, Лашевич.*

Начальник штаба: *Алафузо*»[60].

Представители Уральского комитета партии и командования 3-й армии, прощаясь с эстонскими красными стрелками на станции Пермь-II, вручили им адрес: «Товарищи, ваш эстонский коммунистический батальон удостоен величайшей для солдат Революции чести: в награду за доблесть и мужество, проявленные в битвах с врагом Советской Республики, штаб III армии Восточного фронта вручает вам Красное знамя — символ пролетарской революции, символ коммунизма.

Это знамя вручается в мужественные руки эстонских пролетариев, показавших так много примеров пролетарского героизма. И, вручая вам это знамя, областной комитет коммунистов Урала от имени всего революционного уральского пролетариата выражает чувство восхищения вашими подвигами и приносит вам дань братской солидарности тех, чьи заводы, шахты и земли вы прикрывали грудью, борясь на наших горах за торжество коммунизма.

В самые тяжелые дни пришли вы к нам из далекой Эстляндии с братской бескорыстной помощью. Полгода вы сражались вместе с нами плечо к плечу. Здесь, на горах и в лесах Урала, смешалась кровь пролетариев красного Урала и Эстляндии. Крепок союз, спаянный кровью ваших и наших лучших братьев.

Шесть месяцев в битвах, шесть долгих месяцев вы были нашей гордостью, нашей гвардией, шесть месяцев мы жили одними горестями и радостями, одними победами и поражениями.

Сейчас, когда уральский пролетариат вручает вам полковое знамя, вы, товарищи эстонцы, идете на новые поля битв. Мы уверены, что вы храбро будете биться под этим знаменем, что мы вручаем наше знамя в верные мозолистые руки.

И где бы вы ни были, где бы ни пришлось биться вам с врагами пролетариата под сенью этого знамени, помните, дорогие товарищи, уральских рабочих, сердца которых с вами, со всем рабочим классом. Помните, что в тяжелые дни мы будем счастливы доказать наши братские чувства эстонскому пролетариату.

Да здравствует международная армия трудящихся!
Да здравствует Эстонский коммунистический полк!

Уральский областной комитет Российской Коммунистической партии» [61].

Легкая артиллерийская батарея (командир Х. Тедер) вынуждена была на некоторое время задержаться на Восточном фронте. Х. Туммельтау (коммунист с 1917 г., один из организаторов Красной гвардии в Таллине) позднее вспоминал: «Уральский фронт. Зима 1918 г. Сильный мороз — почти 40°. Толстый слой снега покрыл все дороги. Чехи и русская белогвардейщина начали большое наступление. Красные оставили Кунгур и Пермь... Приходилось воевать в глубоком снегу, на страшном морозе, делая нечеловеческие усилия. Иногда орудие или ящик со снарядами проваливались куда-то в канавы. Красноармейцы и кони вытаскивали орудие на какую-либо возвышенность. А чехи все время наседали, и опять орудие изготовлялось к бою, ломами приходилось крошить скально затвердевшую на морозе землю, чтобы упереть сошник орудия, вступить в бой и опять в дорогу. И так почти 200 километров... А наши товарищи были в это время уже далеко, за тысячу километров, под Таллином. Несмотря на то что у нас было большое желание поспешить на помощь братьям по классу в Эстонии, батарея до конца выполнила свой долг. Врагом для нас был как эстонский серый барон, так и чех, и русский белогвардеец — разницы не было» [62].

Воюя на Уральском фронте в 1918 году, отмечал Я. Пальвадре, эстонские красные стрелки обрели геройскую известность и вписали в историю Красной Армии славные страницы [63].

Боевые действия 15-го Тартуского эстонского коммунистического полка на Северном фронте

На Северном фронте отряды советских войск, преобразованные в сентябре в 6-ю армию, при поддержке отрядов петроградских рабочих и местных добровольцев, сформированных большевиками, а также красных моряков и партизан приостановили продвижение вражеских сил.

В боях против интервентов и белогвардейцев в сентябре — ноябре 1918 г. принимал участие и 15-й Тартуский полк, которым продолжал командовать А. Яновский. Полк в составе двух батальонов общей численностью 1130 чело-

век прибыл на фронт в конце августа и занял позиции в 140—145 км южнее Архангельска, несколько севернее железнодорожной станции Емца. Сплошной линии фронта здесь не было. Лесисто-болотистая местность вынуждала вести бои вдоль железной дороги, по долинам рек и редким трактам.

Полк начал боевые действия 6 сентября против превосходящих, хорошо оснащенных и вооруженных англо-американо-французских сил. Обмундирование противника состояло из суконных мундиров, овчинных полушубков, добротной обуви; на его вооружении имелись винтовки и автоматы, пистолеты и ручные гранаты; ранцы были набиты съестными припасами: консервами, галетами, шоколадом и обязательно фляжкой виски или коньяка. Красные же воины находились на скудном довольствии: фунт хлеба в день и жидкая каша два раза в сутки. Иногда варили конину. Купить у населения было нечего: ранние заморозки погубили урожай.

За первые две недели боевых действий потери полка составили около 250 человек. Попытки противника продвинуться дальше на юг успеха не имели. Англо-французские войска, пытаясь прорваться вперед, атаковали 29 сентября участок фронта, который оборонял 1-й батальон Тартуского полка. Упорный бой продолжался несколько часов. Противник, понеся потери, успеха не добился. Красным стрелкам достались значительные трофеи. В числе отличившихся в этом ночном бою был и командир 1-й роты Тартуского полка, хладнокровный, волевой и решительный А. Лиллакас (окончил до первой мировой войны учительскую семинарию, прапорщик старой армии) [64]. Он самым первым среди эстонцев удостоился ордена Красного Знамени. Вскоре Лиллакас был назначен командиром батальона, затем — командиром полка.

Через шесть дней после этого боя, 5 октября, в состав 15-го Тартуского полка влился 1-й батальон Нарвского эстонского полка, прибывший на Архангельский фронт из Гатчины. В этом батальоне насчитывалось около 300 человек, из них более 250 коммунистов. Командиром его был И. Раудметс, комиссаром — сын нарвского кузнеца, петроградский рабочий, участник штурма Зимнего дворца И. Махмасталь. Батальон сразу же приступил к боевым действиям. В ноябре батальон И. Раудметса, пополненный значительным количеством мобилизованных из северных районов, преобразовывается в 156-й стрелковый полк.

Схема 2. Район боевых действий 15-го Тартуского эстонского коммунистического полка на Северном фронте (*Типнер И.* В огне революции. Тал., 1964. С. 101)

В первой половине октября к красным стрелкам прибыли посланцы Петроградского Совета — три работницы — для вручения Тартускому полку Красного знамени за проявленные им стойкость и мужество. Они подарили воинам по фунту сигарных обрезков.

А. Лиллакас

После двух месяцев беспрерывных, изнурительных боев полк в первых числах ноября был сменен на передовой линии. Воины надеялись, что их отведут в тыл на отдых. Но на полустанке 445-й версты был получен приказ направиться в село Савинское, в 16 км левее железной дороги, и поступить в резерв фронта. Командиры и коммунисты приняли приказ к исполнению, но большая часть беспартийных на первых порах отказалась его выполнить, требуя отдыха. После бурного собрания на полустанке весь полк в полном составе подчинился боевому приказу [65].

В середине декабря 1918 г. на участке полка И. Раудметса произошел случай, свидетельствовавший о нарастании настроений братания в войсках интервентов с воинами Красной Армии. «В середине декабря 1918 года американцы, стоявшие на противоположном берегу реки Емца в районе деревни Кадыш, стали на ломаном русском языке вызывать красноармейцев:

— Выходите на мост. Покурим и поговорим. Стрелять не будем.

Вскоре на середину моста пришли американский офицер с солдатом-переводчиком. На встречу с ними направился И. Раудметс, знавший английский язык.

Отрекомендовавшись начальником боевого участка, офицер обратился к И. Раудметсу:

— Скажите, почему мы должны воевать с вами в этом сыром болоте? Мы, американцы, воевать больше с русскими не желаем. Нас обманывали, нам говорили, что мы

И. Махмасталь

отправляемся воевать с немцами, занявшими Россию, а мы их даже в глаза не видели... Русские — наши бывшие союзники. Почему же мы должны убивать их, а они нас?

Сделав паузу, он попросил:

— Вы, пожалуйста, не стреляйте больше по нам. Мы тоже не произведем ни одного выстрела.

И. Раудметс пообещал. Договорились на следующий день встретиться снова.

Но вторая встреча не состоялась. Командование американских войск, узнав о фактах братания, немедленно сняло с участков фронта своих солдат и заменило их отрядами белогвардейцев-добровольцев, получивших строгое указание не вступать с красными ни в какие переговоры.

О своей встрече с американским офицером И. Раудметс обстоятельно доложил начальнику 18-й стрелковой дивизии И. П. Уборевичу. Тот одобрил его действия, но предо-

И. Раудметс

стерег от возможных провокаций со стороны интервентов» [66]. Это не единственный случай стремления солдат интервентов к братанию. В. И. Ленин 27 декабря 1918 г. телеграфировал в Реввоенсовет Республики: «Прошу спешно разработать инструкцию о братании и особенно поощрять его на Северном фронте» [67].

Главком И. Вацетис 16 ноября 1918 г. дал указание вывести Тартуский эстонский полк из состава 6-й армии [68]. Полк в составе 1388 человек выехал в Ямбург. Батальон же Нарвского полка оставался на Северном фронте до конца июня 1919 г. [69] и участвовал во многих боях, в том числе и за освобождение Шенкурска [70]. И. Раудметс при взятии Шенкурска командовал 156-м полком (ВЦИК наградил этот полк Почетным Красным знаменем), а с февраля 1919 г. — 157-м стрелковым полком. С февраля по апрель 1919 г. он был командующим Вельско-Шенкурским боевым районом.

В БОЯХ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ЭСТОНИИ

Освобождение Нарвы

Согласно статье VI Брест-Литовского мирного договора, германские войска, оккупировавшие Прибалтику, оставались в Эстонии и Латвии для исполнения полицейских функций до тех пор, пока «не будет восстановлен порядок». Этот пункт германское правительство истолковало по-своему. Используя пребывание своих войск и опираясь на помощь местных немецких дворян, оно стремилось отторгнуть Эстонию и Латвию от Советской России, провозгласить здесь так называемое Балтийское герцогство, связанное персональной унией с Пруссией. Установив в Прибалтике кровавый режим, оккупанты подвергли ее народ нещадному ограблению. Общий экономический ущерб, нанесенный только Эстонии, превысил 193 млн руб. золотом [1].

Германское командование содействовало сколачиванию белогвардейских сил. При поддержке германских войск, направляемых главным военным командованием Германии, а также непосредственно материальной помощи в октябре 1918 г. в Пскове началось формирование белогвардейской Северной армии из русских офицеров, принудительно мобилизованных, и военнопленных, находившихся в Германии.

Поражение кайзеровской Германии в первой мировой войне и Ноябрьская буржуазно-демократическая революция в Германии позволили Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету заявить, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 г., утратили силу. В соответствующем постановлении ВЦИК от 13 ноября 1918 г. отмечалось: «Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные Германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу» [2].

Народные массы оккупированных территорий поднимались на борьбу за изгнание оккупантов.

11 ноября 1918 г. оккупационное правительство поставило у власти буржуазное Временное правительство Эстонии, опиравшееся на вооруженную националистическую организацию «Кайтселийт» («Союз защиты») и войска оккупантов. Официально передача власти этому правительству была оформлена в Риге 19 ноября. Однако рабочие Прибалтики решительно высказались за установление советского строя. В Эстонии — в Таллине и Нарве, а затем и в Валге — были избраны Советы рабочих депутатов.

Организаторами освободительной борьбы пролетариата выступили коммунисты. Ряды их сильно поредели за время немецкой оккупации. От 10-тысячной партийной организации Эстонии в январе — феврале 1918 г. сохранялось не более 5%. В условиях глубокого подполья уцелевшие члены коммунистической организации сумели пополнить свои ряды, восстановить Таллинский комитет РКП(б), организовать подпольную типографию. Из Советской России вернулись некоторые наиболее опытные организаторы партийной работы[3]. В их числе был и В. Кингисепп, нелегально вернувшийся в Таллин в ноябре 1918 г. Коммунисты готовили народ к борьбе за изгнание оккупантов, за восстановление власти Советов. Газета «Известия ВЦИК и Московского Совета» 8 ноября сообщала: «...в Эстонии ведется усиленная подпольная революционная пропаганда».

12 ноября 1918 г. таллинские рабочие по призыву большевиков вышли на улицы с лозунгом «Долой буржуазное правительство!». Настроение демонстрантов было революционным, а ненависть «рабочих — безграничной», зафиксировал один из организаторов этой демонстрации — В. Кингисепп[4]. Но силы были неравны. Опираясь на поддержку германских войск, буржуазное правительство удержалось. Чувствуя слабость своих позиций, оно лихорадочно искало помощи у англо-американских империалистов.

Приветствуя мощный авангард социалистической революции, Таллинский Совет рабочих депутатов надеялся на помощь пролетариата Советской России. В своем обращении от 19 ноября он выступил против сговора эстонской буржуазии с англо-американскими империалистами. «Эстонский же трудовой народ, — говорилось в документе, — протягивает свою братскую руку русскому трудовому народу для борьбы против общего врага, за Эстонскую советскую республику»[5].

15 ноября ЦК эстонских секций РКП(б) в Петрограде

постановил образовать Эстляндский Временный революционный комитет в составе членов ЦК эстонских секций РКП(б) Я. Анвельта (председатель), Г. Вайно, Р. Вакмана, Я. Сихвера и И. Хейнтука, а также Я. Икмельта, Я. Каземетса, В. Кингисеппа, Х. Пегельмана, Э. Тейтера и М. Тракмана. Через два дня большинство членов ревкома прибыло в Ямбург. 19 ноября ревком довел до сведения эстонских красных стрелков, что он обратился к русским рабочим и крестьянам с просьбой оказать эстонским трудящимся помощь в борьбе против сил контрреволюции. «Наши интересы едины, — писал Временный революционный комитет, — едина наша борьба, вместе мы создаем наше свободное будущее. Поэтому выступим рука об руку, превратим и Эстонию в неприступную советскую крепость, чтобы она совместно с Российской Советской Республикой противостояла неистовым атакам мирового империализма» [6].

Стремясь оказать помощь трудящимся Прибалтики и Белоруссии в борьбе за власть Советов, ЦК РКП(б) и правительство Советской России приняли решение сосредоточить у демаркационной линии на северо-западе соответствующие советские национальные формирования, находящиеся в составе Красной Армии. Основные тяготы освободительного похода Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию ложились, однако, на русские формирования. «Петроградская правда» 26 ноября 1918 г. писала: «Эстонские рабочие — наши братья. Эстонские полки дерутся на всех наших фронтах, и дерутся в первых рядах. Эстонские рабочие вправе требовать от нас помощи».

Освобождение Прибалтики и Белоруссии Главное командование Красной Армии возложило на 7-ю и Западную армии. Задача наступления от Ямбурга на Нарву и от станции Дно на Псков, а также дальнейшего наступления на запад была возложена директивой Главного командования от 16 ноября 1918 г. на 7-ю армию, созданную 1 ноября в составе Северного фронта [7]. Этим фронтом до 26 ноября 1918 г. командовал Д. М. Парский (генерал-лейтенант старой армии, добровольно вступивший в Красную Армию), а затем Д. Н. Надежный (также генерал-лейтенант старой армии, добровольно вступивший в Красную Армию). 7-й же армией командовал с момента ее создания до 28 ноября Е. А. Искрицкий, затем до 5 декабря — Е. М. Голубинцев, а с 5 декабря 1918 по 27 января 1919 г. — Н. В. Хенриксон.

Силы и средства 7-й армии были крайне ограниченны. В нее входили 2-я Новгородская, 6-я и 10-я стрелковые дивизии. К концу ноября 1918 г. в армии насчитывалось 7530 штыков и 390 сабель при 58 орудиях и 285 пулеметах. Они занимали линию фронта протяженностью почти 800 км [8].

7-я армия была усилена 1-м, 6-м, а также 4-м латышскими стрелковыми полками, переброшенными сюда из Симбирска и Арзамаса несколькими кавалерийскими эскадронами и батареей Латышской стрелковой дивизии. В оперативное подчинение 7-й армии была придана также часть Балтийского флота [9]. Следует отметить, что Балтийский военно-морской флот того времени не представлял собой крупной реальной силы. Его корабли требовали ремонта и обновления. Возможности ремонта судов были ограниченны, а недостаток топлива и обученного личного состава не позволял ввести в строй значительную часть флота. Начальник морских сил Балтийского флота С. В. Зарубаев в докладной записке в Реввоенсовет фронта писал 7 декабря 1918 г.: «...флот в своем огромном большинстве не может представлять из себя какой-либо боевой единицы, так как почти все суда настолько... были разоружены и механизмы их разобраны, что к выполнению каких-либо задач совершенно непригодны и рассчитывать на их приведение в должный вид нельзя» [10].

Недостаточность сил и средств красное командование надеялось компенсировать нарастанием освободительной борьбы в тылу противника, использованием людских и материальных ресурсов освобождаемых районов для усиления советских войск, развитием революции на Западе, прежде всего революционизированием солдатских масс германской армии. Эти надежды оправдались далеко не в полной мере.

Полки эстонских красных стрелков, за исключением 1-го Таллинского (он находился еще в пути), были сосредоточены на Нарвском направлении. Их численность на восточном берегу Нарвы составляла 2,5 тыс. [11]

Первой из эстонских частей Красной Армии в боевые действия под Нарвой вступил 2-й Вильяндиский (Феллинский) эстонский коммунистический стрелковый полк, части которого сосредоточились в Ямбурге 22 ноября, а заняли боевые позиции под Нарвой 26 ноября. Сформирован он был совсем недавно, в сентябре — октябре, в Ямбурге и Петрограде. Ядро его составили 263 человека, выделен-

ные из состава Таллинского полка. На командные должности в полк были направлены выпускники курсов пехотных красных командиров в Петрограде эстонской национальности И. Блатт, Э. Грюнберг, А. Ломбак, Э. Луйк, Я. Юриссон и др. В состав полка влились эстонские рабочие Петрограда, добровольно вступившие в Красную Армию. Центральный комитет эстонских секций РКП(б) объявил партийную мобилизацию эстонских коммунистов, проживавших в Советской России (только в Петрограде в сентябре 1918 г. они составляли, по данным отдела статистики Петроградского областного комиссариата труда, 3,7% городской партийной организации.)[12] Мобилизация прошла успешно: в 1919 г. около 95% эстонских коммунистов, находившихся в Советской России, служили в Красной Армии[13]. Военный совет эстонских красных стрелков послал агитаторов в эстонские поселения в РСФСР агитировать деревенскую бедноту за вступление в Красную Армию. Эти усилия дали положительные результаты. Позднее ветераны полка отмечали в своих воспоминаниях, что с каждым поездом из Петрограда в Ямбург прибывали новые добровольцы. Красноармейцы и командиры неустанно и усердно готовились к наступлению. Единство цели сплачивало людей. 24 ноября в газете «Коммунист», начавшей издаваться в Таллине, было опубликовано воззвание Вильяндиского полка к пролетариату Эстонии. В нем провозглашалось, что целью деятельности полка является установление Советской Республики трудящихся Эстонии; объявлялась беспощадная война классовым врагам трудящихся.

Командиром Вильяндиского полка на первых порах был офицер старой армии Л. Ритт. Однако его усердное стремление выдвигать на командные посты в полку подозрительных по своим политическим взглядам офицеров старой армии и попытки игнорировать комиссара полка А. Йеа послужили причиной отстранения его и еще семи его ставленников от занимаемых должностей. (Партийный коллектив полка постановил направить их в распоряжение Петроградского военного округа.) Командиром с 17 ноября стал Э. Тейтер (офицер старой армии, большевик с 1917 г.)[14]. В полку в это время насчитывалось уже более 700 человек, но его формирование еще продолжалось.

21 ноября в Ямбург прибыла 2-я батарея, сформированная незадолго до этого в Петрограде, 1-го легкого Эстонского артиллерийского дивизиона в составе 150 красноар-

Э. Тейтер

мейцев и четырех трехдюймовых орудий; прибыла также и Эстонская тяжелая полубатарея (два 42-линейных орудия). С Северного фронта 23—24 ноября в Ямбург прибыл 15-й Тартуский стрелковый полк. В нем насчитывалось 1388 человек. 1-й Таллинский полк появился в Нарве в начале декабря, уже после освобождения города. Значительное количество эстонцев из состава бывших красногвардейцев служило в 1-й и 2-й пограничных ротах (всего 250 штыков), охранявших демаркационную линию на псковском и нарвском участках.

ЦК эстонских секций РКП(б) ходатайствовал перед командованием Красной Армии об организации матросских команд из числа эстонцев, служивших на Балтийском

А. Йеа

флоте, что и было удовлетворено. Один из отрядов, в котором преобладали эстонские и финские революционные моряки в количестве 750 человек, прибыл в Нарвский залив на транспортных судах 28 ноября. Командовал им В. Пусс (с 1916 г. фронтовик, выпускник курсов инструкторов Красной Армии), комиссаром отряда был П. Волин.

Эстонские части Красной Армии находились в оперативном подчинении начальника 6-й стрелковой дивизии Н. Н. Иванова (генерал-майора старой армии). Он осуществлял общее руководство правым боевым участком 7-й армии, в состав которого входили войска двух колонн. Войсками правой колонны этого боевого участка (Ямбургского) общей численностью до 5 тыс. человек (в том числе в ротах и командах около 3 тыс. штыков и 265 сабель). Но не все эти войска сосредоточились под Нарвой (два полка 6-й дивизии находились в резерве в Гатчине и Новом Петергофе). В распоряжении командира войск правой колонны — командира 1-й бригады 6-й стрелковой дивизии А. Кеппена — имелись три артиллерийские батареи, один бронепоезд. Командование левой колонны правого боевого участка (Гдовского) было возложено на бывшего штабс-капитана М. Тюрина, в распоряжении которого было 1320 штыков и 10 пулеметов [15].

Южнее, в районе Пскова, располагались войска левого боевого участка 7-й армии, главные силы правой колонны которой составили 2-я Латышская стрелковая советская бригада, насчитывавшая около 2900 человек, и 2-я Новгородская стрелковая дивизия. Этим войскам предстояло двигаться в направлении на Валгу. Левая колонна этого, Псковского, участка получила приказ продвигаться на Остров — Пыталово и Вецгулбене [16].

Западная армия в ноябре 1918 — январе 1919 г. освобождала от германских войск Литву и Белоруссию.

За демаркационной линией, на территории Эстонии и Латвии, дислоцировалась 8-я германская армия. Германские войска оставались здесь и теперь. Они исполняли предписание секретного дополнения к статье 12-й Соглашения о перемирии, заключенного между странами Антанты и Германией в Компьене 11 ноября 1918 г., по которому Германия обязывалась оставить свои войска на оккупированной территории России (в том числе и в Прибалтике) до прибытия войск Антанты. В то же время германское командование не стремилось вывести свои войска из Прибалтики, пытаясь использовать их для участия в антисоветской войне. Оно надеялось сохранить и укрепить здесь политические и экономические позиции германского империализма. В состав 8-й германской армии входили 6 пехотных дивизий, кавалерийская бригада и 9 полков ландштурма. К этим силам следует причислить также войсковые формирования эстонской и латышской буржуазии и русских белогвардейцев [17].

17 ноября командующий Северным фронтом Д. П. Парский приказал 7-й армии перейти в наступление находящимися в ее распоряжении силами с целью освобождения Нарвы, Пскова и Острова [18]. Войска 2-й Новгородской пехотной дивизии и частично 6-й пехотной дивизии при поддержке восставших рабочих, разгромивших штаб Северного корпуса, освободили к вечеру 25 ноября Псков. Но взятие Нарвы затянулось, наступление, предпринятое 22 ноября, не увенчалось успехом. Командование надеялось на нейтралитет или слабое сопротивление германских войск. Оно не имело верных сведений о силах противника, к тому же не все силы, предназначенные для наступления, прибыли на место. Взаимодействие с кораблями Балтийского флота отсутствовало. В наступление пошли лишь четыре батальона пехоты, две легкие артиллерийские батареи да один эскадрон конницы. Пошли, не открывая огня. Красные войска успели дойти только до проволочных заграждений, поставленных на правом берегу реки Нарвы, протяженностью свыше 8 км, как были встречены интенсивным пулеметным и артиллерийским огнем противника. Атакующие вынуждены были отступить [19].

Ни командование, ни красноармейцы не ожидали столь упорного сопротивления со стороны солдат немецкой оккупационной армии (белоэстонцы 22 ноября еще не участвовали в военных действиях). Неудача деморализовала некоторую часть красноармейцев из состава батальонов 46-го и

47-го полков 6-й стрелковой дивизии. Под влиянием злонамеренной агитации прежних офицеров мятежники решили покинуть боевые позиции. Воины Вильяндиского полка под командованием Э. Тейтера бросились наперерез, чтобы разоружить вышедшие из повиновения силы. После короткой стычки они были рассеяны. Вильяндиский полк подобрал брошенные пулеметы, значительное количество винтовок, коней, снаряжение. К утру 23 ноября порядок на этом участке фронта был восстановлен [20].

Вечером 22 ноября штаб командования Ямбургского отряда получил провокационное письмо Совета немецких солдатских депутатов, в котором верховодили реакционные германские офицеры. Оно гласило: «Сегодня утром ваши войска предприняли под Нарвой наступление против наших товарищей. Это злодеяние достойно проклятия. Мы хотим с вами жить в мире и уйдем из Эстонии. Подождите с вторжением. До нашего ухода мы кроваво отразим любое ваше наступление» [21]. Как позже выяснилось, эстонское Временное правительство, стремясь выиграть время, пообещало немецким офицерам за помощь «щедрую государственную поддержку».

Эстляндский революционный комитет, рассчитывая на классовую солидарность и революционную сознательность германских воинов, ответил на это послание следующим письмом: «Совету немецких солдатских депутатов в Нарве. Восемь месяцев назад эстонские белогвардейцы при помощи войск кайзера Вильгельма загнали трудящихся Эстонии в рабство. Большое количество эстонских революционеров эмигрировало в Советскую Россию. Теперь, когда немецкие рабочие и солдаты осуществили великую революцию, низвергли коронованного разбойника Вильгельма и взяли власть в свои руки, ушедший эстонский пролетариат возвращается назад, чтобы вместе со своими порабощенными товарищами отобрать у помещиков и капиталистов власть и восстановить Эстонскую Советскую Республику. Поэтому не мы совершили злодейство, когда утром 22 ноября без единого выстрела приблизились к Нарве, а те, кто в нас стрелял. Мы воюем не с революционными немецкими солдатами, которым обеспечим свободное возвращение в Германию, а с эстонскими белогвардейцами. Если часть немецких солдат вопреки нашим ожиданиям начнет стрелять в возвращающихся на родину эстонских рабочих, солдат и матросов, мы вынуждены будем считать их пособниками угнетателей эстонского пролетариата.

Если стрельба повторится, мы вынуждены будем разрушить пушками те пункты Нарвы, откуда наши войсковые части обстреливаются. Но мы надеемся, что истинный немецкий солдат, идущий за своим великим вождем — Карлом Либкнехтом, не будет воевать против своих же товарищей — эстонских пролетариев, а повернет свой штык против своего классового врага — буржуазии и помещиков» [22].

Но тщетными оказались надежды. В подавляющем большинстве солдаты оказались послушным орудием в руках офицеров, защищавших интересы господствующих классов Германии и противников советского строя.

26 ноября Вильяндиский полк получил приказ штаба 6-й дивизии форсировать реку Нарву примерно в 6 км южнее города, в районе ее слияния с рекой Плюссой, зайти противнику в тыл и атаковать город Нарву с юга. Две пограничные роты получили задание форсировать реку Нарву в районе Нарвы-Йыэсуу (Усть-Нарвы, Гунгербурга) и затем действовать совместно с десантом моряков на левом фланге противника (однако этот десант не смог своевременно прибыть в указанное место). Один из эскадронов 2-го Петроградского полка и артиллерия должны были прикрывать левый фланг фронтальной группы войск Ямбургского отряда.

Поздно вечером 26 ноября 2-й Вильяндиский полк в полном составе погрузился в Ямбурге в эшелон. До посадки в вагоны перед красными стрелками с яркой речью выступил член Временного ревкома Я. Икмельт. Она подняла боевое настроение красноармейцев. Пройдя по только что отремонтированному Ямбургскому мосту, полк прибыл к мызе Комаровка (12 км западнее Ямбурга). Здесь стрелкам были выданы боеприпасы и продовольствие. Предстояло пройти до места переправы свыше 15 км по лесисто-болотистой местности, где не было дорог. Лед на болоте был еще тонок и трещал под ногами. Красноармейцы то и дело проваливались по колено в холодную грязь. Две лошади увязли в трясине. К 5 часам утра измученные красноармейцы добрались до реки, которую предстояло еще форсировать и совершить длинный марш-бросок до города. Надежда на успешный исход операции была мала. К всеобщей радости, ревком сообщил, что атака отложена на одни сутки. Полк разместился на отдых в местной чайной и на близлежащих хуторах. Посты охранения не выпускали никого за пределы расположения полка.

Штаб полка провел совещание по уточнению деталей предстоящей операции, в котором приняли участие командиры батальонов К. Кангер, Я. Юриссон и член Временного ревкома Эстонии Я. Сихвер. С наступлением темноты под руководством командира роты Уттера и Сихвера началась переправа красных стрелков на западный берег. На пяти лодках свыше 400 воинов форсировали реку и сразу же ринулись в наступление. Батальон К. Кангера овладел домиком лесника, перед которым в окопах размещалась немецкая сторожевая застава. Противник оставил на месте перестрелки пулемет, с десяток винтовок, значительный запас патронов и гранат. Рота, которой командовал А. Янес, оказавшись примерно в 4 км от города Нарвы, дошла до Балтийской железной дороги и разобрала в нескольких местах путь, чтобы воспрепятствовать отступлению неприятеля. Рассветало. В половине восьмого утра советская артиллерия открыла огонь по Нарве. Немецкие батареи ответили интенсивным обстрелом советских батарей, используя время от времени и снаряды с отравляющими газами.

2-й Вильяндиский полк потерял связь со штабом 6-й дивизии, так как немцы и эстонские белогвардейцы перерезали телефонные провода. Полагая, что под прикрытием артиллерийского огня началось общее наступление с востока на Нарву, Я. Сихвер от имени Революционного комитета республики потребовал немедленно начать атаку. Стрелкам предстояло преодолеть Иоальское поле, совершенно открытое, в то время как неприятель скрывался в укрытиях. В 9 часов 15 минут Я. Сихвер и командир полка Э. Тейтер повели в атаку первый батальон цепью, растянувшейся примерно на версту. Второй батальон, часть которого еще не подошла к месту, откуда началась атака, находился в резерве и охранял фланги наступавшей цепи. Метрах в 250 от границы города противник (немецкие войска и белоэстонцы) открыл со стороны «Кренгольмской мануфактуры» шквальный огонь из пулеметов и орудий. «Это был уже не огонь, а целое море огня», — вспоминали позднее наступавшие воины. Цепь атакующих залегла. Противник предпринял попытку зайти с левого фланга красных войск в тыл атакующим, но, попав под яростный огонь, отказался от этой затеи. Боеприпасы у атакующих иссякли, и они вынуждены были отступить [23].

В свое первое боевое крещение 2-й Вильяндиский полк потерял, как отмечалось в приказе от 29 ноября, убитыми

и ранеными 113 человек[24]. В числе раненых был командир полка Э. Тейтер (А. Ломбак в своих мемуарах пишет, что командир полка был ранен семью пулями[25]). Смертью героя пал на поле боя Я. Сихвер. Погибли командир 4-й роты Э. Грюнберг, помощник командира 5-й роты Э. Луйк, командиры взводов Х. Хильбах, Э. Ломбак, И. Кельнер, П. Сандер.

Действия полка породили тревогу у неприятеля. Железная дорога на время была выведена из строя, телефонная и телеграфная связь с Таллином прервана. Противник опасался наступления красных войск с тыла, тем более что в тот же день, в 13 часов 20 минут, в Нарва-Йыэсуу с двух транспортных судов в сопровождении крейсера «Олег» и трех миноносцев на западном берегу Нарвы после нескольких залпов судовой артиллерии высадился десант красных моряков (300 эстонцев и 200 финнов). Сопротивления десантники не встретили[26]. К десанту присоединились роты красных пограничников, форсировавших в тот же день реку Нарву.

После получасовой артиллерийской подготовки в 8 часов утра 29 ноября перешли в наступление на город с востока основные силы Ямбургского отряда красных войск, в составе которых был и 15-й Тартуский эстонский коммунистический полк. Противник встретил их интенсивным ружейно-пулеметным огнем. В ответ начался обстрел позиций немецких и белоэстонских войск. Красноармейцы заняли деревни Поповка, Пяхклимяэ, Кельдримяэ, мызу Ново-Ивановскую и подошли вплотную к восточным окраинам Нарвы. В городе начались пожары. В 16 часов 40 минут противник прекратил артиллерийский обстрел, вывел из строя железнодорожный и шоссейный мосты и приступил к выводу своих войск из Нарвы по шоссейной дороге. Из-за отсутствия регулярной связи между командованием главных сил Ямбургского отряда и десантным отрядом моряков, действовавшим совместно с пограничниками, дорогу к отступлению белых сил не удалось перерезать.

29 ноября главные силы Ямбургского отряда вошли в город. В связи с этим «Петроградская правда» 1 декабря сообщала: «Наши части, вступившие в Нарву, встречены населением восторженно». Сразу же стали поступать заявления от добровольцев с просьбой принять их в ряды Красной Армии. Несколько сот добровольцев пополнили 2-й Вильяндиский полк, составили ядро Эстонского полка

революционной охраны и влились в ряды эстонских красных конников, что позволило начать комплектование Эстонского кавалерийского полка.

По сообщению газеты «Известия ВЦИК» от 21 декабря 1918 г., красные войска взяли в Нарве трофеи: 10 орудий разных калибров, 3400 снарядов, более 5 тыс. винтовок разных систем, свыше 900 тыс. патронов, 30 тыс. бомб и мин, несколько ящиков пироксилина и динамита, 18 железнодорожных годных платформ, а также требовавшие ремонта паровозы.

Семь дней продолжались бои за Нарву. Выступая на I съезде Компартии Эстонии в ноябре 1920 г., Я. Анвельт как бывший Председатель Совета Эстляндской Трудовой Коммуны сказал, что освобождение Нарвы и дальнейшее продвижение красных войск затянулись по причине их малочисленности и технических недочетов. Кроме того, командование не сумело переправить войска через реку Нарву южнее или севернее города, где противник почти не имел сил [27]. Утверждения Я. Анвельта небезосновательны. Малочисленность и недостаточная техническая оснащенность советских войск не позволили красному командованию с ходу взять Нарву. Это было основной причиной, что освобождение Нарвы затянулось на целую неделю. Но при этом необходимо иметь в виду возможности и силу сопротивления противника. В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» в статье «Освободительный поход Красной Армии в Прибалтику и Белоруссию» констатируется, что немецкое командование сосредоточило в районе Нарвы «до 4 тыс. человек, 24 орудия, 12 минометов, 68 пулеметов и 1 бронепоезд, которые совместно с отрядом белоэстонцев (до 1 тыс. человек) заняли оборудованную в инженерном отношении оборону». Из белоэстонских частей «в Нарве находились формировавшийся там 4-й пехотный полк численностью примерно в 450 человек, из них более 100 офицеров, отряды «кайтселийта» и наспех сколоченный из сыновей буржуазии «ученический отряд» общей численностью более 500 человек». По другим данным, добытым советской разведкой, в Нарве были «сформированы два белогвардейских отряда общей численностью в 1100 человек» [28].

В то же время красные войска не имели возможности форсировать реку севернее или южнее города, где противник (по заявлению Я. Анвельта) якобы почти не имел сил. К северу от города Нарвы, на западном берегу реки, про-

тивник располагал силами в количестве 650—700 человек, а в районе Йыхви, Вайвары и других пунктов — довольно крупными резервами[29], которые могли быть переброшены в любой район, выбранный для форсирования реки красными войсками. К тому же отсутствовали средства переправы, а бродов на реке Нарве нет. Если бы обход города Нарвы и форсирование реки южнее или севернее города Ямбургским отрядом были реальны, то вряд ли начальник 6-й стрелковой дивизии Н. Н. Иванов, командовавший войсками первого боевого участка 7-й армии, упустил эту возможность. Опытный боевой командир (генерал-майор старой армии) еще в феврале 1918 г. выводил во время немецкого наступления из Северной Эстонии части 49-го армейского корпуса.

Провозглашение Эстляндской Трудовой Коммуны

29 ноября 1918 г. в Нарве на совместном заседании Революционного комитета и ЦК эстонских секций РКП(б) Эстония была провозглашена советской республикой — Эстляндской Трудовой Коммуной. Временный Эстляндский революционный комитет сложил свои полномочия. Правительство республики — Совет Коммуны — возглавил Я. Анвельт. Ему же было поручено ведение военных дел. Совет Эстляндской Трудовой Коммуны обратился к народу Эстонии с манифестом, в котором сообщал о восстановлении Советской власти.

В тот же день, 29 ноября 1918 г., В. И. Ленин направил Главкому И. И. Вацетису телеграмму: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей. Ввиду этого просим дать командному составу соответствующих воинских частей указание о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные Советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины и Литвы, но, разумеется, только Советские правительства.

Ленин»[30].

Директива главы Советского правительства была принята командованием красных войск к исполнению.

30 ноября В. И. Ленину за подписью И. Кясперта (большевика с 1912 г.), члена Совета Эстляндской Трудовой Коммуны, была отправлена телеграмма:

«Военная, срочная, Москва, Кремль, Ленину, копия Свердлову.

Эстляндским Центральным Комитетом Коммунистической партии двадцать девятого ноября в городе Нарве провозглашена Эстляндская Советская республика и образовано правительство Коммуны в составе следующих товарищей: председатель — Анвельт, [он же] комиссар по военным делам; комиссар народного хозяйства — Пегельман, Международной связи — Мяги, просвещения — Вальнер, управляющий делами Совета Коммуны — Кясперт. В первую очередь правительство Коммуны объявило действующими все декреты, изданные Советской властью до оккупации страны. И. Кясперт, Нарва, ратуша» [31].

2 декабря в Нарве состоялись похороны павших воинов 2-го Вильяндиского полка. В 12 часов рабочие собрались у Кренгольмского кладбища. Улицы были заполнены трудовым народом. Звучала траурная музыка. Развевались красные знамена. Павших воинов похоронили с воинскими почестями в братской могиле в Темном саду в центре города. С речами выступили Я. Анвельт, член правительства республики Х. Пегельман и однополчане погибших. Комиссар полка А. Йеа зачитал письмо находившихся на излечении в Кренгольмской больнице однополчан. «Преклонив колени у свежей могилы наших дорогих собратьев по оружию, — писали они, — мы гордимся их героическим подвигом и клянемся, что еще теснее сплотим свои ряды и посвятим себя целиком делу, за которое они отдали свои жизни» [32].

На восьмой день после провозглашения Эстляндской Трудовой Коммуны, 7 декабря 1918 г., Совнарком РСФСР признал независимость Эстонской Советской Республики и заявил об оказании всемерного содействия эстонскому народу в борьбе за освобождение родины от ига буржуазии. Все трудящиеся Советской России одобрили ленинский декрет о признании независимости Советской Эстонии. Газета «Северная беднота» 3 декабря 1918 г. писала: «Нужно, товарищи, эстонцам помочь, нужно отдать им все силы — народу, который всегда откликался первым на бой за великий коммунизм» [33].

Боевые действия частей Красной Армии в Эстонии в декабре 1918 — январе 1919 г.

Красные войска, вступив в Нарву, приостановили временно дальнейшее наступление. Командование 6-й стрелковой дивизии выдвинуло свой авангард на линию Аувере — Утриа, что примерно в 13 км западнее Нарвы. Немецкие войска в это время готовились к уходу из Эстонии (из северной ее части они отбыли 9 декабря 1918 г., из южной — 23 декабря). Выжидательная тактика объяснялась, видимо, тем, что командование дивизии рассчитывало на изменение ситуации, которая облегчит дальнейшее продвижение вперед. В Южной и Центральной Эстонии действия частей Красной Армии в то время также не были активными. В какой-то мере триумфальные победы власти Советов в России и подъем революционного движения в Западной Европе породили широко распространившуюся в те дни, но несбывшуюся надежду на быстрое перенесение центра пролетарской революции из России на Запад, на скорую победу всеевропейской социалистической революции.

Задержка с наступлением оказала негативное влияние на дальнейший ход операции, дав буржуазному временному правительству возможность провести мобилизацию в белую армию, к которой подоспела помощь и из-за рубежа. К тому же противник разрушил железную дорогу.

Общее наступление северной группировки 6-й стрелковой дивизии началось 5—6 декабря. Из эстонских красных национальных частей на Таллинском направлении поначалу действовал Тартуский полк, затем к нему присоединились десантный отряд моряков под командованием В. Пусса и отряд балтийских моряков, прибывший в Нарву 19 ноября. Им командовал Ф. Трофимов. 8 декабря в боевые действия включился Таллинский полк, прибывший с Восточного фронта. Вильяндиский полк, понесший 28 ноября ощутимые потери, доформировывался в Нарве. Тартуский полк после двух атак овладел 9 декабря станцией и местечком Йыхви, затем занял населенный пункт Кохтла.

10 декабря Главное командование Красной Армии в директиве командованию Северного фронта и Западной армии отметило, что советские войска, продвигаясь в западном направлении, дошли до линии Йыхви — Выру — Крустпилс — Даугавпилс — Минск — Слуцк — Шацылка — Руденец. Даугавпилс и Минск были освобождены 9 и 10 декабря (но немецкие войска еще около двух недель

Копия

Резолюция
коммунистов имения Разин 1918 год 19 дек

На общем собрании рабочих и красной армии имения Разин, состоявшееся в 7 часов вечера 19го Декабря 1918 года

Мы рабочие имения Разин единогласно решили восстановить власть рабочих и присоединиться к общему освобождению нашему движению Эстонских рабочих и крестьян. Имение Разин мы берем со всем имуществом в свои руки, для чего избран комитет из пяти лиц

Да здравствует совет. рабочих и крестьянских депутатов Эстляндии!

Председатель: [illegible]
Секретарь: [illegible]
Члены [illegible]

Резолюция коммунистов имения Разин. 19 декабря 1918 г.

после достижения соглашения о добровольном уходе оставались в Даугавпилсской крепости [34]). Директива предписывала энергичное продолжение наступления на Таллин и Валгу, а после их освобождения — на Пярну и Ригу, овладение всем Рижским побережьем [35].

15-й Тартуский и 1-й Таллинский полки, продолжая активные боевые действия, продвигались с боями вперед. Отважно действовал красный кавалерийский эскадрон

«Красноармейцы на подступах к Раквере в 1918 г.» Худ. О. Раунам

1-го Таллинского полка. 46-й полк и отряд Трофимова находились в резерве в районе Йыхви, прикрывая левый фланг северной группировки с юга. В Йыхви прибыл и один из батальонов 2-го Вильяндиского полка под командованием К. Кангера. Погрузившись здесь в эшелон, батальон доехал до станции Раквере. Ее в ночь на 17 декабря освободил от белых 15-й Тартуский полк. В Раквере — административном центре Вирумааского уезда — красными войсками были взяты пленные, захвачен провиант, 5 тыс. винтовок, 100 тыс. патронов, 11 пулеметов, 5 минометов, 6 бомбометов и другие трофеи. Красные войска потеряли при освобождении Раквере 8 человек убитыми и 33 — ранеными [36].

Трудящиеся рабочего поселка Кунда, Раквере и других населенных пунктов встречали воинов Красной Армии благожелательно, помогая им и оружием. В журнале боевых действий 4-го белоэстонского полка за 10 декабря сделана следующая красноречивая запись: «...командир 5-й роты подкапитан Ларетей сообщает: в Мызе Конью в его тылу находилась группа мызных рабочих-большевиков, которые во время обстрела Вайвары с криком «ура» двинулись в деревню Конью, занялись там агитацией, затем заставили управляющего и кладовщика выдать им зерно, а вечером устроили в помещении мызы вечер танцев. Про-

сит утихомирить мятежников». Запись, сделанная на следующий день, 11 декабря, гласит: «...в 10 ч 20 мин из верхних окон Азериской фабрики местными красными, которыми руководят здешние инструкторы, неожиданно с тыла по нашей 1-й роте был открыт ружейно-пулеметный огонь, в результате чего рота попала под круговой обстрел. В то же время большевикам удалось изнутри отрезать ее от других частей полка» [37]. В протоколе допроса буржуазными властями одного из членов Комитета революционного порядка волости Лайузе (Тартуский уезд) от 21 декабря записано: «...местное волостное правление ушло неизвестно куда... В целях охраны общественного порядка, безопасности людей и сохранения их имущества образуется Комитет революционного порядка в лице Яана Тооминга, Александра Ойя и Йох. Умала, который временно поддерживает общественный порядок до прихода советских войск». В документе, составленном прапорщиком эстонской буржуазной армии А. Кербергом 5 января 1919 г., говорится, что рабочий Яак Эек на собрании рабочих волости Тянассильма (Вильяндимаа) заявил: «Любой мыслящий человек не должен признавать Временное правительство Эстонии, мы должны жить в содружестве только с русскими братьями и с ними делиться куском хлеба. Эстонское Временное правительство более кровожадно, чем какое-либо королевское, и требует от наших братьев новых жертв... Кроме того, Яак Эек формировал большевистское (волостное. — *В. М.*) правление, чтобы в удобный момент выступить» [38].

Продвигались вперед и войска левого боевого участка 7-й армии, которыми командовал М. Н. Васильев (подполковник старой армии). Комиссаром этого, Псковского, боевого участка был Я. Фабрициус (сын латышского крестьянина, член Коммунистической партии с 1903 г., унтер-офицер старой армии). Город Выру, в юго-восточной Эстонии, был занят по согласованию с немецкими войсками 8 декабря без боя 1-м и 4-м латышскими стрелковыми полками. В день занятия этого города «Петроградская правда» в передовой статье писала, что красные войска успешно освобождают Прибалтику. «Среди них сражаются отряды, составленные из уроженцев Прибалтийского края, но главная тяжесть борьбы ложится на плечи полков, состоящих из русских рабочих и крестьян...

Мы все еще помним, как рабочие и крестьяне Эстляндии и Лифляндии... тысячами встали под знамя форми-

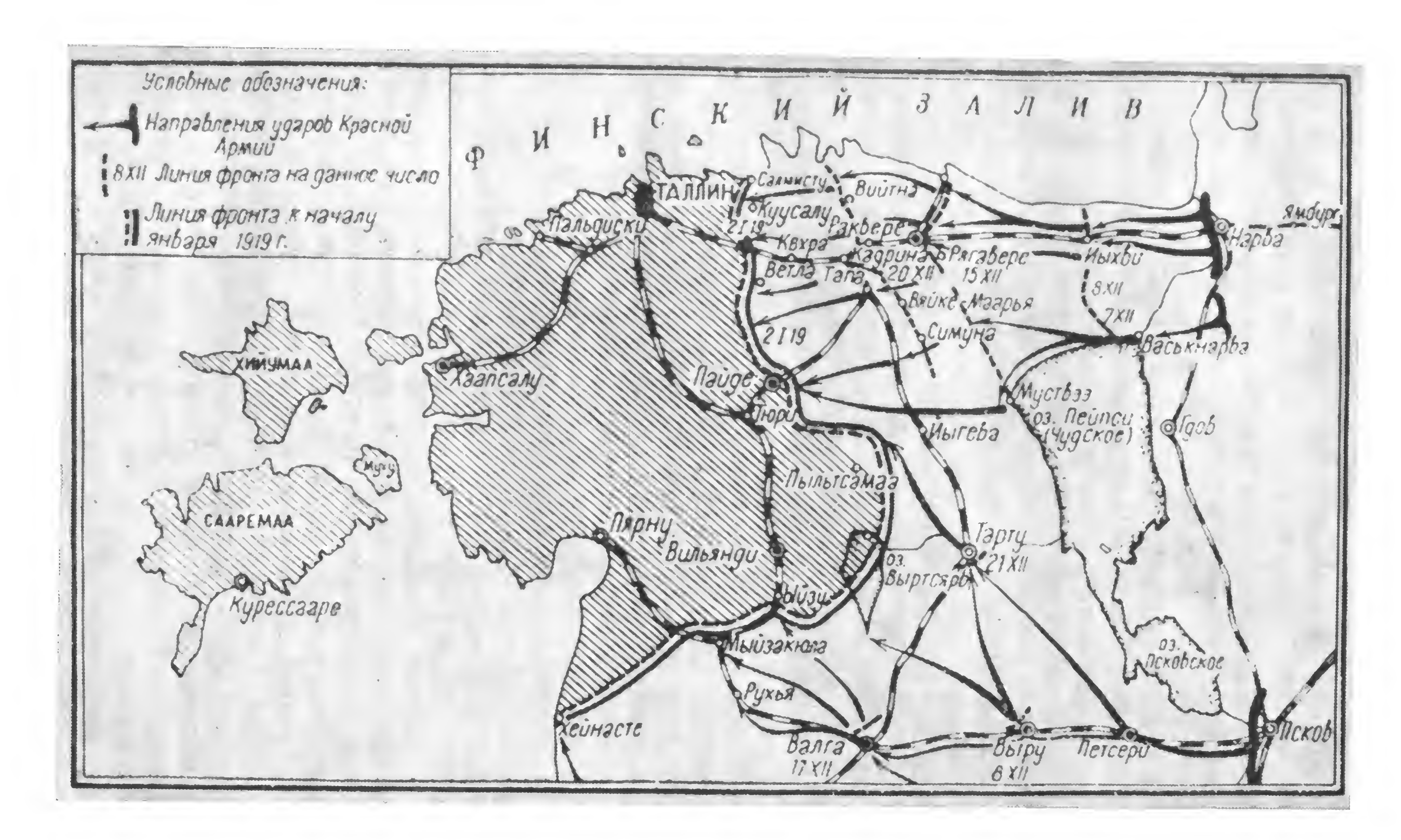

Схема 3. Операции частей Красной Армии по освобождению Эстонии в ноябре 1918 — январе 1919 г. (*Либман А., Маттизен Э.* Логика истории. Тал., 1968)

рующейся Красной Армии и теперь проливают свою кровь на всех многочисленных фронтах социалистической республики. Всюду, где приходится иметь дело с натиском внешних врагов, а равно и с напором контрреволюции внутри страны, отряды, составленные из эстляндских и лифляндских рабочих, оказались самой крепкой, самой верной опорой Советской Республики. Жизнь лучших своих сынов отдали трудящиеся Прибалтики делу вооруженной защиты социализма, делу обороны коммунистической Родины.

И поэтому теперь рабочие и крестьяне России исполняют свой долг перед трудящимися Латвии и Эстляндии, когда несут им освобождение от господства белогвардейских шаек».

В статье «Работа коммунистов в Нарвском районе 7-й армии» 21 декабря 1918 г. газета информировала своих читателей: «Во всех частях, действующих в районе, организованы коммунистические ячейки, из которых некоторые насчитывают весьма значительное число членов: так, Юрьевский (Тартуский. — *В. М.*) полк насчитывает в своем коллективе 80 коммунистов и 125 сочувствующих, а Ревельский (Таллинский. — *В. М.*) эстонский полк — 150 коммунистов и 200 сочувствующих. Цифры очень высокие». Очевидно, эта информация появилась в газете в связи с состоявшейся 12 декабря в Нарве первой конференцией коммунистов эстонских национальных частей Красной Армии, в работе которой приняли участие 68 делегатов, представлявших 482 члена партии.

Конференция отметила высокий боевой дух всего личного состава и образцовую дисциплину в эстонских национальных частях, подлинно товарищеские отношения между командирами и красноармейцами. Отмечалось также, что взаимоотношения между Красной Армией и эстонскими крестьянами очень хорошие. Подчеркивая необходимость усиления партийно-политической работы в воинских частях, делегаты пришли к решению создать объединенное бюро партийных коллективов эстонских национальных частей Красной Армии. Это было тем более необходимо, что назревал вопрос о создании эстонской Красной Армии, о слиянии всех эстонских частей в одно воинское соединение. Конференция высказала серьезную озабоченность состоянием снабжения воинских частей боеприпасами, обмундированием и продовольствием и рекомендовала Совету Эстляндской Трудовой Коммуны напра-

вить своих уполномоченных в воинские части с заданием проверить дело снабжения и принять меры к его улучшению [40].

В ходе наступления частей Красной Армии шло формирование новых эстонских национальных советских воинских частей, на первых порах на основе добровольности, а затем и мобилизации.

Газета «Известия эстонских стрелков» (издававшаяся на эстонском языке с 28 ноября 1918 по 14 января 1919 г.) 17 декабря 1918 г. сообщала, что в Нарве свыше 600 человек изъявили желание вступить в доформировывавшийся здесь 2-й Вильяндиский полк.

Военное управление Совета Эстляндской Трудовой Коммуны 4 декабря отдало распоряжение о формировании кавалерийского полка. Команда конных разведчиков 1-го Таллинского полка, сформированная еще на Восточном фронте, влилась в этот полк в качестве его 1-го эскадрона. Полк формировался в Нарве, затем в Раквере. Командиром полка был назначен Я. Юриссон, занимавший до этого пост командира 2-го батальона Вильяндиского полка, его помощником — А. Сорксепп [40].

На основе декрета Совета Эстляндской Трудовой Коммуны от 7 декабря во всех освобожденных городах, рабочих поселках и волостях создавались вооруженные силы революционной охраны, подчиненные Управлению внутренних дел Совета Коммуны. 15 декабря издается декрет о формировании полка революционной охраны, на который возлагалась охрана революционного порядка в пределах границ всей Эстляндской Трудовой Коммуны. Чрезвычайным комиссаром полка стал член Совета Коммуны И. Кясперт [41]. Спустя 10 дней приказом командира полка К. Саммеля доводилось до всеобщего сведения, что в состав полка вошли: отряды пограничной охраны — в качестве 1-го батальона, железнодорожной охраны — в качестве 2-го батальона, отряды городской охраны — в качестве 3-го батальона, отряды сельской охраны составили 4-й батальон. В конце декабря в полку насчитывалось свыше 800 бойцов [42].

Военное управление Совета Коммуны постановило открыть с 20 декабря 1918 г. трехнедельные курсы по подготовке взводных командиров в количестве 75 человек. На учебу направлялись грамотные и дисциплинированные красноармейцы, прослужившие в армии не менее шести месяцев. И на курсы, и в полк революционной охраны при-

нимались лишь коммунисты и беспартийные советские патриоты, представившие две рекомендации членов партии [43]. Позднее эти курсы были переведены в Гатчину, где они, функционируя до 1920 г., были школой подготовки среднего командного состава для эстонских частей Красной Армии.

В адрес руководства Совета Эстляндской Трудовой Коммуны позднее высказывались упреки в том, что оно не провело своевременно на территории, освобожденной Красной Армией, мобилизации в свою армию. Временное же белоэстонское правительство после отступления красных войск мобилизовало проживавших в этих районах мужчин, годных к военной службе, в армию буржуазной Эстонии. Упрек этот, кажущийся на первых порах справедливым, не выдерживает столь суровой критики при детальном рассмотрении вопроса. Я. Анвельт, отвергая эти обвинения, отметил на I съезде Компартии Эстонии, что в распоряжении Совета Коммуны не было ни соответствующего аппарата, способного осуществлять мобилизацию в больших размерах, ни соответствующих инструкторов, способных обучать мобилизованных в армию военному делу, ни вооружения (в нем ощущался недостаток даже в сформированных уже полках), ни снаряжения, ни обмундирования, ни питания [44].

По поручению ЦК РКП(б) 24 декабря с Я. Анвельтом по телефону беседовал И. В. Сталин. Председатель Совета Эстляндской Трудовой Коммуны информировал: «Мы готовимся к мобилизации и уже частично провели бы ее, если бы имели обмундирование. Завтра наш товарищ выезжает в Москву, чтобы договориться относительно отпуска всего необходимого для нашей классовой армии — 20 или 30 тысяч красноармейцев — батраков и рабочих мы во всяком случае сумеем набрать, и эти части сослужат службу не только в борьбе против эстонских белогвардейцев, но будут потом к услугам Советской власти и на других фронтах...» [45] К сожалению, эти намерения осуществились далеко не в полном объеме.

За шесть дней до этой беседы, 18 декабря, Совет Эстляндской Трудовой Коммуны издал декрет о проведении мобилизации в армию Советской Эстонии всех не пользующихся наемным трудом мужчин, годных к военной службе. Остальные трудоспособные мужчины подлежали направлению в трудовую армию [46]. Однако практическое проведение в жизнь этого декрета началось позднее. Лишь

12 января 1919 г. Военному управлению Коммуны фактически удалось приступить к проведению мобилизации мужчин 1894—1898 годов рождения. Осуществить это мероприятие, и то не в полном объеме, удалось только в Нарве и Нарвском и Выруском уездах. Так, в Выруском уезде было мобилизовано около 1300 человек.

В Выру 27 декабря 1918 г. началось формирование 5-го Коммунистического эстонского стрелкового полка (до 15 марта — 3-го). Формировали его командир полка А. Мянникокс (ранее командовавший батальоном в составе Таллинского полка) и комиссар полка М. Куульбах (таллинский рабочий-красногвардеец, до этого — председатель полкового партийного коллектива в Вильяндиском полку). Ядро полка сложилось из добровольцев, а с конца января он стал пополняться мобилизованными. Формирование полка было закончено в конце января 1919 г. в Алуксне (Мариенбурге). К 15 февраля в нем насчитывался 1471 человек, в том числе в стрелковых ротах — 1220 человек. Лишь немногие из мобилизованных служили прежде в армии. Полк ничего казенного еще не получал, отмечено в краткой рукописной истории полка, составленной в 1919 г.[47] Э. Вызу, воевавший в составе этого полка, в своих воспоминаниях, опубликованных в 1934 г., писал: «Полк был вооружен и одет довольно плохо. Кроме ружей, не было ничего, да и те были различных систем: русские и японские винтовки вперемежку...

Таким же пестрым, как оружие, было и обмундирование: у одного шинель, у другого — пальто или шуба; у одного сапоги, у другого — поршни.

Полк состоял в подавляющем большинстве из добровольцев. Тут были поссорившийся с «серым бароном» батрак, издольщик, бобыль. Были и целые семьи. Например, я сам, все три брата, да еще дядя и двоюродный брат — всего пять однофамильцев! Были и такие семьи, в которых классовые интересы поставили брата или отца по разные стороны фронта. Одним словом, полк в большинстве своем состоял из городского и сельского пролетариата»[48].

В январе 1919 г. в Пскове шло формирование Эстонского запасного полка (более 1200 мобилизованных из Выруского и Нарвского уездов и до 200 добровольцев). 24 января перед новобранцами выступил Я. Анвельт. Он разъяснил: «...никто вас насильно воевать не заставляет. Кто трус, кто не сочувствует рабочему классу, кто не хочет воевать, пусть сообщат об этом комиссарам своих частей,

и их немедленно отправят домой. Они могут свободно уйти»[49]. И действительно, нашлись такие, кто ушел из Красной Армии. Но основная масса осталась.

В феврале 1919 г. В. Пусс начал формировать 5-й Эстонский коммунистический полк (с 15 марта — 6-й). Комиссаром его временно был назначен председатель партийного коллектива полка Я. Каземетс. Ядро полка составили моряки-десантники, высадившиеся 28 ноября 1918 г. в Усть-Нарве. Формировался он за счет личного состава, прибывавшего из резервного полка, эстонцев, служивших ранее в других воинских частях, перебежчиков, военнопленных, выразивших желание служить в Красной Армии, и небольшого числа добровольцев. Во второй половине апреля его численность достигла 650 человек[50]. Формировался полк в Старой Руссе, затем в Луге. В Гатчине формировались две эстонские артиллерийские батареи. Продолжалось дальнейшее формирование и кавалерийского полка. (Небезынтересно, что в полку зародилась традиция давать коням клички, которые отражали классовую ненависть всадников к титулованным персонам и презрение к отдельным ненавистным личностям, — Барон, Принц, Распутин и т. п.).

Всего эстонские национальные части с декабря 1918 по апрель 1919 г. пополнились 2800 добровольцами и 2000 мобилизованными воинами[51].

В середине декабря 1918 г. Красная Армия продолжала вести наступательные бои. На освобожденных территориях восстанавливался советский государственный аппарат, проводилась национализация промышленности, значительное внимание уделялось и культурному строительству. Делегация Эстляндской Трудовой Коммуны в своей информации Народному комиссариату РСФСР по делам национальностей сообщала: «В настоящее время передвижение эстонской Красной армии происходит очень успешно. По пути следования [к] Красной армии примыкают сотнями добровольцы, увеличивая ее состав ежечасно. Порядок в армии образцовый — хулиганского элемента не наблюдается.

Строгая дисциплина и полный порядок. Во всех очищаемых от белогвардейцев районах восстанавливается Советская власть. Все учреждения, фабрики, заводы пущены в ход.

Народные банки функционируют, и заметно очень оживленное поступление вкладов со стороны населения.

Образовываются комитеты бедноты. Никаких дележек земли не производится.

Крупные экономии сохраняются и переходят в собственность государства под управлением батраков.

Характерно одно отрадное явление. Во всех безусловно учреждениях, государственных и общественных, слышен эстонский язык, то, чего никогда не бывало.

Видно, что Советская власть, введя обязательность родного языка в делопроизводство, стала близкой и родной для эстонских масс.

Столицей Эстонской Советской Республики намечается г. Юрьев» [52].

15 декабря 2-я Латышская стрелковая советская бригада получила приказ очистить Валгу. Противник счел благоразумным отступить. Как только белогвардейцы оставили этот город, отойдя к Валмиере, власть в нем взял в свои руки Совет рабочих депутатов. Глава Советского правительства Латвии П. Стучка (член Коммунистической партии с 1895 г., имел высшее юридическое образование) писал в газете «Циня» 30 января 1919 г.: «Когда 21 декабря я вместе с товарищами прибыл в Валку (латышское произношение. — *В. М.*), город был полностью освобожден. В Валке Совет рабочих депутатов уже существовал раньше, он взял власть в свои руки... Белогвардейцы и части германской «Железной дивизии» свирепствовали в Валке: они напали на незащищенный Совет, при этом пострадали три наших товарища. Но это еще не все, они жестоко отомстили железнодорожникам за их сочувствие большевикам и не только убили 16 из них, но также обезобразили их трупы... А по дороге в Валмиеру они загнали в дом трех товарищей (двое из них — женщины) и сожгли их» [53].

Советское правительство Латвии 17 декабря 1918 г. обратилось к трудящимся с манифестом, в котором объявило о переходе всей власти в Латвии в руки Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов [54].

За освобождением Валги последовало изгнание белых из Тарту. В наступлении на Тарту участвовал 49-й полк (командир Н. Блинов, комиссар П. Смородин) 6-й стрелковой дивизии в составе семи стрелковых рот, двух эскадронов 6-го конного полка и некоторых других подразделений [55]. «Известия эстонских стрелков» 26 декабря информировали: «Из Валги сообщают: «В ночь на 22 декабря белые войска, в составе которых были отряды изменников Балаховича и Перемышина, пытались оказать сопротивле-

ние нашим наступающим в направлении на Тарту красным войскам, но их атаки были отбиты, и они бежали в панике в Тарту, где была подготовлена вторая линия обороны. Тартуский пролетариат, который меж тем вооружился, не пустил белых обратно в Тарту. В бою белогвардейцы были окончательно разбиты, и они разбежались в разные стороны. Город Тарту находится в руках красных войск, которым достались богатые трофеи. Были взяты 70 паровозов, 800 вагонов, много снарядов и оружия»». Газета «Правда» за 23 декабря отметила, что «население выражает удовлетворение по поводу занятия Юрьева советскими властями». Ревком в составе коммунистов Ф. Нурмберга, А. Умблия, И. Леппиксаара, А. Крийска и других, созданный вечером 21 декабря, взял власть в городе в свои руки.

В дневнике боевых действий белоэстонского 2-го пехотного полка, пытавшегося удержать за собой Тарту, в записи за 21 декабря подчеркивалось, что антиправительственные настроения среди солдат были столь сильны, что они отказались сражаться против красных войск. В полку числилось 126 офицеров и 2182 солдата, а после отступления его из Тарту в нем осталось 104 офицера и 608 солдат [56].

Продолжалось наступление и на Таллинском направлении, которое могло бы быть более активным. После занятия Раквере наступательные боевые действия вели здесь лишь Тартуский и Таллинский полки, десантный отряд Пусса и один батальон 46-го стрелкового полка 6-й дивизии. Основные же силы 46-го полка и батальон Трофимова оставались еще в районе Йыхви. Сводный батальон Вильяндиского полка (командир К. Кангер) прибыл из Нарвы на линию фронта лишь 20 декабря. Он сменил у железнодорожной станции Кадрина поредевший от потерь и испытывавший усталость Тартуский полк, который был отведен на несколько дней в резерв в Раквере. Силы сводного батальона К. Кангера были невелики: в его составе было три роты, располагавшие четырьмя пулеметами, и команда конных разведчиков. Имевшиеся в наличии артиллерийские батареи также были подтянуты к линии фронта.

24 декабря советские войска овладели крупным железнодорожным узлом Тапа.

3 января 1919 г. эстонские части Красной Армии, находившиеся до этого в оперативном подчинении 6-й дивизии, были влиты в ее состав. Отныне 1-й Таллинский полк

стал именоваться 52-м Таллинским полком, 2-й Вильяндиский — 53-м Вильяндиским полком и 15-й Тартуский — 54-м Тартуским полком. Незадолго до этого десантный отряд Пусса и батальон Трофимова были слиты под его командованием в один батальон (В. Пусс отбыл в распоряжение Совета Эстляндской Трудовой Коммуны).

3 января 1919 г. Тартуский полк занял железнодорожную станцию Аэгвийду, что в полусотне километров от Таллина, затем еще несколько населенных пунктов, расположенных ближе к Таллину. После этого наступление красных частей на Таллинском направлении закончилось.

29 ноября 1918 г., в день провозглашения в Нарве Эстонии Советской Республикой, Временное правительство объявило Эстонию на военном положении. На подвластной буржуазному Временному правительству территории шла концентрация сил контрреволюции. В белоэстонских частях в конце ноября 1918 г. насчитывалось до 2300 человек [57].

Кроме того, часть русского белогвардейского Северного корпуса, выбитого из Пскова, отступила в Эстонию. Корпус, по существу распавшийся после аннулирования Брестского мира, при содействии Антанты, главным образом Великобритании, был снова воскрешен. Согласно соглашению, заключенному 6 декабря с военным министром Временного правительства Эстонии, корпус поступал в распоряжение военного командования белоэстонцев. Германская военщина предоставила ему поезда для передислокации в Эстонию. Восемь месяцев спустя командующий белоэстонской армией Й. Лайдонер подчеркнул: «Северный корпус был поставлен на ноги усилиями эстонцев» [58]. Командование Северного корпуса признавало, что буржуазное правительство Эстонии оказало корпусу «неоценимую помощь». Подтвердил это и король Великобритании Георг V. Награждая Лайдонера в октябре 1919 г. орденом, он в числе его заслуг, оказанных Антанте, отметил старания «в создании и поддержке русской Северо-Западной армии» [59]. В начале 1919 г. в составе этого, тогда двухбригадного, корпуса насчитывалось уже около 2500 человек [60].

Буржуазное правительство Финляндии по предложению главы государства Свинхувуда разрешило Временному правительству Эстонии вербовку наемников в Финляндии, вооружило их, снабдило боеприпасами и предоставило белой Эстонии два займа, предназначенные главным обра-

зом на оплату наемников и закупку военного снаряжения и оружия. Финские наемники, прозванные народом презрительно «мясниками», в количестве около 3 тыс., начали прибывать в Эстонию с 31 декабря 1918 г. Вербовка же «добровольцев» в белоэстонскую армию в самой Эстонии, объявленная 16 ноября, дала малоутешительные результаты. Министр юстиции белой Эстонии в феврале 1919 г. констатировал: «Из числа первых 2 тысяч мужчин, которых Временному правительству удалось вооружить и снабдить необходимым, 70 процентов разбежались по своим волостям и свободно там проживали. И не было силы, способной их оттуда вернуть... Тюрьмы переполнены»[61]. 29 ноября была объявлена всеобщая мобилизация мужчин в возрасте от 21 до 24 лет в белоэстонскую армию. Уклонение каралось вначале 15-летней каторгой, а позднее — даже смертной казнью. Формированию белоэстонской армии способствовало наличие в Эстонии довольно большого контингента офицеров старой армии — командного состава сформированных в 1917 г. эстонских национальных полков, распущенных немецкими оккупантами в апреле 1918 г. Теперь руководство эстонской контрреволюции, раздувая националистические настроения среди офицерства, использовало эти кадры в качестве костяка своей армии. Стремясь вовлечь в армию трудовое крестьянство, Временное правительство обещало разделить между воинами белой армии баронские земли, а отличившимся на фронте, инвалидам войны и семьям погибших воинов выделить (еще до созыва Учредительного собрания) наделы бесплатно[62].

Наряду с формированием регулярной армии создавались и так называемые батальоны защиты, состоявшие из представителей наиболее обеспеченных, эксплуататорских слоев.

Эстонская буржуазия воспользовалась военными запасами старой русской армии. Одних только артиллерийских снарядов на местных складах было обнаружено свыше 430 тыс. Страны Антанты поставили эстонской контрреволюции в основном в 1919 г., не считая поставок русским белогвардейцам, свыше 70 тыс. винтовок, 1176 пулеметов и 125,5 млн патронов к ним, 109 артиллерийских орудий и почти 200 тыс. артиллерийских снарядов. Значительное количество вооружения было оставлено белоэстонцам и германской армией[63]. Заместитель военного министра Эстонии заявил на одном из закрытых заседаний прави-

тельства, что «нам оказывают помощь только для ведения войны с большевиками» [64].

Не надеясь (и вполне справедливо) на способность объединенных сил внутренней контрреволюции отразить наступление красных войск, руководство белой Эстонии буквально умоляло английское командование поторопиться с оказанием ей военной помощи. 12 декабря 1918 г. английская военная эскадра бросила якорь в Таллинской бухте.

В конце декабря губернский земский совет Эстонии * обратился к правительству Великобритании с просьбой оккупировать Эстонию. Соответствующий документ гласил: «...настойчиво просить правительство Его Величества оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики, подчинить своему верховному командованию все военные силы, которые уже созданы, а также те, которые будут созданы в будущем в Эстонии, для их наиболее эффективного использования в борьбе против большевизма...» [65]

Английская военная эскадра начала военные действия против красных войск на сухопутье и советского Балтийского флота на море. Интервенты высадили десант в Кунде. Во время поисковой операции два советских эсминца — «Автроил» и «Спартак» — были захвачены интервентами [66] («Спартак» налетел на камни; «Автроил» сражался до последнего снаряда). Команды захваченных кораблей были переданы белоэстонским военным властям. 28 коммунистов были расстреляны в концентрационном лагере, комендант расстрелял еще пятерых моряков; голодной смертью умерло, по свидетельству машиниста «Спартака» И. Михалькова, около ста человек [67].

26 декабря английская эскадра с 10 до 12 часов обстреливала поселок Локса на восточном берегу залива Хара, затем под прикрытием огня с кораблей был высажен десант, что заставило красных воинов оставить Локсу.

К январю 1919 г. численность регулярных войск белой Эстонии достигла примерно 12 тыс. человек (включая финских «мясников» и русских белогвардейцев) [68]. 6 января 1919 г. белые войска начали наступление в Нарвском направлении, от Таллина до Пайде включительно. На этой линии контрреволюционное руководство сконцентрирова-

---

* Губернский временный земский совет при комиссаре Эстляндской губернии был избран недемократическим путем при Временном правительстве России, разогнан рабочими в ноябре 1917 г., воскрешен буржуазией 20 ноября 1918 г.

ло, включая резервы, до 10 тыс. человек. Красная Армия могла противопоставить лишь 3—4 тыс.[69] Силы белых постоянно нарастали как за счет мобилизованных, так и в результате притока иностранных наемников, особенно из Финляндии. Наступление поддерживалось огнем английских кораблей и рядом десантов белофинских и белоэстонских войск с моря[70].

Один из наиболее крупных десантов высадился в районе деревни Мерикюла (примерно в 18 км северо-западнее Нарвы) в составе свыше 1000 штыков. Высадка проводилась под прикрытием плотного и интенсивного огня корабельной артиллерии. Главком И. Вацетис докладывал В. И. Ленину в январе 1919 г.: «В последние дни отмечено особенно сильное применение противником операций восточнее Ревеля, на южном берегу Финского залива»[71].

По условиям навигации и по слабости своих сил корабли советского Балтийского флота не смогли противостоять неприятельскому флоту, и красные части, действующие на Таллинском направлении, были лишены их поддержки. 14 января белые нанесли внезапный удар с двух бронепоездов и заняли Тарту. Через пять дней пала Нарва. Спустя три часа кавалерийский полк под командованием Я. Юриссона и А. Сорксеппа, защищавший до последней возможности позиции у станции Вайвара, пробился через Нарву к Ямбургу. Этот полк в последующие дни мужественно отражал натиск врага севернее Нарвы.

Начальник полевого штаба Реввоенсовета Республики Ф. В. Костяев 31 января 1919 г. докладывал об обстановке, сложившейся в районе Петрограда: «Наша наступательная операция здесь в направлении Нарвы — Ревель потерпела полную неудачу, и мы должны были отойти в прежнее исходное положение. Эта неудача, имевшая причиной не столько превосходство сил противника, сколько расстройство наших войск при недостаточной их стойкости, подняла дух белых эсто-финнов, привлекла к ним сочувствие местного населения и позволила при негласном содействии Антанты, Швеции и Финляндии сорганизоваться в армию Эстляндии силой до 17 тыс. штыков и 1100 сабель. (По данным командования белой Эстонии, оно имело на фронте и в резерве по состоянию на 28 февраля 1919 г. 1105 офицеров, 19 778 штыков и 1275 сабель. В их распоряжении — 350 пулеметов, 20 тяжелых и 67 легких орудий. — *В. М.*)[72] Опираясь на эту силу, — докладывал Ф. В. Костяев, — и на свое превосходство на море, правительство Эстляндии

ставит уже себе целью дальнейшее наступление от Нарвы к Петрограду, от Юрьева к Пскову и от Феллина к Валку. Вопрос о наступлении к Петрограду еще не решен, но наступление к Пскову и Валку ведется уже вполне определенно и настойчиво, особенно к Валку» [73].

Одной из причин отступления красных частей за реку Нарву явилась плохо поставленная разведка сил и действий белоэстонцев и недооценка их возможностей. Например, о прибытии первого отряда финских наемников в Эстонию командование 6-й стрелковой дивизии и 7-й армии узнало лишь тогда, когда тот уже включился в боевые действия на фронте. А до этого оно даже не предполагало, что Временное правительство Эстонии может получить помощь в виде финских, шведских и датских наемников.

Временному правительству Эстонии при руководящей и материальной помощи Антанты удалось сформировать белую армию. Госсекретарь США Р. Лансинг на заседании Совета министров иностранных дел в Париже признавал в мае 1919 г., что США «ежемесячно тратят 400 тыс. ф. ст. для улучшения положения в Эстонии» [74]. Белой Эстонии оказывали помощь и войска Германии, что на первых порах было решающим. Кроме вооружения и снаряжения, полученного из Великобритании, значительное количество орудий, пулеметов, винтовок и т. п. было доставлено также из Финляндии. Все это позволило белоэстонцам добиться превосходства в вооружении и сконцентрировать силы, способные противостоять частям Красной Армии, действовавшим на этом участке фронта. Внесла свою лепту и английская эскадра. Значительную силу представляли бронепоезда белоэстонцев. Красные войска не смогли использовать бронепоезда: из-за неисправности нарвского железнодорожного моста они не смогли подойти к линии фронта. Действовал только один импровизированный бронепоезд. Как отметил красный стрелок А. Мейстер, устанавливавший на нем пулеметы, он состоял из двух вагонов, стенки которых были обложены мешками с песком. Кроме пулеметов на нем были установлены два орудия [75]. Противник располагал на северном участке фронта тремя бронепоездами (два были оставлены белой Эстонии немецкой армией). Бронепоезда позволяли противнику быстро перебрасывать свои силы с одного участка на другой, высаживать десанты в тыл красных войск. Советские войска в условиях холодов и занесенных снегом дорог и полей передвигались в основном пешком.

Освободительная борьба трудящихся в буржуазном тылу не переросла в вооруженное восстание даже в таком промышленном центре, как Таллин. Это объясняется, видимо, и тем, что рабочий класс Эстонии за девять месяцев немецкой оккупации был сильно ослаблен. По данным Временного правительства Эстонии, в начале мировой войны только на частных предприятиях страны работало 51 739 человек, а в начале 1919 г. на всех предприятиях — всего 14 752 человека (сокращение на 71,5%). На Русско-Балтийском заводе в Таллине из 5 тыс. прежних рабочих осталось к началу 1918 г. только 230, на целлюлозной фабрике — соответственно 1100 и 300, на фабрике Лютера — 800 и 100[76]. Вместо 40—50 тыс. фабричных рабочих, занятых в 1917 г., в июне 1918 г. в Таллине работало только 4330. Такое сокращение обусловливалось тем, что часть наиболее активных рабочих Таллина ушла в Советскую Россию; многие из них воевали в составе Красной Армии. Вместе с тем разрушение промышленности вынудило значительное количество рабочих разбрестись в поисках хлеба и работы по Эстонии, уйти в деревню. Таллинский пролетариат, находившийся под угрозой орудий английской эскадры и высадки с ее кораблей карательного десанта, вынужден был отказаться от вооруженного восстания. Свои надежды рабочие связывали с наступлением красных войск. В. Кингисепп писал, что «трудящиеся были крепко уверены в том, что эстонские белогвардейцы не смогут справиться с красными полками»[77]. Но усилившийся в конце 1918 — начале 1919 г. белый террор предрешил в тот период исход борьбы за власть Советов. По данным штаба эстонской буржуазной армии, с начала боевых действий по 1 июля 1919 г. их потери на фронте составили убитыми 955 нижних чинов и 89 офицеров[78]. Как подтверждают многие исследователи, в результате террора в тылу белой Эстонии погибли за это время 2 тыс. борцов революции[79]. В 1919 г., по данным буржуазной охранной полиции, военно-полевому суду были преданы 554 человека, из них 215 расстреляны. Расстрелы производились и без суда, особенно в январе—феврале 1919 г.[80] Многие были «интернированы» в концентрационные лагеря. Трудящихся «терзали физически, насиловали духовно, мобилизовывали, превратили в пушечное мясо...» — писал В. Кингисепп[81].

Буржуазия, осуществляя политику жестокого террора, крикливо обвиняла Советскую власть в проведении красного террора. В связи с этим обвинением Я. Анвельт отме-

чал на I съезде Компартии Эстонии, что красный террор применялся в незначительных размерах, очевидно в меньших масштабах, чем он может быть дозволен в революции [82].

Сказывалось на настроении населения, особенно средних городских слоев и среднего крестьянства, и влияние буржуазно-националистической агитации, развернутой классовыми врагами пролетариата. Буржуазия и ее прихвостни из партии сотсов (социал-демократов) предрекали наступление всеобщего голода в случае победы Красной Армии, гибель эстонской нации под властью красных. Буржуазия, демагогически играя на национальных чувствах эстонского народа, страдавшего прежде от национального гнета царизма, смещая акценты, объявила войну белой Эстонии освободительной, войной за независимость Эстонии от Советской России. Крестьянству буржуазия обещала раздать земли прибалтийско-немецких помещиков и тем самым ликвидировать социальный и национальный гнет немецких завоевателей, 700 лет господствовавших в Эстонии. Спасение эстонского народа, твердила буржуазная пропаганда, — только в разрыве любых связей с Советской Россией. При этом использовались и искусно «обезвреженные» общедемократические лозунги. В обстановке белого террора, обмана, лжи и необузданной демагогии буржуазия и ее пособники — меньшевики и эсеры провели в начале апреля 1919 г. выборы в Учредительное собрание Эстонии, которые, по меткому замечанию В. Кингисеппа, сопровождались «шелестом обманчивых надежд среди народных масс». «Выборы в Учредительное собрание служат подтверждением того, — вскрывал В. Кингисепп, — что демократические свободы: свобода печати, слова и собраний — означают в буржуазном государстве не что иное, как свободу для буржуазии сеять гнусный обман и самую бессовестную ложь» [83].

Буржуазии удалось временно расширить свою социальную базу. Об этом свидетельствует и тот факт, что в ноябре 1918 г. в буржуазно-националистической военизированной организации «Кайтселийт» насчитывалось только 11 тыс. человек, а к 1 июня 1919 г. — около 100 тыс. [84]

Правильно оценили гражданскую войну красные стрелки, назвав ее классовой войной, войной между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Эстонская буржуазия своим участием в борьбе за цели русских белогвардейцев только подтвердила такую оценку. Совместно с русской белогвар-

дейщиной, которая и слышать не хотела о какой бы то ни было независимости Эстонии, она участвовала в походе на Петроград, заверяя русских белогвардейцев в своей преданности их идеалам. Генерал Э. Пыддер (начальник внутренней безопасности буржуазной Эстонии) на одной из попоек русских белогвардейцев в декабре 1918 г. приказал оркестру играть «Боже, царя храни», а затем, «преисполненный духа независимости и патриотизма, воскликнул: «Такая маленькая страна, как Эстония, может быть только губернией великой России! Да здравствует наша матушка Расея!»» [85]

Нельзя забывать, что левацкие политические ошибки руководства Совета Эстляндской Трудовой Коммуны увеличивали ряды колеблющихся элементов трудового народа. При проведении аграрной политики, например, не были учтены первоочередные интересы безземельных и малоземельных крестьян. Так, крупные имения предполагалось передать в собственность и пользование государства. А в результате вековые чаяния трудового крестьянства — получить землю — оставались лишь мечтой. Огульное объявление всех священнослужителей врагами народа и поспешная отмена церковных праздников также не способствовали тесному сплочению народных масс вокруг революционного правительства.

Но главные причины неудач заключались в малочисленности красных войск, в недостатке их вооружения. Красное командование к тому же не смогло подтянуть своевременно резервы, они подошли слишком поздно. Нельзя умалчивать и о том, что не все войска 7-й армии проявляли необходимую во фронтовой обстановке устойчивость. Главком И. И. Вацетис в телеграмме командующему войсками Северного фронта 19 августа 1919 г. отмечал: «...Из доставленных мне сведений о понесенных седьмой армией потерях за 10 дней, с 6 по 16 января, усматриваю, что вряд ли можно сказать, что седьмая армия сражалась в полном смысле этого слова... Не имея в виду винить все войсковые части седьмой армии, так как мне известно, что некоторые сражались доблестно, приказываю командующему Северным фронтом исследовать причины и выяснить поведение каждого полка седьмой армии во время отступательных боев в Эстляндии...» [86]

В свою очередь начальник 6-й стрелковой дивизии в своем донесении от 6 февраля 1919 г. о причинах отступления дивизии назвал следующие: 1) чрезвычайное пере-

утомление и значительные потери в командном составе и бойцах; 2) отсутствие свежих и надежных резервов; 3) значительное усиление сил противника, получившего подкрепление артиллерией, техническими средствами и пехотой; 4) отсутствие необходимой помощи со стороны кораблей Балтийского флота; 5) частые десанты противника в тылу красных войск. К сказанному в донесении следует добавить, что эти десанты стали возможны в результате усиления сил противника английской эскадрой. Расследование боевой деятельности частей 6-й дивизии показало, что пять ее полков — 46-й, 51-й, 53-й Вильяндиский, 54-й Тартуский и прикомандированный к дивизии 168-й — сражались доблестно, в их адрес не было записано ни одного нарекания. Но о пяти других полках и некоторых более мелких подразделениях было сказано, что они находятся под следствием и судом. Нельзя не согласиться с выводом, который был сделан И. Типнером: «...трудно дать исчерпывающую характеристику всем обстоятельствам, обусловившим неудачу этой весьма важной операции. Ширилась иностранная интервенция, а Красная Армия еще только создавалась» [87].

Действительно, напряженное положение на других фронтах не позволяло Красной Армии усилить свои силы на северо-западе. Войска Колчака, пытаясь соединиться с белогвардейскими и англо-американскими войсками на Севере, перешли в конце ноября 1918 г. в наступление против 3-й советской армии на Восточном фронте, вынудили ее к отступлению, в результате которого она 24 декабря оставила Пермь. К середине января 1919 г. противник был уже в 100 км западнее Перми. На Южном фронте было сорвано наступление советских войск, начатое ими в ноябре. Пленум ЦК РКП(б) признал Южный фронт главным. 15 декабря В. И. Ленин дал указание Реввоенсовету Республики: «...ничего на запад, немного на восток, *все* (почти) на юг» [88]. Советскому правительству приходилось выбирать для контрнаступления наиболее опасные и решающие в тот или иной момент фронты, сил для создания превосходства или даже равенства на всех участках борьбы еще не хватало. Неблагоприятное соотношение сил на фронтах Советской страны не позволило своевременно оказать действенную помощь Эстляндской Трудовой Коммуне.

ЭСТОНСКИЕ ЧАСТИ КРАСНОЙ АРМИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В 1919 Г.

Бои на Печорском и Выруском направлениях в феврале — марте 1919 г.

Командование Красной Армии и руководство Эстляндской Трудовой Коммуны после отступления за Нарву не теряли надежды на освобождение Эстонии и Прибалтики в целом.

В конце 1918 г. советские войска вели успешное наступление на Ригу, где правительства стран Антанты помогли встать у власти буржуазному правительству Латвии во главе с К. Ульманисом, которое подписало с представителем Германии соглашение о формировании так называемого Балтийского ландесвера, состоявшего в основном из немцев, проживавших в Латвии. 18 декабря корабли английской военной эскадры, поспешив на помощь буржуазии Латвии, вошли в Рижский залив.

Образованное 4 декабря 1918 г. Временное Советское правительство объявило 17 декабря о переходе всей власти в Латвии в руки Советов рабочих, безземельных и стрелковых депутатов.

Части Красной Армии, освободив 18 декабря Валгу, через четыре дня заняли Валмиеру, затем Цесис, а 3 января 1919 г. советские войска вошли в Ригу. Накануне в Риге вспыхнуло восстание рабочих.

В январе 1919 г. была сформирована армия Советской Латвии. Первый Вселатвийский съезд Советов в середине января юридически узаконил создание Латвийской Советской Социалистической Республики. Советская Латвия приступила к социалистическим преобразованиям. Буржуазия исподволь готовила контрреволюционное выступление.

Общая численность Красной Армии к 1 декабря 1918 г. составляла уже 800 тыс. человек и продолжала расти (Совет обороны постановил довести ее до 1,5 млн человек). Но воевать приходилось на трех фронтах — Северном, Южном и Восточном — протяженностью (в январе 1919 г.) почти 8 тыс. км. Обстановка потребовала от Главного командования Красной Армии создания в феврале 1919 г. четвертого фронта — Западного, длившегося более чем на 2 тыс. км. Основное внимание в то время

было сосредоточено на деятельности Восточного и Южного фронтов.

После сдачи красными войсками Тарту объединенные силы белоэстонцев, финских наемников, русского белогвардейского Северного корпуса, отрядов немецких баронов повели наступление на Валгу, Выру и Печоры, угрожая важной железнодорожной линии Псков—Валга. Главное командование Красной Армии 20 января 1919 г. в своей директиве потребовало от командования армии Советской Латвии предпринять в Прибалтике решительное наступление на противника с юга, со стороны Выру и Валги. В его задачи входило: сосредоточить свои силы в районах Печор, Выру и Валги; перейти в решительное наступление в направлениях Тарту—Вильянди—Тапа—Таллин—Рухья—Пярну—Хаапсалу; ударами во фланги и тыл противника обеспечить переход в наступление частей 7-й армии на севере Эстонии[1]. Но задание это, несмотря на героические усилия латышских революционных войск, оказалось не под силу армии Советской Латвии. Сказалось и отсутствие резервов, которые могли бы усилить части 7-й армии под Нарвой и отвлечь хотя бы часть контрреволюционных сил из Южной Эстонии. 31 января защитники Валги под натиском белоэстонцев и финских наемников начали отходить из города. С захватом Валги контрреволюционное командование направило четыре бронепоезда для наступления в трех направлениях: Валга—Псков, Валга—Валмиера и по узкоколейной дороге Валга—Алуксне (Мариенбург). 1 февраля белогвардейские войска заняли Выру, через три дня — Печоры. Валмиерская группа армии Советской Латвии отошла на позиции вдоль берега реки Седа[2]. Над Псковом нависла угроза оккупации.

Эстонские красные полки, действовавшие на нарвском участке фронта (52-й Таллинский, 53-й Вильяндиский, 54-й Тартуский стрелковые полки), а также артиллерийские батареи, составлявшие 3-ю бригаду 6-й стрелковой дивизии, были перемещены на псковский участок фронта. Эстонский кавалерийский полк, выполнявший боевые задания командования под Нарвой, присоединился к ним несколько позднее.

В середине февраля на псковском боевом участке фронта 7-я армия (Эстонская бригада 6-й стрелковой дивизии, пять полков 10-й дивизии, два полка 19-й дивизии, некоторые другие подразделения и приданные им

артиллерийские и кавалерийские части[3]), действовала в тесном взаимодействии с Мариенбургской (Алукснянской) группой войск армии Советской Латвии (в ее составе с 7 февраля находился и 3-й (с 15 марта — 5-й) Эстонский коммунистический стрелковый полк). Имея ближайшую задачу выйти на линию Ряпина—Выру, они перешли в наступление. На первых порах оно развивалось успешно. Враг был выбит из ряда населенных пунктов, а штаб Эстонской бригады 6-й стрелковой дивизии переместился 20 февраля со станции Моглино на станцию Новый Изборск, находившуюся примерно на 10 км западнее. В районах деревень Иваново Болото (расположена в 5 км юго-западнее Псковского озера), Вашина Гора, Косселька, Паниковичи и других населенных пунктов до 22 февраля шли упорные бои. Огнем красной артиллерии были пресечены многократные попытки вражеского бронепоезда прорвать здесь линию фронта. Обе стороны понесли ощутимые потери. Белоэстонцы перешли к обороне. 53-й Вильяндиский и Эстонский красный кавалерийский полки, успешно продвигавшиеся на северо-запад вдоль побережья Псковского озера, были отмечены командованием. Благодарности удостоилась также 2-я Эстонская артиллерийская батарея. Занимая позиции в 10 км севернее Мариенбургского озера, 3-й Эстонский стрелковый полк осуществлял наступление на Выруском направлении. Однако Мариенбургская группа советских войск 21 февраля оставила Алуксне под натиском финских «мясников» и бронепоезда. 3-й Эстонский стрелковых полк вынужден был приостановить наступление и даже несколько отступить. Через неделю Алуксне вновь был освобожден советскими войсками.

В дальнейшем эстонские красные стрелки, ведя тяжелые бои, наступали на Печоры. В боевых донесениях отмечалось: «10 марта. 20 часов. Лихим налетом части Таллинского эстонского полка заняли деревню Б. Березняк, неприятель в беспорядке отступает, захвачено несколько пленных, много оружия и патронов...

12 марта. 11 часов. Частями 52-го Эстонского полка после ряда усиленных атак взяты Печоры»[4]. В боях за Печоры с 11 марта участвовала и 4-я Эстонская легкая батарея. Сформированная в Гатчине, она прибыла в Печорскую группу в составе четырех орудий, 164 человек и 68 лошадей. Командовал ею Х. Туммельтау[5].

Спустя два дня воины Тартуского полка, действовавшие при поддержке 1-й Эстонской батареи, выбили противника из крупного поселка Вастселийна (Нейгаузен), расположенного примерно в 20 км юго-западнее Печор. Командиры и красноармейцы Вильяндиского полка (14 человек), успешно продвигавшегося вдоль железной дороги на Выру, были награждены ценными подарками. (10 марта Совет Эстляндской Трудовой Коммуны выделил Реввоенсовету Эстонии 1 млн руб. на награждение отличившихся в боях красных воинов. Воины Вильяндиского полка были первыми, кто получил ценные подарки, приобретенные на выделенные средства.)

Создание Эстляндской Красной армии

18 февраля 1919 г. совместным постановлением Военно-Революционного Совета Республики, Совета Эстляндской Трудовой Коммуны и Реввоенсовета 7-й армии в целях освобождения Эстонии было решено создать Эстляндскую Красную армию. Ее формирование началось в середине марта. В нее вошли Эстляндская стрелковая дивизия двухбригадного состава, 6-я и 10-я стрелковые дивизии. В состав 1-й бригады Эстляндской дивизии вошли 1-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (бывший 52-й Таллинский полк), 2-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (бывший 53-й Вильяндиский полк), 3-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (бывший 54-й Тартуский полк). Во 2-ю бригаду вошли 4-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (бывший 46-й стрелковый полк), но он в состав Эстляндской дивизии не прибыл; 5-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (до 15 марта именовался 3-м Эстонским коммунистическим полком); 6-й Эстляндский коммунистический стрелковый полк (бывший 5-й Эстонский коммунистический полк); Эстляндский красный кавалерийский полк (четыре эскадрона). В состав дивизии вошли также эстонские коммунистические дивизионы легкой и тяжелой артиллерии. В дивизии сразу же началось формирование инженерных частей, батальона связи, саперного батальона, тыловых служб. Несколько позднее при Эстляндской дивизии был сформирован 1-й авиаотряд. Его летный и технический персонал почти полностью состоял из уроженцев Эстонии. В июне—июле 1919 г. им командовал бывший летчик 1-го Сибирского корпусного отряда К. Юзе, которого затем сменил Г. Курих. Общая численность личного со-

А. Кукк

става в эстонских частях Красной Армии в феврале 1919 г. составляла не менее 8500 человек [6].

Начальником Эстляндской дивизии был назначен Л. Ритт, комиссаром — М. Лайус. 6-й стрелковой дивизией командовал Н. Н. Иванов, с середины апреля 1919 г. — Б. Н. Фрейман. Начальником 10-й стрелковой дивизии временно назначается командир ее 1-й бригады А. Г. Кеппен. В оперативном подчинении Эстляндской армии находилась и Чудская озерная флотилия (начальник А. Н. Афанасьев).

Командование Эстляндской армией с 27 февраля было возложено на бывшего начальника 10-й стрелковой дивизии М. Н. Васильева. Начальником штаба назначается А. Корк, а начальником его оперативного отдела — А. Кукк (участник первой мировой войны, окончил в 1918 г. Академию Генштаба). В состав Реввоенсовета армии вошли Р. Изак, М. Керрес, С. П. Восков, а несколько позднее и Я. Пальвадре. Приказом по войскам Западного фронта от 25 мая 1919 г. Эстляндская армия была подчинена командующему 7-й армией А. К. Ремезову.

Эстонские красные стрелки начали носить форму, отличавшуюся от обычной красноармейской формы. При освобождении Нарвы в складах «Кренгольмской ма-

А. Корк

нуфактуры» было обнаружено 4 млн аршин ткани и 18 тыс. пудов пряжи, которые пошли на обмундирование эстонских советских воинов. Форма состояла из бледно-зеленых бриджей, гимнастерки, которую можно было носить и с открытым воротом, плаща-накидки и панамообразного головного убора, который стали называть просто шляпой. Кавалеристы имели на бриджах красные лампасы; они носили ботфорты, пехотинцы — краги [7].

В упомянутом постановлении от 18 февраля, принятом в Пскове, говорилось: «Совнарком Эстляндии объявляет о создании Эстляндской армии, которая бок о бок с братскими армиями Латвии, Белоруссии, Великороссии, Украины при объединенном командовании сражается против общих врагов...» [8] Формирование Эстляндской армии происходило в ходе боевых действий.

Попытки неприятеля контратаковать на псковском участке на первых порах успеха не имели. Войска же Мариенбургской группы продвинулись по всему фронту от 10 до 35 км. Только получив пополнение, противник при поддержке бронепоездов 29 марта вновь захватил Печоры и продвинулся почти повсеместно несколько на восток. Фронт к началу апреля проходил по линии деревень Зимний Борок на юго-западном берегу Псковского озера (здесь действовали части Северного корпуса) — Вашина Гора — Паниковичи—Михалкино—Козино (18 км южнее Печор). Мариенбургская группа войск занимала линию фронта, которая начиналась от железнодорожной станции Мынисте и дальше почти прямо шла на восток через населенные пункты Вастсе-Рооза, Вана-Лайтсна, Кивиору.

Ямбургская группа войск не смогла оказать необходимой помощи войскам, действовавшим на юго-востоке Эстонии. Противник в начале апреля имел на нарвском участке фронта (протяженностью 90 км) до 8 тыс. штыков при 20 легких и 11 тяжелых орудиях. Советское же командование располагало около 5 тыс. штыков при 12 легких и 6 тяжелых орудиях и 83 пулеметах.

Южнее нарвского участка, вдоль восточных берегов Чудского и Псковского озер, находился озерный участок фронта протяженностью 150 км. Красная Армия имела здесь около 1500 штыков при 41 орудии; противник — 900 штыков, 4 легких орудия и 18 пулеметов.

На псковском участке протяженностью 40 км красные войска насчитывали около 10 тыс. штыков, 23 легких и

4 тяжелых орудия, два бронепоезда (один из них был поврежден). У противника здесь было по меньшей мере 8 тыс. штыков, три бронепоезда (четвертый был уничтожен красными войсками 7 апреля) и превосходство в артиллерии и пулеметном вооружении [9]. Советские войска были до крайности измотаны и обессилены. Вот что сообщал о состоянии эстонских красных стрелков в те недели командир 2-го батальона 2-го Эстляндского коммунистического полка И. Блатт в донесении командиру полка от 14 апреля 1919 г.: «Докладываю, что я никак не в состоянии восстановить прежнее положение. Личный состав батальона совершенно измотан, и в строю осталась лишь горсточка обессиленных людей, с которыми невозможно воевать. Только что обойдя роты и ознакомившись с их состоянием, могу сказать, что будет хорошо, если продержимся еще два дня. Больных очень много, у всех преют ноги от постоянной сырости... Сейчас в четвертой роте осталось только 30 способных к службе человек, да и они сильно устали. В пятой роте положение еще хуже» [10].

Общая протяженность участков, составлявших фронт Эстляндской армии, равнялась 280 км. Она располагала здесь 16 500 штыками, примерно столькими же — белоэстонская (16 900). Но контрреволюция продолжала наращивать силы. Временное правительство Эстонии проводит жесткую мобилизацию, и в 1919 г. численность его армии достигла 80 тыс. человек [11]. В Эстонии действовал также белый латышский полк под командованием полковника Ю. Янсона, в составе которого на 28 марта было 1245 солдат и 68 офицеров [12].

Однако многие мобилизованные в белоэстонскую армию не желали служить в ней и воевать против Красной Армии. «Взрывом революции трудящихся» назвал В. Кингисепп народное восстание на островах Сааремаа и Муху в феврале 1919 г. За одну ночь восставшие создали красное войско численностью до 1 тыс. и повели бои с белогвардейцами [13]. От пуль карателей и по приговору военно-полевого суда пали 139 человек. Многие, в том числе женщины, подверглись телесному наказанию — порке [14]. В июле вспыхнуло антиправительственное восстание в белом Тартуском запасном батальоне, насчитывавшем до 4 тыс. мобилизованных [15]. И снова последовала кровавая расправа. Начальник штаба белоэстонской армии признавал, что воинственные настроения были характерны не более чем «для пары тысяч человек, остальные служили

принудительно»[16]. При каждом стрелковом полку с 5 декабря 1918 г. действовали военно-полевые суды.

Зарубежные вдохновители антисоветской интервенции спешили укрепить местные контрреволюционные силы. 25 марта 1919 г. на пароходе «Меркурий» из Копенгагена в Эстонию был направлен корпус датских наемников, получивший снабжение и продовольствие от английского правительства. А незадолго до этого белой Эстонией из Англии была получена очередная партия вооружения, грузовики, легковые автомашины, уголь, керосин, масло, телефонные аппараты и пр.[17]

В связи с поставками, получаемыми белой Эстонией, В. Кингисепп писал в изданной в подполье брошюре с метким названием «За селедку Вильсона»: ««Америка помогает нам! Англия помогает нам! Могучие союзники помогают нам!» — так трезвонят буржуазные мошенники и гонят народ на войну против Красной России!

Да, они «нам» помогли. Они прислали боеприпасы, они прислали также селедку и хлеб. Конечно, не даром, а по «справедливой» рыночной цене! Но за это эстонская белая армия должна была воевать. За это сыны эстонского трудового народа, насильно мобилизованные в белую армию, должны были проливать свою кровь, должны были своими пролетарскими руками душить пролетарскую революцию!»[18]

Недобрую память оставили по себе иностранные наемники, которые воевали, конечно, не в силу идейной приверженности идеалам капитализма, а в надежде на наживу, на повышение в звании либо под влиянием авантюристических призывов и наклонностей. Так, командир корпуса шведских добровольцев майор Л. Хяллинг сообщал 15 мая 1919 г. белоэстонскому правительству, что «большая часть шведских подданных, служащих в Шведском корпусе, была судима в Швеции»[19]. На фронте они также снискали репутацию грабителей и мародеров. Командир 2-го батальона 2-го Эстляндского коммунистического стрелкового полка И. Блатт в донесении командиру полка от 11 апреля 1919 г. писал: «Докладываю, что освободили деревни Митковицы и Загорье. В Митковицах похозяйничали 30 белогвардейцев, которые оказались шведами. Они носили каски и черные мундиры. Они обыскивали дома, резали свиней и кур, взламывали сундуки, забирали лучшую одежду и зерно. Всех добрых коней реквизировали для кавалерии, послабее — для обо-

за. Жители деревень сильно разгневаны тем, что их ограбили»[20]. 18 мая 1919 г. министерство иностранных дел Франции сообщало, что, согласно решению Верховного совета Антанты, на германских кораблях в Прибалтику будут доставлены 8 тыс. военнопленных старой русской армии — уроженцев прибалтийских провинций—на предмет пополнения белых частей. В казармы они были приведены под конвоем[21].

Белогвардейский Северный корпус во второй половине апреля 1919 г. сосредоточился в верхнем течении реки Нарвы. Согласно телеграмме представителя русских белогвардейцев в Стокгольме министру иностранных дел правительства Колчака в марте 1919 г., в корпусе насчитывалось 3200 человек[22].

Красное командование, учитывая нараставшую угрозу предстоящего наступления объединенных сил противника, решило сократить чрезмерную растянутость фронта Эстляндской армии. Войска нарвского участка изымаются из его состава и передаются 7-й армии. Вместо 6-й стрелковой дивизии в состав Эстляндской армии вошли теперь части 11-й стрелковой дивизии, которые в совокупности с некоторыми другими частями образовали Южную, или Мариенбургскую, группу войск Эстляндской армии. В ее оперативное подчинение вошли некоторые части 1-й и 19-й стрелковых дивизий, которые прибыли на псковский участок фронта, 20-й и 31-й авиационные отряды, а также два полка (48-й и 49-й) 6-й стрелковой дивизии. Командующий Западным фронтом подчинил командующему Эстляндской армией М. Н. Васильеву и Мариенбургскую группу войск, в которую входили 6-й и 13-й Латышские полки, 5-й Эстляндский полк, три полка 11-й стрелковой дивизии и некоторые другие части, располагавшие (вместе с резервами) 6850 штыками, 346 саблями, 36 орудиями, 145 пулеметами[23].

К середине апреля обстановка на Западном фронте была охарактеризована Главным командованием Красной Армии следующим образом: «По всему фронту наблюдается оживление деятельности противника мелкими частями, причем в Нарвском районе и районе Чудского озера действия противника проявляются налетами на отдельные наши пункты и отходом на исходное положение... В Лифляндском и Митавском районах — незначительные стычки мелких партий»[24]. Бои шли с переменным успехом.

Участие эстонских частей Красной Армии в отражении первого похода Юденича и белоэстонской армии на Петроград

Положение на Западном фронте резко ухудшилось во второй половине апреля и в мае 1919 г., когда Антанта, готовя походы белогвардейских армий против Советской Республики с Востока и Юга, организовала поход контрреволюционных сил Карелии и Прибалтики на Петроград[25].

С апреля 1919 г. начался приток в Эстонию и Прибалтику американских, английских и французских офицеров с миссиями, касавшимися в основном организации антисоветской интервенции. Наиболее многочисленной среди них была английская военная миссия, прибывшая в Хельсинки в мае, а в Таллин — в июне (14 офицеров и 24 солдата). Возглавлявший ее генерал-лейтенант Г. Гоф объявил по прибытии на место, что он имеет полномочия верховного командующего всех антисоветских войск в Финляндии и Прибалтике и приступает к организации захвата Петрограда, а также к ликвидации германского влияния в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве. Он не стеснялся вмешиваться и в сугубо внутренние дела Эстонии[26].

Главную свою цель контрреволюция усматривала в захвате Петрограда — одного из крупнейших и важнейших опорных пунктов Советской власти. Эта задача возлагалась на белогвардейские войска Юденича и белоэстонскую армию. Операция началась с Нарвского направления вкупе со вспомогательными ударами с Олонецко-Петрозаводского и Псковского направлений.

Первой во второй половине апреля 1919 г. предприняла наступление на Олонецко-Петрозаводском направлении против советских войск Западного фронта белофинская «Олонецкая добровольческая армия», состоявшая из карельского кулачества (около 2 тыс. штыков и сабель) и преследовавшая цель присоединения Южной Карелии к Финляндии. А в мае, отслужив молебны, на Петроград двинулись со стороны Эстонии под бело-сине-красным флагом войска Юденича, а под сине-черно-белым флагом — белоэстонская армия.

Лидер «белого дела» генерал от инфантерии Н. Юденич 10 июня назначается Колчаком главнокомандующим белогвардейскими войсками на северо-западе России. На пару с Й. Лайдонером он предпринимает совместный поход русских белогвардейцев и белоэстонцев на Петро-

град (формально русский белогвардейский Северный корпус, которым командовал генерал-майор К. Дзерожинский, подчинялся Й. Лайдонеру). Во имя реставрации капитализма объединились силы, провозглашавшие диаметрально противоположные девизы. Руководители эстонской контрреволюции, презрев девиз «независимости», приказали своей армии воевать за интересы русской контрреволюции, девизом которой была «единая и неделимая Россия».

К. Дзерожинский и Й. Лайдонер располагали крупными силами. Северный корпус был укомплектован большим количеством офицеров и генералов, насчитывал 5800 штыков и сабель, 11 орудий, два бронепоезда и два танка. С севера корпус прикрывала 1-я белоэстонская дивизия с равным количеством штыков и сабель. Она расположилась в основном на левом берегу реки Нарвы на участке от города Нарва до побережья Нарвского залива. По оснащенности артиллерией дивизия эта почти в 3 раза превосходила русский белогвардейский корпус. Правый фланг дивизии Дзерожинского прикрывали отряд подполковника С. Булак-Балаховича и 2-я белоэстонская дивизия. Белогвардейцев должна была также поддерживать огнем английская эскадра в Балтийском море. Н. Юденич и Й. Лайдонер имели, таким образом, в общей сложности армию, насчитывавшую около 14 тыс. штыков и сабель; с моря ее поддерживали более 70 кораблей интервентов[27].

Помимо снабжения, получаемого от стран Антанты, прежде всего из Англии, материальную помощь белогвардейцам оказывало правительство США. 18 августа 1919 г. советник госдепартамента Ф. Полк, возглавлявший в то время американскую делегацию в Париже, сообщил государственному секретарю Р. Лансингу, что Юденичу доставлено Гувером (он возглавлял американскую администрацию помощи) 22 200 т продовольствия. Кроме того, белоэстонцы согласились передать Юденичу 5,5 т продовольствия, отправленного им. «Доставленных американцами продуктов было вполне достаточно, считая армию даже в 40 тысяч человек...» — отметил в своей обширной книге «Гражданская война в Северо-Западной России» (Берлин, 1923) В. Л. Горн — левый кадет. Колчак перевел в Лондон на нужды армии Юденича 260 млн руб. в английской валюте[28].

Северный корпус сил контрреволюции начал наступ-

ление рано утром 13 мая, имея на нарвском участке фронта более чем тройной перевес в силах. Еще до начала общего наступления конный отряд белых, переодетых в красноармейскую форму, следом за которым двигалась пехота, проник в тыл частей 7-й армии и разгромил штаб 3-й бригады 19-й стрелковой дивизии, занимавшей участок фронта от Гдова до Ямбурга. Командир дивизии, бывший генерал-майор А. П. Николаев (выходец из солдатской семьи) был взят в плен в районе Попковой Горы. Он категорически отказался перейти на службу к белым. Палачи разрушили памятник Карлу Марксу, воздвигнутый в Ямбурге весной 1918 г., и поставили на это место виселицу, на которой публично 28 мая погиб А. П. Николаев[29]. (Впоследствии его останки были с воинскими почестями перезахоронены в Петрограде, а его именем названа центральная площадь Ямбурга.)

Двухтысячный отряд белогвардейцев, в составе которого действовали также полк балтийских баронов и кавалерийский эскадрон, при поддержке местного кулачества занял 15 мая Гдов и стал быстро продвигаться к Пскову[30]. 17 мая белые заняли Ямбург. Красные войска отошли в район железнодорожной станции Веймарн, а оттуда продолжали отходить к Петрограду.

В связи с наступлением белых на Ямбург и Гдов значительная часть войск из состава мариенбургского и псковского участков фронта Эстляндской армии была отправлена в распоряжение 7-й армии в район Веймарна[31], что заметно сократило силы Эстляндской армии на псковском участке фронта. Х. Туммельтау (участник боев под Псковом) в воспоминаниях «Бои под Псковом в мае 1919 года», опубликованных в 1934 г. в сборнике «Красная гвардия и Красная армия Эстонии в гражданской войне», используя архивные данные Советского командования и опубликованные в буржуазной Эстонии сведения, отметил, что здесь остались только три эстонских красных полка, в которых насчитывалось всего 1956 штыков, 51 пулемет, 27 орудий и один бронепоезд. И все они находились на линии фронта, резервы отсутствовали. Белоэстонцы же противопоставили красным войскам на этом участке 3100 штыков, 102 сабли, 127 пулеметов, 14 орудий, 3 бронепоезда (входившие в сформированный в феврале дивизион бронепоездов) и 2 броневика. При этом на линии фронта красные войска имели лишь малочисленные отряды, основные их силы и бронепоезда были

расположены под Печорами. Однако преимущество в артиллерии лишало белоэстонцев возможности использовать здесь в полной мере удары бронепоездов. Пополнение запасов винтовочных патронов было также «в высшей степени затруднено, и командующий Западным фронтом Д. Н. Надежный предписал расходовать их экономно»[32].

Белоэстонское командование, ведя наступление в Псковском направлении, рассчитывало обойти части эстонских красных стрелков с юга, отрезать им путь отступления на Остров, затем прижать их к Чудскому озеру и уничтожить. В их планы входила ликвидация всех красных войск псковского участка фронта и продолжение наступления в восточном направлении.

Бои на Псковском направлении в конце апреля — начале мая шли с переменным успехом, деревни переходили из рук в руки[33]. Измена командира Эстляндской дивизии способствовала в конце мая временному успеху белых. Авантюризм и политическая близорукость Л. Ритта (вспомним, что полгода назад по требованию коммунистов он был смещен с должности командира Вильяндиского полка) привели его на путь предательства.

Сложившаяся обстановка оказалась не под силу нестойким людям. Ноябрьская революция в Германии и Баварская советская республика потерпели поражение. Армия фон дер Гольца, включавшая в свой состав войска ландесвера, германскую «Железную дивизию» и русских белогвардейцев, 22 мая захватила Ригу. Белополяки заняли города Лида, Барановичи, Вильнюс. Наступление на рубежи Страны Советов вела так называемая Олонецкая добровольческая армия. В Сибири не был еще разбит Колчак. На юге активизировали свои действия войска Деникина. Ритта охватило настроение пораженчества. Было от чего «потерять голову». А белоэстонское командование приманивало крупным денежным вознаграждением, погонами старшего офицера и пр. Он передал белому командованию сведения о силах и расположении красных частей по всему участку фронта.

Предварительно, 19 мая, Ритт, воспользовавшись провокационно организованным им на участке 2-го Эстляндского полка братанием между эстонскими красными и белыми воинами, направил белоэстонскому командованию срочное секретное письмо с просьбой принять его для переговоров. Предатель обещал создать условия для того, чтобы Псков «по возможности полностью (без эвакуа-

ции) отошел бы к Эстонской республике, в том числе: все орудия, бронепоезда и обозы с оружием»[34]. Трижды встречался Ритт с представителями белого командования. 22 мая при возвращении от белых он был задержан командиром 2-го Эстляндского полка К. Кангером, но отпущен по настоянию комиссара 1-й бригады Эстляндской дивизии А. Алькрата, заявившего о полном доверии Ритту. На следующий день комиссия Реввоенсовета дивизии занялась расследованием отлучек Ритта, но тот уклонился от объяснений. Чувствуя, что почва горит у него под ногами, Ритт в ночь на 24 мая вместе с командиром 1-й бригады А. Айнтсом и командиром 1-го полка Б. Хансоном перебежал к белым. За ними последовали еще пять командиров более мелких частей. К перебежчикам присоединился и начальник штаба дивизии Маазик. Перед бегством Ритт распустил провокационные слухи о том, что, мол, сегодня белые и красные войска объединятся и начнут совместный поход на Таллин с целью передать власть в Эстонии правительству трудящихся.

Измена породила слухи о переходе на сторону врага значительного количества сил Эстляндской дивизии — полностью 1-го полка и командного состава 2-го полка, что и было сгоряча зафиксировано в соответствующих донесениях. Опираясь на них, некоторые историки позднее повторяли эту версию[35]. Печать буржуазной Эстонии в свою очередь отмечала, что на сторону контрреволюции ушли две роты. Непосредственный свидетель этих событий А. Плукк вспоминал: «Клика предателей надеялась склонить эстонские красные части перейти на сторону белых. Но это им не удалось даже в отношении 2-й роты, воины которой не перешли, а были в результате измены взяты в плен белыми и посажены, как мы узнали позднее, в тартускую тюрьму»[36]. Картину случившегося весьма полно воспроизвели О. Полетаев и А. Нугис: «Командование белоэстонцев, использовав сведения Ритта, нанесло крупными силами внезапный удар по 1-му Таллинскому полку. Белые прорвали фронт и устремились к Пскову. В окружении оказалась почти вся вторая рота и часть бойцов из других подразделений, общим количеством около 300 человек, и они попали в плен. Остальные подразделения полка... вынуждены были после ожесточенного боя отойти. В полку после измены и боев осталось налицо 25 командиров, 519 бойцов и младших командиров... Ошибочным являлось и сообщение об изме-

не командного состава 2-го полка»[37]. Штаб Эстляндской дивизии уже 25 мая опроверг утверждение о переходе на сторону врага командного состава 2-го полка.

Л. Ритт (он же Грюневальд) и его единомышленники были признаны врагами трудящихся и объявлены вне закона. Красные стрелки прокляли их имена. Предательство не принесло Л. Ритту ни славы, ни карьеры, ни материального благополучия. Вскоре органы буржуазной Эстонии привлекли его к ответственности за уголовные преступления *.

Эстляндская дивизия осталась верна своему воинскому долгу и идеалам интернационализма. 1-й Эстляндский полк отступил с боями и переправился на правый берег реки Великой. 2-й полк, занимавший позиции несколько западнее станции Изборск, и 4-я батарея, развернувшись на 180°, артиллерийским и пулеметным огнем до полудня сдерживали наступающего противника, а затем отошли за реку Великую. 3-й полк и 1-я батарея отошли за город Псков. 1-й батальон этого полка, оказавшись у Псковского озера во вражеском окружении, пробился с боями к устью реки Великой и переправился на правый берег уже после падения Пскова. Ушли из района станции Моглино к Пскову два батальона 5-го полка и 48-й стрелковый полк, а также 6-й полк, в составе которого оставалось не более 200 штыков. За реку Великую отошли также 85-й и 86-й полки Эстляндской дивизии. Командиры полков этой дивизии из-за отсутствия командования дивизии действовали по своему усмотрению[38].

Противник, обладавший численным превосходством, а также перевесом в технических средствах (двойным — в пулеметах, тройным — в бронепоездах), направил в образовавшийся прорыв броневики и пехоту и дошел до Ольгинского моста через реку Великую. Когда шесть его броневиков ринулись на мост, подрывная команда из пяти красноармейцев 4-го минноподрывного дивизиона во гла-

---

* Р. Маяк, участник Октябрьской революции, в мемуарах «Начало долгого пути» (Таллин, 1984. С. 161—163) сообщает, что в буржуазной Эстонии Л. Ритта в чине поручика направили воевать против ландесвера. После демобилизации он, будучи заместителем начальника Главного почтового управления, стал казнокрадом. Из тюрьмы бежал, занялся грабежом, был пойман, доставлен в наручниках вновь в тюрьму, приговорен к шести годам заключения. Опять бежал, обосновался в Нью-Йорке, где возглавил одну из банд гангстеров.

ве с командиром роты А. А. Чепулиным взорвала его, при этом командир и двое красноармейцев погибли. Но взрыв моста замедлил продвижение противника, что дало советским войскам возможность выйти из-под удара броневиков и отступить из Пскова [39]. К вечеру 25 мая враги заняли левобережную часть Пскова (Завеличье), а на следующий день овладели городом полностью. Спустя несколько дней в Псков прибыл Булак-Балахович, именовавший себя командующим войсками Псковского и Гдовского районов. Псков пережил три страшных месяца оккупации. Казни стали повседневным явлением. Балахович лично участвовал в казнях. Его издевательства доходили, как отмечал левый кадет Л. Горн, «почти до садизма». А один из единомышленников Балаховича однажды заявил: «Да, правда, любит сам вешать, любит, любит эдак подвешивать, есть грех, но герой» [40]. Обкладывал население поборами сам Балахович, его офицеры и солдаты рыскали повсюду и тащили, что попадалось под руку. Й. Лайдонер, которому формально подчинялась и армия русских белогвардейцев, на одной из письменных жалоб на грабителей начертал резолюцию: «Парни Северного корпуса грабят часто, хотя и не больше, чем наши» [41].

Положение на Западном фронте резко осложнилось в результате падения Риги. Северный корпус подходил к Луге, Ропше, Гатчине. 13 июня на фортах «Красная Горка», «Серая Лошадь» и «Обручев», представлявших единый комплекс с фортами морской крепости Кронштадт, вспыхнул контрреволюционный мятеж, подготовленный предателями и агентами английской разведки. Главари мятежа надеялись склонить на свою сторону Кронштадт и тем самым оказать помощь Юденичу и английской эскадре в захвате Петрограда. Над Петроградом нависла серьезная опасность.

После боев под Псковом Эстляндская армия, за исключением Мариенбургской группы, была подчинена командующему 7-й армией А. К. Ремезову. В ее задачу входило прикрытие направлений на Лугу, Новгород и Дно. Мариенбургская группа, ранее входившая в Эстляндскую армию, приказом командующего фронтом от 25 мая была включена в Армию Советской Латвии. В составе этой группы остался и 5-й Эстляндский полк. В Эстляндской армии остались лишь Эстляндская и 10-я стрелковая дивизии. Но уже 30 мая 1919 г. Эстляндская армия как самостоятельная была упразднена.

Буржуазные историки объясняли этот факт возникновением у командования Красной Армии после измены Ритта политического недоверия в отношении Эстляндской армии. В действительности же шаг этот объясняется тем, что практика военных действий доказала не только нецелесообразность строительства Красной Армии по принципу создания национальных армий, но и необходимость укрепления единого командования во всесоветском масштабе. Упразднены были также Латышская и Белорусско-Литовская армии с переименованием их в общеномерные части Красной Армии. Еще 23 апреля 1919 г., т. е. за месяц до измены Ритта, Главнокомандующий Вооруженными Силами Республики И. И. Вацетис и член Реввоенсовета С. И. Аралов докладывали В. И. Ленину о необходимости военного единства советских республик, ибо «эстонцы, латыши, литовцы, белорусы, украинцы создают свои армии, свои аппараты Наркомвоен, из которых каждый действует с присущей ему одному специфичностью». Несколько позднее Главком в докладе Реввоенсовету Республики констатировал: «В действиях, управлении и организации таких самостоятельных армий, как Эстонская, Латышская и Белорусско-Литовская, постоянно и во всем сказывался национальный сепаратизм, раскалывавший единство командования и единую волю управления» [42]. Основания обвинять и военное руководство Эстляндской Трудовой Коммуны в сепаратизме были. Так, командующий Северным фронтом Д. Н. Надежный высказывал во второй половине января 1919 г. свое несогласие с Я. Анвельтом, который вопреки приказу командарма пытался по своему усмотрению перемещать эстонские полки [43].

Наблюдалась, как пишут латышские историки, несогласованность действий латышских и эстонских красных воинских подразделений [44].

Анализируя позднее ход военных действий в Прибалтике, Д. Н. Надежный еще раз отметил, что руководство действиями национальных армий протекало под влиянием интересов чисто местного характера в ущерб разрешению основных оперативных задач [45].

Кроме того, войска национальных армий (Эстляндской, Латышской, Белорусско-Литовской) вели военные действия бессменно уже на протяжении многих месяцев, недостаточно пополнялись, не имели возможности создавать себе необходимые крупные резервы. Их нерегуляр-

ное снабжение оставляло желать лучшего, к тому же в условиях, создавшихся в ходе войны, они располагали крайне скудными материальными ресурсами. Эстляндская армия, например, полностью была лишена в то время возможности черпать необходимые ей материальные и людские ресурсы из Эстонии. Совет Эстляндской Трудовой Коммуны финансировал армию за счет сумм, полученных взаймы от правительства РСФСР. Все эти обстоятельства свидетельствовали о необходимости полного объединения всех Советских Вооруженных Сил под единым командованием.

ЦК РКП(б) на заседании 4 мая 1919 г. под председательством В. И. Ленина рассмотрел вопрос «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социалистических республик». ЦК РКП(б) направил Центральным Комитетам компартий Украины, Литвы, Белоруссии, Латвии, Эстонии директивы, в которых говорилось, что «попытки подчинить командование отдельных армий местным национальным советским властям являются безусловно пагубными для дела обороны Советской Республики. Поэтому нарушение единства управления и командования, национальное раздробление армий приводит к национальным трениям в среде самих красноармейских частей и является верным путем к разложению армии. Центральный Комитет считает поэтому необходимым восстановить в области военного управления и командования строжайшее начало единства организации и строгого централизма» [46]. ВЦИК совместно с представителями от социалистических республик принял 1 июня 1919 г. соответствующее постановление. Идея создания единой, крепкой, интернационально сплоченной и однообразно организованной армии — регулярной армии нового типа — была проведена в жизнь.

Начальником Эстляндской дивизии 24 мая был назначен Я. Пальвадре, зарекомендовавший себя талантливым командиром уже на Восточном фронте в 1918 г. С 20 апреля 1919 г. он занимал пост члена Реввоенсовета Эстляндской армии. Свою инициативу командир дивизии Я. Пальвадре направил на сплочение частей дивизии, от всех требовал строгой дисциплины и неукоснительного выполнения приказов. В считанные дни был сформирован новый штаб дивизии, его начальником стал А. Пыльд (член РКП(б) с 1919 г., капитан старой армии); комиссарами дивизии были назначены И. Тамм и Э. Рипс, ко-

миссаром штаба дивизии — А. Рейметс; помощником начальника штаба с 1 апреля стал 28-летний И. Лехт (подпоручик старой армии, служивший до Октябрьской революции офицером особых поручений по оперативной части в штабе Кавказской армии, большевик с 1917 г.), до этого он командовал 1-м Петроградским рабочим полком.

II конференция партийных коллективов Эстляндской дивизии

12—14 июня 1919 г. в Порхове (ныне в Псковской области) работала II конференция коллективов РКП(б) Эстляндской дивизии. 33 делегата представляли 746 коммунистов; отсутствовали лишь представители 87 коммунистов 5-го Эстонского полка, находившегося в составе Армии Советской Латвии. Дореволюционный партийный стаж имели 8 делегатов. Работа конференции шла на эстонском языке. Открывая конференцию, командир дивизии Я. Пальвадре огласил повестку дня: доклады с мест; международное положение; об эстонских воинских частях; командиры и комиссары; партийная работа в воинских частях; текущие дела. В телеграмме, направленной делегатами В. И. Ленину, говорилось: «Вторая конференция коммунистов Эстдивизии при открытии своих занятий приветствует Вас, Владимир Ильич, как горячо любимого и стойкого вождя Третьего Интернационала. Да здравствует наш Ильич!» [47]

На следующий день в связи с похоронами Розы Люксембург конференция почтила ее память, а также память других павших борцов революции минутой молчания.

Докладывая о состоянии дел на местах, представители 1, 2, 3, 6-го полков, а также Красного артиллерийского полка и других подразделений дивизии отмечали, что проведение партийно-политической работы среди личного состава было затруднено пренебрежением ею со стороны бывшего начальника дивизии, постоянным пребыванием дивизии на фронте, территориальной разбросанностью ее частей. Отступление под Псковом, измена начальника дивизии удручающе сказались на настроениях красных стрелков. Многие коммунисты пали в боях, но партийно-политическая работа велась результативно. По свидетельству председателя партийного комитета 6-го полка Яана Каземетса, удалось сплотить его состав, несмотря на то что он был сформирован исключительно из мобилизованных, перебежчиков и пленных. Сейчас в полку 53 ком-

Участники конференции партийных коллективов эстонских частей Красной Армии в Порхове в июне 1919 г.

муниста, настроение у личного состава хорошее. В условиях острой нехватки оружия, обмундирования, продовольствия, медикаментов, а также конского состава, отмечали докладчики, в дивизии организован контроль за всей ее хозяйственной деятельностью. Политотдел дивизии укреплен новыми кадрами. Докладчики выражали твердую уверенность, что никакие провокации врагов революции не поколеблют верности эстонских красных стрелков делу революции.

Доклады с мест по своему содержанию слились с докладом П. Петерсона «Партийная работа в воинских частях». В своем выступлении Я. Пальвадре охарактеризовал международное положение. Факты распространения революционного движения на международной арене и пролетарскую солидарность рабочих всего мира с трудящимися Страны Советов он расценил как факторы, содействующие победе Красной Армии.

Я. Пальвадре сделал доклад и об эстонских воинских частях. Рассмотрение этого вопроса объяснялось тем, что 5 июня (за неделю до созыва II конференции партийных коллективов Эстляндской дивизии) на совместном заседании ЦК эстонских секций РКП(б) и Совета Эстляндской

Трудовой Коммуны было принято решение о самороспуске ее Совета и прекращении деятельности ее учреждений. Такое совершенно правильное и своевременное решение было продиктовано реальной военно-политической обстановкой в Эстонии и новым курсом Эстонской организации Коммунистической партии, добивавшейся вывода буржуазной Эстонии из антисоветской войны, заключения мира между буржуазной Эстонией и Советской Россией. Однако многие красные стрелки восприняли это решение как ошибочное. К тому же никто из бывших членов Совета Коммуны и членов ЦК эстонских секций партии (кроме находившихся в армии) не прибыл на конференцию. Это вызвало недоумение и кривотолки даже среди коммунистов, ошибочно полагавших, что решение о самороспуске Совета Коммуны порождено пренебрежением к национальным интересам эстонских трудящихся. Красных стрелков мучил вопрос: не приведет ли самороспуск Совета Коммуны к расформированию дивизии как национального воинского формирования?

Докладчик разъяснил собравшимся, что эстонские воины отстаивают Советскую власть на территории всей России. Он призвал к повышению боеспособности дивизии. В свою очередь делегат Эдур отметил, что нельзя чрезмерно выделять национальный характер дивизии. Мы «не должны забывать, что мы — коммунисты-интернационалисты», — сказал он. Это принципиальное замечание было учтено конференцией. Представитель 7-й армии в своем выступлении подчеркнул, что командование не намерено расформировывать эстонские части. «Мы были и остаемся верными войсками III, Коммунистического Интернационала», — подчеркнула конференция [48].

Делегат Яан Изак говорил о необходимости повышать роль и авторитет красных комиссаров в армии, о том, что комиссары обязаны овладевать военным искусством, быть беспредельно преданными делу революции, постоянно проявлять заботу о красноармейцах. Он подчеркнул, что все коммунисты должны решительно устранять проявления национальной вражды и ограниченности в армии. Конференция одобрила временный наказ военным комиссарам и командирам, избрала партбюро дивизии.

Представитель политотдела дивизии П. Петерсон, оценивая значение II партийной конференции красных стрелков, писал, что после конференции материальное обеспечение эстонских красных стрелков улучшилось,

оживилась партийная работа, установилась прочная связь с ЦК эстонских секций РКП(б). Разговоры о предстоящем расформировании эстонских национальных частей прекратились. На II Всесоюзной конференции эстонских секций РКП(б) в августе 1919 г. Я. Пальвадре и П. Петерсон были избраны в состав их Центрального Комитета [49].

В боях за освобождение Пскова

Части Эстляндской дивизии совместно с другими частями Красной Армии участвовали в оборонительных боях и в ликвидации кулацко-белогвардейских «зеленых» банд в тылу псковского участка фронта, активизировавших вооруженную контрреволюционную деятельность в связи с захватом Пскова и временным успехом белых войск на Западном фронте.

Приказом по войскам Западного фронта Эстляндская дивизия была переформирована с 16 июня в Отдельную эстонскую стрелковую бригаду, оперативно придаваемую «по обстановке тому или иному боевому участку». По состоянию на 1 июня 1919 г. в боевом составе Эстляндской дивизии на псковском участке фронта — в 1, 2, 3 и 6-м полках — насчитывалось 157 командиров, 2645 рядовых и младших командиров при 42 пулеметах и 11 бомбометах. Четыре легкие артиллерийские батареи хотя и понесли незначительные потери, но сохранили свою материальную часть — 15 орудий и 7 пулеметов. 1-я тяжелая батарея из-за больших потерь к этому времени была расформирована. Кавалерийский полк, принимавший участие в составе 15-й армии в боях против белолатышей, присоединился к бригаде в начале июля на станции Дно, где располагался штаб бригады (в нем осталось всего 319 человек); 4-й (бывший Нарвский) полк, находившийся в составе 6-й стрелковой дивизии, в июне опять переименовывается в 46-й стрелковый полк; 5-й стрелковый полк, как отмечалось, действовал в составе армии Советской Латвии, он потерял в боях половину своих воинов. Самые малочисленные полки получили в июне пополнение из запасного батальона и команд Военного управления Эстляндской Трудовой Коммуны. С курсов командного состава в бригаду прибыло около 50 красных командиров [50].

Полки бригады участвовали в наступлении Красной Армии против войск Юденича и белоэстонцев в основном на Псковском направлении. Перед переходом советских

войск в наступление на петроградском и лужском участках фронта линия обороны на Псковском направлении начиналась примерно в 30 км северо-восточнее Пскова и шла от населенного пункта Горки на Дубновичи—Лопатово—Кутузово (что в 7 км от станции Карамышево) — Ильина Гора — Большая Ражнева — Какорина — Пруды (что в 30 км южнее Пскова у железной дороги Псков—Идрица). Далее располагались войска Островской группы 15-й армии, на правом фланге которой (между железными дорогами Псков—Остров и Псков—Идрица) размещался 5-й Эстонский полк. Общее количество советских войск на псковском участке фронта перед переходом в наступление составляло 7430 штыков, 295 сабель, 146 пулеметов, 30 орудий, один бронепоезд и четыре самолета[51].

Центральный Комитет РКП(б) принимает экстренные меры, обеспечивающие провал похода белогвардейцев и интервентов на Петроград. 10 июня петроградский участок фронта признается первым по важности. В подавлении контрреволюционного мятежа 16 июня на фортах «Красная Горка» и «Серая Лошадь» участвовали и крупные отряды красных моряков под командованием эстонских советских командиров К. Каллиса и И. Лудри. Замысел врагов, намеревавшихся открыть ворота Питера для белогвардейцев, был сорван. Снятые с Восточного фронта и из других мест военные соединения усилили 7-ю армию. В свою очередь петроградская партийная организация мобилизовала в армию и на флот 13 тыс. человек. Стойко защищали колыбель революции питерские рабочие. Подчеркнем, что в двадцатых числах июня в 7-й армии насчитывалось уже около 57,5 тыс. штыков и сабель[52].

Наступлению Красной Армии контрреволюционные силы не смогли противостоять.

Так, в конце июня — начале июля в ходе Видлицкой операции войска 7-й армии во взаимодействии с Онежской военной флотилией отбили поход «Олонецкой добровольческой армии» и оттеснили белофиннов к их границе. 8 июля части Псковской группы 7-й армии и Островской группы 15-й армии, предприняв совместное наступление, вышли южнее Пскова на правый берег реки Великой. До Пскова оставалось 10—12 км. Белоэстонское командование срочно направило на этот участок фронта свои резервы. Незадолго до этого Й. Лайдонер телеграфировал в Псков своим войскам: «Хотя Псков и

передан Балаховичу, мы должны, если с русскими произойдет какая-либо неудача, удержать этот военный железнодорожный узел. Псков ни в коем случае нельзя отдавать обратно большевикам»[53]. Противнику удалось оттеснить красные войска. В конце июля на две недели фронт стабилизировался на участке в 13 км северо-западнее Порхова и 20 км северо-западнее Острова.

В боях у деревни Огурцово, что в 12 км южнее Пскова, отличился командир 1-й роты 1-го Эстонского полка Р. Штокберг (ранее лейтенант белоэстонской армии, сдавшийся в плен в декабре 1918 г.). В ночь на 16 июля его рота проникла в тыл врага. Смелая атака вынудила белогвардейцев в панике отступить с занятой позиции. Рота пленила восьмерых, в том числе офицера. Из захваченного пулемета красные воины открыли огонь по убегавшим врагам, отбивали контратаки. За эту успешную операцию Р. Штокберг приказом Реввоенсовета Республики 8 ноября 1919 г. был награжден орденом Красного Знамени[54].

В июльских боях Эстонская бригада понесла значительные потери. В полках и артиллерийском дивизионе осталось 4865 человек. 6-й Эстонский полк 20 июля по причине малочисленности был расформирован, а его личный состав (370 человек) передан в 1-й полк, командиром которого был назначен В. Пусс — командир бывшего 6-го полка. 2-м Эстонским полком стал командовать А. Абель, а прежний командир полка К. Кангер отбыл на курсы Академии Генерального штаба. С целью подчинения всех войск псковского участка одной армии Эстонская отдельная бригада с 26 июля, а затем и 10-я стрелковая дивизия были переданы в состав 15-й армии, которой с 31 июля командовал А. Корк. В последующие дни (с 30 июля по 2 августа) Эстонская бригада вела бои с противником, стремившимся прорваться к Острову. Ликвидировав прорыв, воины оттеснили белых на 15—20 км назад. «Настроение частей Эстбригады в общем хорошее... 1 августа при наступлении 5-го Эстполка и 2-й роты 2-го полка зашли в тыл противнику и произвели замешательство в рядах белых, причем были взяты 3 пулемета, снаряды и прочее. Атака была произведена так стремительно, что белые едва успели крикнуть: «Красные в тылу», как наши очутились уже здесь», — отмечалось в политсводке 15-й армии со 2 по 6 августа 1919 г.[55]

8 августа противник предпринял наступление вдоль Варшавской железной дороги и шоссе Псков—Луга, однако существенных результатов не достиг. Д. Н. Надежный отметил, что Эстонская бригада, участвуя в его отражении, «устойчиво держалась на фронте сс. Павлиха, Пруды» [56].

В стане белых росли настроения пораженчества и безнадежности. 12 июля пункт информации 1-й белоэстонской дивизии сообщил своему командованию, что боеспособность русского белогвардейского корпуса в результате частых отступлений заметно упала, что часты случаи перехода на сторону красных. Командир отряда датских наемников капитан Р. Боргелин, вспоминая те дни, писал: «На нас беспрерывно сыпался дождь шрапнели и гранат. Земля дрожала от разрыва бомб. Свист снарядов нашей собственной батареи был для нас единственным утешением в этом свинцово-стальном аду... Мы едва удерживали солдат на позициях» [57].

Предвидя неизбежный провал белого похода на Петроград, Й. Лайдонер 19 июля отказался от командования русским белогвардейским корпусом. Его приказ командиру 2-й белоэстонской дивизии свидетельствует о готовности оттянуть дивизию из Пскова. Русские белогвардейцы принимают меры по переформированию своих сил. 19 июля Северный корпус становится Северной армией, которая через две недели переименовывается в Северо-Западную армию. В нее входили три корпуса. Командующим Северо-Западной армией стал генерал-майор А. Родзянко.

Представители Великобритании, расценив создавшееся положение как катастрофическое, пытались навести порядок в войсках Юденича, уговорить белоэстонское командование не отказываться от участия в походе на Петроград. В первой половине августа английский генерал Марч собрал в Таллине руководителей контрреволюции на северо-западе России и потребовал приложить все силы для победы над русской революцией. Он заявил, что «союзники считают необходимым создать правительство Северо-Западной области России, не выходя из этой комнаты». На формирование правительства иностранец дал присутствующим 45 минут и тут же зачитал список лиц, желательных союзникам в качестве членов правительства. Затем он порывисто-резко заявил: «Иначе мы будем вас бросать» [58]. Второпях испеченному правительству Марч

предложил признать независимость Эстонии, а белоэстонскому правительству дал указание помочь вооруженной силой русским белогвардейцам занять Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губернии и создать в Петрограде белое правительство. Замысел британского империализма разгадать нетрудно. Он заключался в том, чтобы никем не признанное «правительство», посулив буржуазной верхушке Эстонии независимость, побудило ее тем самым к дальнейшему участию в антисоветской войне. Но на деле ни Великобритания, ни США, ни Франция, ни Италия эту независимость признавать не собирались.

Однако империалистам и их пособникам не удалось добиться осуществления своих целей. Красная Армия спутала все их расчеты. Части 2-й и 6-й дивизий 7-й армии 5 августа освободили Ямбург. Начала наступление и 15-я армия с целью освобождения Пскова. Значение города для противника после потери Ямбурга еще более возросло. Отдельная эстонская бригада и 10-я стрелковая дивизия получили приказ очистить его от белогвардейцев.

Перед наступлением в течение двух недель гостем эстонских красных стрелков был Э. Сырмус — талантливый скрипач, большевик с 1905 г., убежденный интернационалист, активный участник первой русской революции в Петербурге. В 1909 г. Сырмус встретился с В. И. Лениным в Париже. Вспоминая, Сырмус писал о том, что говорил ему В. И. Ленин: «Музыка — громадная сила, ее надо использовать для наших целей, для классовой борьбы. Вы как большевистский агитатор сами должны знать, как использовать скрипку как инструмент агитатора». На одном из концертов Сырмуса, данном для русских эмигрантов в Париже, присутствовал Ленин. Как рассказывала супруга Сырмуса, он сказал на следующий день скрипачу: «Я был настолько под впечатлением вашей музыки, захватившей нас всех, что считаю своим долгом сказать вам: играйте, играйте, играйте! Среди нас есть много таких, кто говорит или пишет. Но нет ни одного, кто бы играл» [59].

Не зная устали, Сырмус выступал перед красными воинами на митингах, играл и в окопах, и на передовых позициях, и в прифронтовых деревнях. Виртуозным исполнением музыки Шопена, Чайковского, Баха, Моцарта, Листа, революционных и народных мелодий он заслужил

Э. Сырмус — красный музыкант

искреннюю благодарность и защитников Советской власти, и гражданского населения. Тесно сотрудничая с политотделами и парторганизациями воинских частей, он выступал с пламенными речами, писал воззвания, призывая белоэстонских солдат переходить на сторону красных войск. С 31 июля по 13 августа 1919 г. он дал 20 концертов. Половина состоялась на передовых позициях. Концерты оказали, по оценке политотдела Эстонской бригады, огромное агитационное влияние на настроение красноармейцев и местного населения. Сам музыкант позднее заметил: «...ни один концерт в самых лучших концертных залах Парижа или Лондона не придавал мне столько сил, сколько дал концерт в маленьком сегуском (сету — этническая группа эстонского народа. — *В. М.*) сарае, где я играл коммунистическим воинам Эстонии» [60].

Войска 15-й армии под командованием А. Корка начали 16 августа наступление на всем протяжении линии фронта, которое развивалось довольно успешно. Эстонская отдельная бригада занимала боевой участок протяженностью до 30 км — от деревни Мигуново (40 км западнее Порхова) до деревни Подберезье (15 км северо-восточнее Острова). Обойдя труднопроходимые болота, 2-й и 5-й полки бригады, находящиеся северо-восточнее Острова, внезапно атаковали противника с фланга. Белоэстонцы и русские белогвардейцы в панике отступили к Пскову, что облегчило наступление соседних красных частей, особенно Сводной бригады 10-й дивизии, наступавших левее Эстонской бригады. Несмотря на упорное сопротивление, воины 11-й стрелковой дивизии, 10-й дивизии, Латышской дивизии и Эстонской бригады отвоевывали один населенный пункт за другим. Порой противник переходил в контрнаступление, но остановить красные войска был не в состоянии. Оперативно действовала артиллерия. Эстонские артиллеристы начертали на щитах своих орудий лозунг: «Бей, не жалей!» Саперы роты, возглавляемой Ю. Метсавасом, 5-го Эстонского полка под прикрытием артиллерии бригады и при активной помощи местного населения (настроение среднего крестьянства к тому времени заметно склонилось в пользу Советской власти) навели переправу через реку Череху. Эстонская бригада, выбив белых с занимаемых ими укрепленных позиций штыковой атакой, переправилась через Череху. Политотдел 15-й армии отметил 24 августа: «...настроение в Эстонской бригаде великолепное. Боевой

дух у красноармейцев не ослабевает, каждый хочет первым быть в Пскове...»[61]

Начальник 2-й белоэстонской дивизии, учитывая участившиеся случаи отказа солдат воевать против Красной Армии, отдал приказ срочно переправиться на левый берег реки Великой. Генерал Юденич, прибывший в Псков, пытался удержать белоэстонцев от этого шага. Но те заявили, что в Пскове держаться дольше не могут и поэтому отходят в Изборск. Белоэстонцы увели и свои бронепоезда, что значительно ослабило сопротивление белогвардейцев [62]. Белоэстонцы отступили на запад вдоль железной дороги и Рижского шоссе, к границе Эстонии.

Утром 26 августа части 10-й стрелковой дивизии и Эстонской стрелковой бригады освободили Псков. Первыми в город ворвались 5-й Эстонский полк и Псковский коммунистический батальон. Псковская группировка противника была разбита. Победители взяли значительное количество пленных, большие трофеи.

По мнению Д. Надежного, операция по овладению городом являлась «наиболее правильно организованной из всех операций летнего периода, веденных против белых на Нарвско-Псковском фронте» [63].

Совет рабочей и крестьянской обороны объявил благодарность частям 15-й армии за освобождение города. Личному составу армии было выдано денежное вознаграждение в размере месячного оклада. Частям армии, штурмовавшим Псков, в том числе трем эстонским полкам (2, 3 и 5-му) рабочие Пскова вручили Красные знамена. Командир Эстонской отдельной бригады Я. Пальвадре в приказе по бригаде от 30 августа отметил, что в период боев за освобождение Пскова полки бригады доказали свою стойкость и революционность [64].

За героизм, отвагу и мужество, проявленные в боях за освобождение Пскова, а также в ходе боевых действий в первом полугодии 1919 г., около 50 командиров и красноармейцев Эстонской бригады удостоились награждения орденом Красного Знамени. Среди отмеченных этой высшей в то время наградой Советской Республики были начальник артиллерии бригады Х. Тедер, командир артиллерийской батареи Х. Туммельтау, командиры батальонов И. Блатт и А. Хейнтс, командир роты М. Ребане, командиры взводов Э. Анник, И. Муда, И. Рейнвальд, И. Рыйгас, Ф. Сарнитс, помощники командиров взводов

К. Сальфельд, Ф. Таммепуу, командиры отделений В. Бойцов, П. Григорьев, А. Петерсон, В. Тяхт, С. Швалев, Я. Эленд, В. Эртис. Кавалерами ордена Красного Знамени стали свыше 20 красноармейцев, среди них А. Баратин, В. Бряков, Э. Вильберг, П. Журавлев, А. Казак, А. Линн, К. Лутс, В. Лятков, К. Миллер, О. Мянник, В. Панг, Э. Сикк, И. Тамм, О. Улитс и другие, а также сестра милосердия перевязочного отряда Е. Койдо. Некоторые участники этих боев были награждены орденом Красного Знамени по окончании гражданской войны, в их числе братья О. и Э. Пайталик. Многие воины получили ценные подарки (золотые именные часы и т. п.) [65].

Х. Туммельтау

В освобожденном Пскове состоялся многолюдный митинг. Р. Кийман — большевик с дореволюционным стажем, участник гражданской войны — много лет спустя вспоминал, что Э. Сырмус в солдатской шинели верхом на коне объезжал улицы Пскова, сзывая жителей города на митинг. «Потом сам же на митинге и выступил, — повествует А. Любарский, записавший слова Р. Киймана. — Музыкант говорил о том, что победившие в революции русские рабочие не одиноки, что с ними — простые люди разных стран. Он сказал, что сыграет нам на скрипке песню английских пролетариев («Красный флаг». — *В. М.*). И исполнил ее тут же, на запруженной горожанами и бойцами площади Пскова...» [66] Музыкант и словом и смычком пропагандировал идеи пролетарского интернационализма. В городе звучали также оркестры 2-го и 5-го эстонских полков. Псковитяне с большой охотой внимали революционной музыке.

Реввоенсовет Республики еще 21 июля дал указание Реввоенсовету Западного фронта не переходить границ прежней Эстляндской губернии при преследовании противника. Об этом правительство белой Эстонии было ин-

Группа воинов 5-го Эстонского коммунистического полка. 1919 г. Крайний слева в первом ряду и трое во втором — в форме эстонских красных стрелков

формировано по радио[67]. Такое решение было принято по ходатайству руководства эстонских коммунистов — Российского бюро Эстляндского Центрального Комитета Коммунистической партии, направившего 12 июня 1919 г. письмо в ЦК РКП(б). В нем высказывалась мысль, что в политическом отношении устанавливать власть Советов методом военного похода нежелательно. Необходимо стремиться к тому, чтобы Эстонская Советская Республика была восстановлена путем внутренней революции. Вооруженная помощь ей может быть оказана лишь в случае просьбы ЦК Компартии Эстонии. Предполагалось, что правительство Российской Советской Республики, принимая во внимание сложившуюся обстановку, предложит правительству буржуазной Эстонии заключить мирный договор. И если белоэстонское правительство прекратит активные действия против России, то Красной Армии не следует переходить этнических границ Эстонии и не вести обстрел ее пограничных пунктов. Письмо это получено ЦК РКП(б) 17 июня, В. И. Ленин был ознакомлен с ним. Советское правительство, стремясь прорвать фронт интервентов и установить мирные отношения со странами, втянутыми в антисоветскую войну, заявило о своей

готовности начать мирные переговоры с правительством белой Эстонии [68].

Белоэстонское правительство 31 августа откликнулось на предложение правительства РСФСР начать мирные переговоры [69]. Но это был лицемерный шаг, предпринятый с целью обмана эстонского народа, требовавшего прекращения войны против Страны Советов, заключения мира с нею. Правительство белой Эстонии знало, что вдохновители антисоветской интервенции и слышать не хотят о заключении мира, что ни Антанта, ни Юденич не собираются еще складывать оружие, что готовится новый поход на Петроград. США также не хотели терять белоэстонскую армию — «основную, — по словам американского поверенного в делах в Швеции Уйлера, — антибольшевистскую военную силу» в этом регионе [70]. Главнокомандующий белоэстонской армией Й. Лайдонер категорически заявил, что он возражает абсолютно против всякого соглашения с Советской Россией. Белоэстонская делегация на мирных переговорах тянула время и вскоре, получив письменное указание из Лондона, в котором говорилось, что «правительство Его Величества Британии требует, чтобы правительство Эстонии не предпринимало мира с большевиками», их прекратила [71].

Русские белогвардейцы отступили с боями после сдачи Пскова по Гдовскому шоссе. Красные же войска вышли к берегам Псковского озера. Войска Юденича, загнанные в «гдовский треугольник», заняли оборону по линии, которая начиналась у южной оконечности восточного берега Чудского озера, шла по правому берегу реки Желча и далее на восток вдоль рек Люта и Плюсса, доходила до среднего течения реки Луга, шла по ее берегу и сворачивала северо-восточнее Ямбурга к берегу Копорского залива. От 800-километрового Петроградского фронта остался только этот нарвский участок. Однако разгромить до конца здесь белые войска, ликвидировать Нарвско-Псковский плацдарм войск Юденича красным войскам в то время не удалось: сил не хватило. К тому же часть красных войск с этого участка пришлось перебросить на другие фронты. В их числе оказалась и Эстонская бригада.

План империалистов Антанты нанести вспомогательный удар по Петрограду, чтобы обеспечить успех армии Колчака на Восточном фронте, потерпел провал [72]. Вдохновители антисоветской интервенции безотлагательно при-

нялись готовить новое наступление на Петроград. Сокращение фронта позволило Юденичу отвести ряд частей на отдых и переформирование. Антанта и США щедро снабжали белогвардейцев вооружением и продовольствием. Так, начальник снабжения Северо-Западной армии 5 августа доводил до сведения, что иностранные пароходы доставили в Таллин 16 гаубиц и 16 скорострельных орудий, 6 тыс. снарядов, 10 тыс. английских винтовок и 8 млн патронов к ним, 4 самолета и много другого вооружения. Он сообщал, что ожидается прибытие двух пароходов из Лондона. Пароход «Дания» должен доставить еще два самолета, четыре танка, снаряды, бомбы, гранаты, патроны, 1050 ящиков обмундирования. Ожидается также прибытие 22 офицеров, 26 солдат-танкистов, врача, начальника медицинского снабжения. Английский пароход доставил в Таллин значительное количество папирос, табака, чая. Все это отчасти уже переправлено Северо-Западной белой армии[73]. Правительство Эстонии оказывало всемерное содействие продвижению грузов в армию Юденича.

Эстонская стрелковая бригада в боях за Двинск

Войска буржуазно-помещичьей Польши, стремясь расширить границы своего государства, еще в конце 1918 г. начали вооруженную борьбу против Советской России. В 1919 г. белопольское командование предприняло новое наступление на Советскую Белоруссию. Получив помощь от Англии, Франции, США, 1 июля белополяки начали наступление из района Сморгонь — станция Богданов. Тесня малочисленные советские войска, противник занял Молодечно, Вилейку, Радошковичи, а затем Минск. Вспомогательным ударом на Двинск (Даугавпилс) противник надеялся сковать 15-ю армию Западного фронта и тем самым облегчить действия войск Юденича.

Командующий советскими войсками Западного фронта В. М. Гиттис 30 августа 1919 г. отмечал: «...на Двинском направлении и на всем почти фронте 16-й армии противник продолжает теснить наши части, причем главные усилия их направлены к овладению Двинском, Полоцком и районом Жлобина, Мозыря, Гомеля»[74]. Он приказал во что бы то ни стало удержать Двинский плацдарм, использовать для этого часть сил, действующих в Псковском районе[75].

Наступление белополяков было остановлено Красной Армией в сентябре 1919 г. на рубеже реки Березина [76].

28 августа 1919 г., через два дня после освобождения Пскова, командующий 15-й армией Западного фронта А. Корк отдал приказ Отдельной эстонской стрелковой бригаде сосредоточиться для переброски на Двинский участок фронта. 4-я Эстонская батарея легкой артиллерии по указанию А. Корка осталась в распоряжении командира 10-й стрелковой дивизии. Остальные части бригады 30 августа были отправлены эшелонами с железнодорожной станции Черская. 1 сентября 1-й Эстонский стрелковый полк прибыл на станцию Двинск. С этого дня Эстонская бригада перешла в распоряжение 4-й дивизии (она была сформирована летом 1919 г. на базе управления и сведенных в бригаду остатков Литовской стрелковой дивизии, которой командовал В. И. Солодухин). 4 сентября все части бригады сосредоточились под Двинском.

«Участок 4-й дивизии, — отмечалось в оперативной сводке 15-й армии от 31 августа 1919 г., — под Двинском... Перед предмостными укреплениями бой, все атаки нашими частями отбиваются. Противник обстреливает артогнем форты, цитадели крепости и город Двинск... На Краславском направлении под давлением превосходящих сил противника части 3-й бригады 4-й дивизии отошли на правый берег реки Западной Двины» [77].

«Целью переброски Отдельной эстонской стрелковой бригады под Двинск, — отметил 3 октября 1919 г. в докладе Реввоенсовету 15-й армии и Реввоенсовету Западного фронта командир бригады Я. Пальвадре, — было: 1) задержать наступающего противника и держать за нами Двинск и 2) нанести врагу серьезный удар с переходом в наступление». Первую задачу, по замечанию Я. Пальвадре, бригада «выполнила блестяще» [78].

Линия фронта, которую бригада должна была занять, писал комиссар бригады И. Тамм, «представляла собой на левом берегу Даугавы дугу протяженностью 3—4 версты, начинавшуюся в двухстах шагах левее моста Варшавской железной дороги и кончавшуюся в полутора верстах от городского деревянного моста. Глубина линии от центра дуги до реки не превышала двух с половиной верст. Все другие воинские части находились на правом берегу». Командование бригады расценивало эту позицию как для ее обороны, так и для наступления «хуже ху-

ДЕКРЕТ

о признании независимости Эстляндской Советской Республики.

В ответ на запрос Эстляндского Советского Правительства, Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское Советское Правительство признает независимость Эстляндской Советской Республики. Высшей властью в Эстляндии Российское Советское Правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов — власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем, т. Анвельтом.

2. Российское Советское Правительство вменяет в обязанность всех соприкасающихся с Эстляндией военных и гражданских властей Российской Советской Республики оказать Эстляндскому Советскому Правительству и его войскам всяческое содействие в их борьбе за освобождение Эстляндии от ига буржуазии.

3. Народному Комиссариату Финансов поручается отпустить 10 миллионов рублей взаймы Народному Банку Эстляндской Советской Республики.

4. Народному Комиссариату Продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Эстляндской Советской Республики на предмет установления товарообмена между обоими Республиками.

Председатель Совета Народных Комиссаров:

Управляющий Делами Сов. Нар. Ком.:

Секретарь:

Москва, Кремль.
7-го декабря 1918 года.

Декрет Советского правительства

дой»[79]. На правом берегу дивизия должна была защищать линию фронта длиной примерно 10 км.

Сразу же по прибытии 1-й Эстонский стрелковый полк сменил на левом берегу реки 30-й и 2-й Латышский стрелковые полки. 2 сентября он перешел в наступление

Д. С. Моор. «Ты записался добровольцем?». 1920

и с боем занял деревни Полоцк (в 3 км южнее Двинска, но противник вскоре отбил ее обратно), Дубровка, Панасюки. Боевые позиции занимали по прибытии и другие полки. На левом берегу Даугавы кроме 1-го полка начали боп 2-й и 3-й полки.

Противник ежедневно по 2—3 раза атаковал позиции бригады. Но, несмотря на значительные потери, не добился успеха. Огонь его артиллерии, обстреливавшей город, станцию и шоссейный мост через реку, подавлялся советской артиллерией.

Противник подтягивал силы. Против эстонских полков были выставлены еще два полка легионеров — 7-й и 8-й. Появился у него и бронепоезд, и отсутствовавшие ранее минометы. Концентрация сил на левом берегу реки в 2,5 раза превосходила силы красных стрелков (бригада имела 7, а противник — по меньшей мере 25 орудий) [80]. Ветеран бригады А. Ломбак в мемуарах пишет о том, что ежедневно над фронтом красных войск летали аэропланы противника. Обычно их было шесть. Советские же войска имели возможность противопоставить только один самолет.

Стремясь незаметно зайти противнику в тыл силами, находившимися на правом берегу Даугавы, командир бригады отдал приказ о наведении дополнительных переправ через реку. Саперы построили через Двину два понтонных моста. Командир отдельной саперной роты А. Плукк позднее вспоминал, что временные мосты были наведены по обе стороны большого деревянного моста. Бревна и доски доставлялись с соседней лесопилки. Стройку вели в сентябрьские темные ночи. Красным воинам помогали строить мосты жители города. Работа продолжалась пять-шесть ночей, и мосты были готовы, один из них держался на сваях старого, разрушенного моста, другой — на якорях [81].

Бои шли с переменным успехом. Противник рвался к Гривскому мосту, стремясь обеспечить переправу на правый берег. Советские артиллеристы отбивали атаки. 13 сентября 2-й Эстонский полк вновь отвоевал у противника деревню Полоцк. Разведка Эстонского отдельного кавалерийского дивизиона заняла деревню Путаништи, но противник отбил ее. 16—18 сентября эстонские красные стрелки продолжали успешно отбивать атаки противника и подавили неприятельскую батарею около населенного пункта Ласкуты (Лауцеса).

Вновь к красным стрелкам приехал Э. Сырмус. На одном из своих концертов он сказал: «Дорогие товарищи! По зову сердца своего приехал я к вам. Скрипкой я хочу немного развлечь вас в суровой боевой обстановке, в которой вы вынуждены находиться, борясь за уничтожение

паразитов. Если я смогу это сделать, то моя цель будет достигнута. Если моя скрипка хотя бы немного поможет успеху вашей бригады, то я буду вполне удовлетворен. И я хочу вложить свою долю в победу трудового народа. Я сыграю вам несколько музыкальных мотивов, которые всем вам знакомы с детства». Скрипач закончил концерт, как обычно, исполнением пролетарского гимна «Интернационал» [82].

27 сентября в 6 часов 30 минут противник открыл сильный огонь по всей линии окопов красных стрелков, по шоссейному мосту и самому городу из орудий и двух бронепоездов. Командир 3-го полка А. Лиллакас доложил в 7 часов в штаб бригады, что пехоту противника, который наступает колоннами, поддерживают броневики, что появились танки (это была первая встреча эстонских красных стрелков с танками, которых, как выяснилось позднее, оказалось семь, и были они английского производства). Красные полки стояли на своих позициях, отбивая ружейно-пулеметным огнем атаки противника. Вскоре командир 2-го полка доложил, что одна из его рот полностью уничтожена артиллерией противника. Прервалась связь штаба 1-го полка с ротами. В 8 часов утра неприятельский снаряд влетел в штаб бригады, размещавшийся в центре города, нарушив его связь с частями. Один из штабных работников погиб, другой был смертельно ранен, еще шестеро, а также комиссар и начальник штаба получили легкие контузии. Батальоны и даже роты действовали теперь по своему усмотрению. Командир бригады отправился на позиции, в 10 часов у пешеходного моста был ранен в правую ногу навылет, но поля боя не покинул. Комиссар бригады И. Тамм и начальник политотдела И. Хансинг также ушли на позиции. Снаряды попали также в штабы 1-го и 2-го полков. Противник прорвался на шоссейный мост. Красные полки, неся потери, начали отступать, используя наведенные понтонные мосты. Часть красноармейцев (около 50 человек) спаслась вплавь. Располагавшийся на среднем участке плацдарма за рекой 1-й Эстонский полк интенсивно отстреливался. Противник штыковой контратакой был отброшен назад. Ординарцы, направленные в этот полк с приказом отступать на правый берег, не вернулись.

Ворвавшийся на Гривский мост противник надеялся проникнуть в город. Но 1-й батальон 5-го полка, стояв-

Памятник воинам Красной Армии, защищавшим Даугавпилс в 1919 г.

ший на правом берегу, уничтожил его. Артиллеристы же, которыми командовал начальник артиллерии бригады Х. Тедер, вывели из строя мост.

Раненый командир бригады Я. Пальвадре, убедившись, что противник остановлен и город не достанется врагу, вернулся в штаб, где до 13 часов продолжал руководить действиями бригады, затем передал командование бригадой командиру 5-го полка Н. Риухкранду и отправился в лазарет [83].

Несмотря на большое превосходство сил, противник не добился своей цели и Двинск взять не смог. «Оказать действенную помощь армии Юденича белополякам не удалось», — констатируется в «Истории гражданской войны в СССР» [84]. Но оборона Двинска дорого обошлась эстонским красным стрелкам. «В боях 27 сентября Эстонская бригада, — говорилось в политсводке 15-й армии от 30 сентября 1919 г., — 1-й, 2-й и 3-й эстонские полки понесли громадный урон убитыми, ранеными и попавшими в плен. Многие красноармейцы и командиры, чтобы не попасть в плен, застрелились» [85]. Наибольшие потери

понес 3-й полк, который, по данным И. Типнера, потерял убитыми, ранеными и попавшими в плен около 400 человек[86] (по состоянию на 17 сентября в нем числилось 877 человек). В середине сентября общая численность людей в бригаде составляла 5147 человек. А по состоянию на 7 октября — 3926 человек, 5 и 6 октября бригада получила 537 человек пополнения, но из ее состава 4 октября выводится кавалерийский полк (17 сентября в нем числилось 512 человек), который направляется в Псков в распоряжение 10-й стрелковой дивизии. Личный состав бригады с 17 по 27 сентября сократился в результате боевых действий почти на 1250 человек[87]. Из 90 коммунистов 1-го полка в строю осталось только 60. Таких больших потерь до двинских боев у эстонских красных стрелков раньше не было. Многие командиры и стрелки, известные своей отвагой всей бригаде, погибли, и среди них В. Прей — мужественный командир 1-й артиллерийской батареи (уроженец деревни Валасте из-под Йыхви).

В приказе командира бригады 2 октября 1919 г. всем частям бригады «за героическую защиту Двинска 27-го сентября с. г. от липа службы» выносилась благодарность. Особо отмечалась отвага и самоотверженность 1-го батальона 5-го Эстонского полка при защите шоссейного моста и 1-го Эстонского полка при защите плавучего моста[88].

Я. Пальвадре в донесении от 3 октября Реввоенсовету 15-й армии и Реввоенсовету Западного фронта подчеркивал, что полки необходимо пополнить штыками, привести части в порядок, дать им отдохнуть, «и тогда опять можно ринуться в бой за Советскую власть, за III Интернационал»[89].

Но интересы обороны Советской страны диктовали свои требования. Отдыхать было некогда. Обстановка требовала самоотверженности от всех защитников революции, истинно сверхчеловеческих усилий. Над всей Советской страной нависла очередная новая грозная опасность.

В БОЯХ НА ЮЖНОМ ФРОНТЕ

Развертывание Эстонской бригады в дивизию

Бывший царский генерал А. Деникин в январе 1919 г. был провозглашен главнокомандующим «вооруженными силами юга России». Правительства Великобритании и других империалистических стран снабдили армию Деникина оружием, боеприпасами, снаряжением. Значительное количество военных грузов Деникин получил в начале 1919 г. со складов германской армии после ухода немцев из Закавказья. «А с февраля начался подвоз английского снабжения, — свидетельствует Деникин в своих «Очерках русской смуты». — Недостаток в боевом снабжении с тех пор мы испытывали редко. С марта по сентябрь 1919 г. мы получили от англичан 558 орудий. 12 танков, 1 685 522 снаряда и 160 миллионов руж. патронов. Санитарная часть улучшилась»[1]. 10 октября 1919 г., когда войска Деникина находились уже под Орлом, Черчилль телеграфировал Колчаку (в июне 1919 г. Деникин объявил о своем подчинении «верховному правителю» Колчаку): «Я рад сообщить Вам, что кабинет согласился на мою просьбу снова ассигновать 14,5 млн фунтов стерлингов на покупку снабжения и вооружения генералу Деникину. Британская миссия на юге России будет состоять из 2000 офицеров и сержантов»[2].

Красная же Армия терпела нужду в самом необходимом — в продовольствии (части переходили на довольствие за счет местных средств), обмундировании, обуви, а главное, в вооружении. Командующий Южным фронтом А. И. Егоров засвидетельствовал, что одна из дивизий фронта получила за две недели октября лишь 525 тыс. патронов (85 штук на стрелка, т. е. всего 6 штук на день)[3].

К началу 1919 г. Деникин сверг Советскую власть на Северном Кавказе. После длительных боев весной и летом 1919 г. занял Донбасс, Царицын, Харьков. Успех этот в значительной мере объяснялся тем, что в армии Деникина большую роль играла казачья конница — наиболее маневренный и боеспособный в тот период род войск. С самого

начала своего наступления на Южном фронте Деникин ввел в действие конные корпуса генералов Мамонтова, Покровского, Шатилова, конные группы генералов Яковлева, Голубинцева, Шкуро, Улагая, Науменко и др. Советское командование на первых порах смогло противопоставить им лишь конный корпус С. М. Буденного и некоторые части войсковой конницы. Конница белых весной 1919 г. почти в 3 раза превышала силы красных кавалеристов. 20 сентября деникинские войска заняли Курск, 6 октября — Воронеж, а еще через неделю — Орел. Серьезная угроза нависла над Тулой, снабжавшей Советскую Республику винтовками, пулеметами, патронами. Главное же направление удара было направлено на Москву.

Красная Армия вынуждена была вести боевые действия и на других фронтах. На Восточном фронте после неудач в начале сентября под Петропавловском советские войска начали отход за реку Тобол. 28 сентября Юденич двинул 2-й корпус Северо-Западной армии в отвлекающее наступление на участке фронта между Лугой и Псковом и 4 октября занял Струги Белые. Через четыре дня после захвата Воронежа Юденич направил свои основные силы из района Нарвы на Петроград. Белые войска овладели 12 октября Ямбургом, затем Красным Селом, Гатчиной, Детским Селом, Павловском и вышли к окраинам Петрограда. 1-й корпус армии Юденича готовился вступить в Петроград...

Правительство белой Эстонии отклонило предложение советского руководства о заключении мира (и тем самым признание независимости буржуазной республики Эстонии) и бросило свою 18-тысячную армию в наступление на Псков, Пыталово и Петроград. Все усиливающиеся настроения за выход Эстонии из антисоветской войны проникли и в армию. Солдаты неохотно шли в этот поход. Скрывая от народа истинные цели — реставрацию капитализма в России, белоэстонское командование продолжало под нажимом британского империализма участвовать в антисоветской войне.

Юденича и белоэстонцев поддерживала английская эскадра. Весь мир следил за исходом военных действий в Советской России. Реакционеры предрекали гибель Советской власти. Р. Лансинг, государственный секретарь США, в октябре 1919 г. заявил: «Теперь более вероятно, чем когда бы то ни было прежде, что большевистское правительство падет»[4].

«...Это был страшно тяжелый момент, — отметил В. И. Ленин 7 ноября 1919 г., — и в смысле материальном. и в смысле внешнеполитического и военного успеха противника»[5].

Во второй половине сентября ЦК РКП(б) принял решение об улучшении организации борьбы с Деникиным. 26 сентября Пленум ЦК РКП(б) постановил перебросить на Южный фронт с Северного фронта и петроградского участка Западного фронта максимально возможное количество войсковых частей, коммунистов. «Взятие Курска и движение врага на Орел, — писал В. И. Ленин 3 октября 1919 г., — ставят перед нами задачу: дать добавочные силы, чтобы отразить здесь неприятеля»[6].

Петроград, Москва, Владимир и другие города незамедлительно откликнулись на призыв Коммунистической партии, направив на Южный фронт прежде всего коммунистов. Москва за две недели октября отправила на фронт 13 600 человек. Усилился приток советских патриотов в партию. Только в Москве в эти дни партия пополнилась более чем 14 тыс. новых членов[7].

Из состава Западного фронта для противодействия наступлению Деникина на Орловско-Тульском направлении в район западнее Орла были переброшены Латышская и Эстонская дивизии, бригада червонных казаков В. М. Примакова, стрелковая бригада П. А. Павлова. Южный фронт был усилен конным корпусом С. М. Буденного.

Отдельная эстонская бригада после боев под Двинском находилась в резерве Западного фронта в районах станций Вишки и Рушоны. Туда приехали представители ЦК эстонских секций РКП(б). Они выступали с докладами и беседами, призывали красных стрелков готовиться к новым боям.

4 октября в имении Вишки в связи с первой годовщиной сформирования 2-го Эстонского полка состоялся его парад. Во время парада, как сообщил командир полка, «полку будет пожаловано Красное знамя (от ЦК эстонских секций РКП(б). — *В. М.*) и отличившимся товарищам выданы революционные награды...»[8].

2 октября стало известно о переброске Эстонской бригады на Южный фронт, а затем — 5 октября — Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики С. С. Каменев сообщил телеграммой решение Реввоенсовета Республики о развертывании бригады вновь в диви-

зию[9]. Это решение было встречено эстонскими стрелками с радостью.

Представитель Управления формирования Реввоенсовета Западного фронта, ознакомившись в Вишках с состоянием частей Отдельной эстонской стрелковой бригады (с 20 сентября она именовалась 1-й Отдельной стрелковой бригадой) накануне ее развертывания в дивизию, отметил в своем докладе: «Ввиду непрерывного пребывания с... 1918 г. на фронте в боевой обстановке и политической однородности командного состава (около 60% коммунистов) полевая и политическая подготовка частей бригады хороша... Управление Эстонской бригады и выступившие 2-й и 5-й полки (т. е. погрузившиеся 8 и 9 октября в эшелоны для отправки на Южный фронт. — *В. М.*) производят впечатление крепких частей с боевой и политической спайкой. Управление бригады, несмотря на неполный штат работников, с делом управления справляется. Полки имеют крепкие кадры, сносное снабжение, могут принять людские пополнения... Отдельная Эстонская стрелковая бригада... будет стойким основанием для дивизии, управление бригады сможет послужить ячейкой для сформирования управления дивизии». Наряду с этим отмечалось, что команды в полках (т. е. хозяйственные, санитарные команды, перевязочного отряда, продовольственного склада и т. п.) укомплектованы на 50—75%. «В командах исключительно старики, освобожденные от службы уроженцы Эстляндии, на 50% белобилетники, вовсе освобожденные (от службы в Красной Армии. — *В. М.*), но добровольно служащие». Кроме того, обмундирование и снаряжение сильно изношено, пришло в негодность, не хватает оружия[10].

Еще в Вишках начало прибывать пополнение, состоявшее в основном из лиц русской национальности; 5 и 6 октября прибыли четыре маршевые роты, по пути часть их личного состава отстала, до бригады доехали только 537 человек.

Как строевая, так и боевая и политическая подготовка пополнения оставляла желать лучшего, к тому же значительная часть пополнения в боях еще не участвовала. 9 октября прибыли еще 124 человека. В акте об их приеме было отмечено: «Люди без шинелей, обувь на всех плохая, бóльшая часть в лаптях»[11]. Пополнение продолжало прибывать. Командование надеялось, что прежний личный состав подразделений (в котором коммунистов было свыше

15%), имеющий хороший боевой опыт, поможет ему быстро сплотить дивизию*.

10 октября штаб бригады отбыл со станции Вишки. Через Режицу, Невель, Витебск, Смоленск и Брянск он прибыл на Южный фронт, на станцию Хотынец, расположенную в 50 км северо-восточнее города Орла, где и выгрузился 13 октября.

На Южный фронт были переброшены все подразделения Эстонской бригады вместе с их оснащением, за исключением кавалерийского полка (только 42-дюймовое орудие осталось в распоряжении 4-й дивизии Западного фронта)[12]. Официально приказом Главкома от 5 октября 1919 г. бригада была переименована в Эстонскую стрелковую дивизию. Этим же приказом ей придавался 86-й стрелковый полк и состоявшая в основном из путиловских рабочих 1-я Петроградская стрелковая бригада особого назначения (1-й полк Всевобуча)[13]. Эти полки были выделены из состава войск Западного фронта. Теперь на Южном фронте они подчинялись командованию Эстонской стрелковой дивизии.

В связи с тем что полки Эстонской дивизии, воевавшие до этого в составе Эстонской бригады, пополнились не за счет красноармейцев эстонской национальности, а за счет представителей других национальностей, а также то обстоятельство, что в дивизию влились два крупных русских полка общей численностью свыше 2600 человек, она утратила отныне свой национальный по личному составу характер и превратилась в интернациональное воинское формирование.

---

* С. И. Гусев, возглавлявший Военно-историческую комиссию по изучению опыта мировой и гражданской войн, в 1921 г. отмечал, что если в воинской части в период гражданской войны «было меньше 6% коммунистов (примерно), то часть оказывалась совершенно небоеспособной. В пределах между 6 и 12% она оказывалась более или менее боеспособной, но не вполне устойчивой, и только тогда, когда процент превышал 12, мы видели, что части становятся вполне боеспособными и устойчивыми. Отсюда вывод совершенно определенный: нужно довести число коммунистов в армии до 12%. Я бы сказал более, до 20%... по крайней мере 15% коммунистов» (*Гусев С. И* Гражданская война и Красная Армия: Сб. ст. М., 1958. С. 145—146, 169). Этот вывод подтверждается и другими командирами гражданской войны (*Поликарпов В. Д.* Добровольцы 1918 г.//Вопросы истории. 1983. № 2. С. 33—34). Принимая во внимание данные наблюдения, части Эстонской бригады, составившие костяк дивизии, следует отнести к числу ударных.

На первых порах красноармейцы неэстонской национальности, повествует один из ротных командиров — М. Ребане, «как бы чуждались нас, потому что наши воины говорили на незнакомом им языке, а командиры отделений, взводов и рот владели русским языком довольно плохо. Только единицы из пополнения знали до этого кое-что об эстонцах и Эстонии. Но спустя несколько месяцев они так свыклись с нами, что когда у них спрашивали, из какой они части, то обычно отвечали: «Мы — эстонцы»[14]. В дивизии установилось подлинно боевое интернациональное содружество.

Численный состав Эстонской дивизии по состоянию на 16 октября 1919 г. приводится в таблице.

Сосредоточение эстонских частей на Южном фронте, в районе станций Ординская и Хотинец, завершилось 16 октября. За несколько дней до этого в район расположения эстонских частей были переброшены также 86-й

Численный состав Эстонской дивизии по состоянию на 16 октября 1919 г. *

Наименование частей Эстонской дивизии	Всего людей	Штыков	Сабель	Комсостав	Пулеметов	Автоматов	Лошадей	Орудий
1-й Эст. полк	891	423	22	51	3	4	162	—
2-й Эст. полк	954	450	37	45	9	2	189	—
3-й Эст. полк	726	440	19	43	6	—	123	—
5-й Эст. полк	896	434	36	37	12	3	267	—
1-й стр. полк	1695	1038	—	52	22	—	77	—
86-й стр. полк	939	462	—	41	12	1	76	—
1-я Эст. батарея	200	—	—	6	1	—	70	4
2-я Эст. батарея	178	—	—	6	1	1	82	4
3-я Эст. батарея	171	—	—	7	1	—	79	3
Отд. рота связи	270	—	—	6	—	—	39	—
Отд. саперная рота	115	—	—	6	—	—	20	—
Штаб дивизии, комендантская команда, команда по сбору оружия	156	99	—	12	1	1	42	—
Всего...	7191	3346	114	312	68	12	1226	11

* ЦГАСА, ф 1656, оп 1, д. 55, л. 8, 8 об По данным А И. Егорова, приведенным в его книге «Разгром Деникина» (1919. С 144), на 19 октября в Эстонской дивизии числилось 3247 штыков, 70 сабель, 11 орудий. См также: Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб док.: В 4 т. Т IV. С. 72.

полк и 1-й стрелковый полк 1-й Петроградской дивизии. (С 6 ноября 1919 г. они были включены в состав Эстонской дивизии, при этом 1-й Петроградский полк был переименован в 4-й стрелковый полк, а 86-й — в 6-й стрелковый полк.) Эстонские полки продолжали получать пополнение.

Начальником Эстонской стрелковой дивизии двухбригадного состава был назначен Я. Пальвадре, начальником штаба — И. Лехт. Комиссарами дивизии были А. Рейметс и И. Тамм. Начальником политотдела назначен И. Хансинг, начальником артиллерии — Х. Тедер, 1-й бригадой командовал Н. Риухкранд (он покинул партию левых эсеров после их мятежа в июле 1918 г.), 2-й — А. Пыльд. Командиром 1-го Эстонского стрелкового полка назначается В. Пусс, комиссаром — А. Муда. 2-й полк возглавил И. Эверт (уроженец Пярнумааского уезда; в старой армии он командовал взводом; член партии большевиков с 1919 г.), а комиссаром стал Р. Нелло. 3-м полком продолжал командовать А. Лилликас, комиссаром полка был И. Травников. 5-й полк возглавили Я. Грюнер и М. Куульбах. 86-м полком командовал В. Федюхин, комиссаром был М. Шапиро, 1-й Петроградский стрелковый полк возглавляли командир Л. Корман и комиссар Архипов. Эстонскими легкими артеллерийскими батареями командовали П. Леэвальд, Я. Шульценберг и А. Ломбак. Корреспондентом Эстонской дивизии назначается пролетарский писатель В. Бук.

В состав дивизии входили также отдел снабжения, батальон связи, саперный батальон, полевая хлебопекарня, полевое казначейство, полевой контроль, санитарный и ветеринарные отделы, полевой госпиталь, политический отдел и некоторые другие вспомогательные службы и команды. Функционировали командные курсы и школа подготовки младших командиров.

Политработники, коммунисты, командиры, готовя дивизию к наступательным боям, вели среди личного состава широкую политико-воспитательную работу. Им помогали представители ЦК эстонских секций РКП(б) Я. Икмельт, Я. Мяги, Г. Тейтер. В те дни в частях не было случаев дезертирства, а также серьезных нарушений воинской дисциплины.

Уроженцев Эстонии озабочивало отсутствие лесистой местности. До этого им не приходилось воевать на открытых степных просторах, где трудно было укрыться. «Здесь ни в коем случае нельзя отступать, иначе повиснем на

штыках белых, как салака на вертеле. Здесь нужно только наступать» — таков был единодушный вывод. Продвижение по осенним дорогам затрудняла непролазная грязь — чернозем под ногами сразу же превращался в вязкое месиво. «Здесь, — ворчливо шутили красные стрелки, — как на дне ада, где черт расплескал смолу».

Участие в боях за освобождение Орла

Рано утром 16 октября Эстонская стрелковая дивизия заняла боевые позиции. Она была готова к выступлению, хотя ее формирование еще продолжалось.

Командующий фронтом А. И. Егоров отмечал, что на центральном направлении Южного фронта — Дмитровском и Орловском — противник располагал наибольшим количеством войск, стянув сюда свои лучшие дивизии — Дроздовскую и Корниловскую.

В ходе Орловско-Кромской операции командование Южного фронта возложило задачу нанесения главного удара в районе Орла, занятого деникинцами 13 октября, на 14-ю армию (командарм И. П. Уборевич). В состав этой армии вошла и Эстонская дивизия. В приказе, отданном 17 октября А. И. Егоровым командованию 14-й и 13-й армий (ею командовал А. И. Геккер), говорилось:

«1. Противник, продолжая нажим на Новосильском направлении, занял Новосиль (оставлен 17 октября, но 19 октября вновь освобожден советскими войсками. — *В. М.*) и одновременно упорно атакует район Ельца.

2. Мой резерв — Эстонскую дивизию — с получением сего передаю в подчинение командарма 14. Приказываю:

а) командиру 14 сосредоточенными силами Эстонской дивизии нанести стремительный удар на Орел и занять таковой;

б) командиру 13, упорно задерживая продвижение противника на север от Новосиля и выполняя на левом фланге поставленную задачу по овладению г. Ливны, частям правого фланга действовать в тесной связи с Эстонской дивизией, которая развернулась на линии Вербник — Мощеное (первый пункт в 15 верстах к юго-западу и второй — в 10 верстах к северо-востоку от ст. Хотинец)»[15].

В тот же день И. П. Уборевич сообщил командованию Южного фронта: «Эстдивизия перешла в мое распоряжение. Приказано сосредоточенными силами Эстонской дивизии нанести решительный удар на Орел и занять таковой. Во исполнение чего начдиву Эстонской приказываю: к вечеру 17 октября сосредоточиться на линии Сергиев-

ское, станция Нарышкино, Богдановка, Ужаренка. 18 октября установить тесную связь с частями ударной группы Латдивизии и правым флангом тринадцатой армии продолжать сосредоточенными силами стремительное наступление с целью занять город Орел не позднее 19 октября. В распоряжение начдива Эстонской придаю двадцать второй автобронеотряд и бронепоезд «Ермак Тимофеевич», каковым прибыть на станцию Нарышкино не позднее 24 часов 17 октября»[16].

17 октября Эстонская дивизия, участвовавшая в наступлении ударной группы войск Южного фронта, продвигалась вдоль линии железной дороги в направлении на Орел. Помощник начальника штаба по оперативной части дивизии Э. Тейтер вспоминал, что план наступления был разработан совместно с командованием Русской (9-й дивизии 13-й армии) и Латышской дивизий. Задачей Эстонской дивизии было наступать прямо в лоб на Орел. Латышская и 9-я дивизии получили задание охватить город с флангов[17]. 18 октября Эстонская дивизия, поддерживая связь с соседями справа и слева, заняла рубежи: постоялый двор Ужаренский, деревню Богдановка и станцию Нарышкино, деревни Солнцево и Сергиевское, Мельники.

Командир бригады 9-й стрелковой дивизии П. А. Смирнов в своих воспоминаниях с гордостью отмечал, что наступление красных войск ошеломило корниловцев. «Пленные говорили откровенно, что они никак не ожидали нашего наступления. Им твердили, что красные теперь разбиты, деморализованы и не могут оказать сопротивления»[18].

После взятия станции Солнцево, повествует командир роты М. Ребане, советские воины увидели развешанные повсюду плакаты, на которых были изображены красноармейцы в форме эстонских красных стрелков с выпученными глазами, страшными усами и с ножами в зубах, шагающие по трупам русских священнослужителей и детей. Надпись на плакатах гласила: «Берегитесь, идут эстонцы, наймиты красных!» Своим поведением, заключает М. Ребане, эстонские воины рассеяли страх местного населения[19].

Высшее командование перенесло срок общего наступления советских войск на Орел на одни сутки. Оно началось в 3 часа 20 октября. Советские войска охватили Орел с юго-запада, запада и северо-востока. Эстонская дивизия заняла с боями станцию и деревню Образцово, что распо-

лагалась в 6 км западнее города. Ее наступление поддерживали автобронеотряд и бронепоезд. На окраине города противник еще пытался оказывать сопротивление, но, опасаясь окружения, отступил. Утром 20 октября советские войска ворвались в город.

В соответствующем донесении штаба Эстонской дивизии в штаб 14-й армии сообщалось: «...ровно в 10 час. 30 мин. первым вошел в город 5-й Эстонский полк, вслед за ним вошли в город латышские части. Белые в панике отступают...» В тот же день командование Эстонской дивизии отправило телеграмму в Петроград Центральному Комитету эстонских секций РКП(б) с сообщением об освобождении Орла[20].

За эту операцию личный состав 5-го Эстонского полка приказом Реввоенсовета 14-й армии получил денежное вознаграждение (по месячному окладу). Я. Пальвадре был назначен военным комендантом Орла. (По традиции русской армии комендантом назначался генерал, первым вступивший в город.) Штаб Эстонской дивизии разместился в гостинице «Белгородская».

В приказе А. И. Егорова отмечалось: «Нами взят Орел. Операции конного корпуса Буденного и 8-й армии в районе Воронежа развиваются с полным успехом». Он отдал приказ командарму 14-й армии в кратчайший срок при содействии ударной группы Латышской дивизии ликвидировать силы противника в районе Дмитровска, а затем нанести стремительный удар на Фатеж — Курск. Были определены задачи и других армий фронта. 21 октября А. И. Егоров приказал: «Эстдивизию оставляю в моем резерве в Орле; начдиву Эстонской принять меры по обеспечению последнего (т. е. Орла. — *В. М.*) с юга и с юго-востока...»[21] Позднее он писал, что значение «этого города было огромно: его падение по всей стране отозвалось зловещим гулом, точно так же как обратное занятие его красными породило уверенность в успехе борьбы»[22].

Начальник Эстонской стрелковой дивизии Я. Пальвадре просил 22 октября у командования Южного фронта дать ему по меньшей мере неделю на то, чтобы «доформировать штаты бригад, артиллерию, обуть и одеть полки...», просил пополнения пулеметами, снаряжением, обмундированием, лошадьми[23].

Но обстановка, складывавшаяся в то время на фронте, требовала незамедлительного участия дивизии в боевых действиях против деникинцев, стремившихся к реваншу.

Член реввоенсовета 14-й армии Г. К. Орджоникидзе так охарактеризовал 25 октября положение на фронте: «Бои под Кромами и Орлом принимают ожесточенный характер, противник стянул сюда свои лучшие силы. Ночью мы оставили Кромы...» В тот же день командование Южного фронта в директиве армиям фронта писало: «Противник подтянул в район Кром, Орла новые части и упорно стремится овладеть указанными пунктами... Приказываю:

1. Начдиву Эстонской поступить в распоряжение командарма 13...»[24] 13-я армия должна была разбить орловскую группировку противника.

Эстонская дивизия 25 октября получила приказ «перейти в решительное наступление на участке реки Рыбница — железная дорога включительно, имея целью отбросить живую силу противника в юго-восточном направлении...»[25].

Начальник оперативного отдела штаба Эстонской дивизии Э. Тейтер писал позднее, что у населенного пункта Михайловка (примерно в 8 км южнее Орла) Деникин пытался еще раз спасти свое положение, бросив туда дополнительно примерно батальон офицеров с заданием прорвать линию красной обороны. «Бой был кровавым и ожесточенным. Наш 4-й полк, состоявший в основном из рабочих фабрик и заводов Петрограда, хотя и пострадал сильно, но вышел победителем... Достижению победы в этом бою блестяще способствовала наша артиллерия под общим командованием товарища Тедера... Корниловская дивизия потеряла тем самым свою ударную группу... После боя у Михайловки Деникин приказал во что бы то ни стало вернуть Орел и даже направил радиотелеграмму за границу о его занятии, но этот город белым увидеть больше не пришлось»[26].

С 25 октября по 9 ноября Эстонской дивизии были подчинены 2-я бригада 9-й дивизии (76, 77, 78-й полки), а также 1-й Отдельный кавалерийский дивизион, 1-й кавалерийский полк и две батареи легкой артиллерии. Всего же в дивизии вместе с подчиненными ей частями на 25 октября насчитывалось 11 432 единицы боевого состава (в том числе 572 человека командного состава, 5822 штыка в ротах и 2122 в командах, 609 сабель, 673 бойца-артиллериста). На вооружении имелось 9925 винтовок, 114 пулеметов, 11 автоматов и 19 трехдюймовых орудий[27].

Под Орлом под руководством начальника Эстонской дивизии создаются три боевых участка. В течение 26 ок-

тября здесь производится необходимая перегруппировка сил. С утра 27-го начинается планомерное, продуманное, организованное наступление на станцию Стишь. После длительного и упорного боя корниловские части в беспорядке и с большими потерями отступили к станции Становой Колодезь и пытались закрепиться здесь[28]. Продолжая наступление, части Эстонской дивизии заняли Становой Колодезь и в результате трехдневных боев отбросили противника на 35—40 км от Орла.

В приказе армиям фронта 2 ноября говорилось:

«Противник, отходя под давлением наших армий во всем районе к востоку от железной дороги Орел — Курск, по-видимому, принимает меры к уничтожению живой силы 14-й армии и тем самым ликвидации ее нажима путем сосредоточения лучших своих частей к западу от указанной линии железной дороги, где части 14-й армии и Эстдивизия ведут упорные бои»[29]. Командующий А. И. Егоров делает все, чтобы облегчить положение этих частей. В своей книге он пишет: «4 ноября Эстонская дивизия после перегруппировок перешла в наступление и 5-го заняла Змиевку, 6-го — ст. Ново-Полелово, 7-го — Малоархангельск и 9-го продвинулась еще на 15 км к югу. Такой темп указывал на начавшееся преследование и бегство белых». У станции Змиевка красные артиллеристы разбили и свалили с рельсов бронепоезд противника[30].

Дороги сделались труднопроходимыми. Продвижению вперед, особенно артиллерии, препятствовала овражистая местность. Подковы у лошадей стерлись так, что те падали во время гололедицы. Красные стрелки и даже командный состав не имели зимнего обмундирования, обувь износилась. А погода была суровая — стояли 20—30-градусные морозы, мели вьюги. Ощущалась острая нужда в ружейном масле. Состояние железной дороги Я. Пальвадре охарактеризовал как «катастрофическое», «движение чуть ли не приостановлено, нет топлива». Это затрудняло эвакуацию раненых, подвоз снарядов, патронов, продовольствия. Начальник дивизии потребовал подчинения ему железной дороги со всей администрацией на участке фронта дивизии, выделения в его распоряжение головного ремонтного поезда. Я. Пальвадре мобилизовал население окрестных деревень на расчистку железной дороги от снега. 2-я бригада Эстонской дивизии под командованием А. Пыльда в промежутках между боями восстанавливала железную дорогу Орел — Курск. 6 ноября начдив Я. Пальвадре и воен-

ком И. Тамм докладывали командующему 13-й армией, что «дивизия, отражая контратаки противника, упорно продвигается вперед»[31]. 12 ноября три эстонских полка (2-й, 3-й, 4-й), преодолевая сопротивление арьергардов противника, повели наступление в направлении Ольховатка — Становое — Богоявленское (Большое Анненково), чтобы ударить в тыл белым полкам, штурмовавшим левый фланг Латышской дивизии в направлении Глебов — Фатеж. Эстонские стрелки, нанеся серьезный урон 1-му и 2-му корниловским полкам, помогли ликвидировать угрозу на левом фланге Латышской дивизии. 13 ноября начальник штаба и военком Эстонской дивизии телеграфировали командованию 13-й армии: «...4-й Эстполк после 10-часового упорного боя, во время которого противник 2 раза переходил в контрнаступление с намерением обойти левый фланг полка, занял дер. Становое. Наступление продолжается. По сообщению начальника штаба 1-ой Эстонской бригады частями 5-го и 6-го Эстполков в 9 ч. 15 м. заняты деревни Тифенское и Нижнее Брусовое, взяты вооруженные пленные и перебежчики, продолжается наступление на деревню Новое Спасское. Левый фланг 5-го Эстполка прошел дер. Воробьевка. В 9 ч. 45 м. при поддержке сильного артиллерийского огня частями 1-го Эстполка занят укрепленный район дер. Смородинное, продолжается наступление на деревни Матвеевка и Гнилушки... 5-м Эстполком заняты деревни Воробьевка и Горяеново, полк продолжает наступление на Коронино и на Спасское»[32]. 13 ноября передовые части Эстонской дивизии стояли уже в 15 км от Курска.

В ночь с 26 на 27 октября войска 14-й армии силами Латышской дивизии освободили от белых Кромы. Кромская группа противника была разгромлена, вражеский фронт прорван. Возможность захвата противником Орла отпала. Решающую роль при завершении Орловско-Кромской операции сыграла ударная группа Южного фронта, ядро которой составляла Латышская дивизия. Большая роль выпала 8-й кавалерийской дивизии В. М. Примакова, которая 3 ноября вошла в прорыв юго-восточнее Дмитровска и, действуя в тылу врага, 4 ноября овладела Понырями, 5 ноября — Фатежем, а 15 ноября — Льговом, что дезорганизовало оборону противника. В ходе Орловско-Кромской операции белой Добровольческой армии было нанесено крупное поражение. Красная Армия окончательно захватила инициативу[33].

Проведению Орловско-Кромской операции содействовало успешное развитие Воронежско-Касторненской операции, в ходе которой левое крыло Южного фронта взаимодействовало с 9-й армией Юго-Восточного фронта. Конный корпус С. М. Буденного и войска 8-й армии 24 октября заняли Воронеж, затем форсировали Дон и в середине ноября совместно с 13-й армией овладели станцией Касторная. Донская и Добровольческая белые армии рассечены и отброшены в разных направлениях. В этих боях были разгромлены основные силы белогвардейской конницы. Победы в Орловско-Кромской и Воронежско-Касторненской операциях означали коренной перелом в борьбе с деникинскими войсками, начало перелома во всей гражданской войне.

«Победа под Орлом и Воронежем, где преследование неприятеля продолжается, — говорил 24 октября 1919 г. В. И. Ленин, выступая перед слушателями Свердловского университета, отправлявшимися на фронт, — показала, что и здесь, как и под Петроградом, перелом наступил. Но нам надо, чтобы наше наступление из мелкого и частичного было превращено в массовое, огромное, доводящее победу до конца» [34].

Взятие Курска

Освобождение Курска возлагалось на Эстонскую дивизию. 9-й девизии было приказано обойти город с востока, Латышской дивизии — с запада, а затем совместно с эстонскими красными стрелками наступать в Белгородском направлении.

К вечеру 17 ноября части Эстонской дивизии двумя колоннами подошли к Курску. Белые войска, поддерживаемые огнем бронепоездов и танками, упорно оборонялись. Сильный огонь красной артиллерии заставил их отступить в город и готовиться к эвакуации. На исходе 17 ноября 9-й стрелковой дивизии передается указание командующего 13-й армией Геккера всемерно, с полной энергией поддерживать атаку Эстонской дивизии, направленной на железную дорогу Курск — Белгород[35].

Советские войска окружили Курск с трех сторон, и в ночь на 18 ноября части Эстонской и 9-й стрелковой дивизии, а также конники В. М. Примакова ворвались в город. Вслед за авангардом вошел и духовой оркестр одного из эстонских полков. Красный стрелок И. Раба впоследствии вспоминал: «Оркестр впереди, адъютант в сопровождении 25—30 красноармейцев с полковым знаменем за ним, охранение сбоку, вошли в Курск. Под звуки марша «Смело,

товарищи, в ногу!» прошли по главной улице города гордой поступью. Рабочие махали нам красными платками»[36]. Немного потребовалось времени, отметил позднее командир роты М. Ребане, чтобы окончательно очистить город от белых, многие из которых были пленены в ресторанах и кабаках[37].

Личный состав Эстонской дивизии, участвовавшей в освобождении Курска, получил награду (денежное вознаграждение — по месячному окладу). 5-й Эстонский полк остался в Курске для несения гарнизонной службы. До 29 ноября Я. Пальвадре выполнял обязанности коменданта города. Начальник штаба дивизии И. Лехт и военком И. Тамм 19 ноября телеграфировали в штаб 14-й армии: «Части Эстдивизии прошли город Курск, но ввиду быстрого продвижения нельзя установить, на какой линии они сейчас находятся...»[38]

Красным войскам достались богатые трофеи: около 800 железнодорожных вагонов и платформ, 30 паровозов, бронепоезд, эшелон с английскими танками, обмундированием и снаряжением, орудия, пулеметы, боеприпасы. Было пленено около 2 тыс. деникинцев, главным образом в эшелонах на железной дороге.

Участник освобождения Курска А. Фельдман писал через 45 лет: «Курск принял нас так тепло, как встречают братьев. Население города вышло на улицы... Эта встреча еще раз подтвердила, что наши усилия не были напрасными. Народ ждал нас. Нас приветствовали как силу, принесшую новую, свободную жизнь. Это была лучшая благодарность за все пережитое, за все перенесенные трудности»[39].

В боях за Белгород

Красная Армия продолжала вести наступательные бои. На второй день после взятия Курска Эстонской дивизии были приданы авиационный отряд и бронепоезд «Мститель Углекоп». Однако Эстонская дивизия оказалась во второй линии наступлений, так как фланги Латышской дивизии и 9-й дивизии сомкнулись. Вне боевой линии находилась и вся 7-я дивизия — Главком приказал 22 ноября перебросить Эстонскую дивизию на главное направление. Через два дня он вновь подтвердил, что обстановка требует энергичного продвижения Эстонской дивизии[40].

25 ноября 5-й Эстонский полк, несший гарнизонную службу в Курске, присоединился к дивизии. 26 ноября в Эстонскую дивизию влилась (во исполнение приказа ко-

мандующего Южным фронтом от 9 ноября) Отдельная стрелковая бригада П. А. Павлова, действовавшая ранее в составе ударной группы 14-й армии. В это время бригада насчитывала 3313 человек, в том числе 2037 штыков, 90 сабель и 201 лицо командного состава, имела 9 орудий и 34 пулемета. В составе Эстонской дивизии она стала именоваться 3-й бригадой (начальник штаба Н. Аралов, комиссар Э. Трей), имевшей три полка — 7, 8 и 9-й (прежние Сводный, Пластунский и Киевский). Всего в Эстонской дивизии теперь насчитывалось около 10 500 человек, имелось 17 легких орудий и 107 пулеметов[41]. Дивизия была усилена еще бронепоездами «Смерть директории», «Советская Украина» и «Грозный мститель за павших коммунаров».

Эстонская и Латышская дивизии получили боевое задание — совместными усилиями овладеть Белгородом. Латышская дивизия продвигалась на Томаровку. Эстонская шла левее ее, ведя с 28 ноября активные боевые действия. 5 декабря ее части, ведя успешные бои, сосредоточились под Белгородом. Штаб дивизии разместился на станции Ржава. 6 декабря рано утром все бригады дивизии перешли в наступление и вели упорные бои до самого вечера.

Около 18 часов 7 декабря части 3-й бригады Эстонской дивизии и 7-й Латышский полк первыми ворвались в Белгород. Были взяты пленные, трофеи. В овраге недалеко от города красные воины обнаружили около 150 трупов, среди них старики и женщины. Это были жертвы деникинских расправ. Красные воины гневно клялись ускорить разгром палачей народа.

Через четыре дня после взятия Белгорода латышские стрелки и 8-я кавалерийская дивизия освободила Харьков.

После этого заметно участились случаи сдачи белых солдат в плен, их переход на сторону красных войск. К тому же большевистское подполье и растущее партизанское движение подрывали тылы деникинцев. Крестьяне-середняки, познавшие воочию белый разбой и насилие, решительно повернули на сторону Советской власти. Ветераны дивизии единодушно отмечают в своих воспоминаниях радушный прием трудовым крестьянством Украины Красной Армии. Источники пополнения контрреволюционных Добровольческой, Донской и Кубанской казачьих армий, на которые опиралась военная диктатура Деникина, отстаивавшая интересы помещиков, финансовой и промыш-

ленной буржуазии, иссякали. «Казнокрадство, хищения, взяточничество стали явлениями обычными, — плакался впоследствии Деникин. — Традиции беззакония пронизывали народную жизнь.

В городах шел разврат, разгул, пьянство и кутежи, в которые очертя голову бросалось офицерство, приезжавшее с фронта»[42]. Белая армия разлагалась.

Красная Армия мужала, росла, крепла, обогащалась опытом ведения войны. Но победы доставались нелегко. Красных воинов косили не только антантовские пушки и сабли белых конников, но и холод и болезни.

Командир 1-й Эстонской бригады Н. Риухкранд в донесении от 25 декабря 1919 г. в политотдел Эстонской дивизии писал, что в боях под Курском до 50% командного состава обморозилось, что много людей выбыло из строя в боях под Белгородом. Нужно отметить, продолжал он, что командный состав за малочисленностью работает свыше своих сил и если полки при всех тяготах и нуждах все же представляют серьезную силу, то в этом большая заслуга комсостава и политработников[43].

Немалые опустошения в войсках были вызваны эпидемией тифа. Народный комиссар здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко на VII Всероссийском съезде Советов по этому поводу говорил: «В октябре (1919 г. — *В. М.*), когда начался массовый переход белых войск на нашу сторону... было зарегистрировано на фронтах до 11 тысяч сыпнотифозных и почти до 13 тысяч зараженных возвратным тифом».

Тиф косил людей на всех фронтах. Из Омска поступила телеграмма: «Белые оставили целые амбары, наполненные трупами умерших от сыпняка; окружающее население буквально заражено: зараза проникает в части Красной Армии». Харьков очищается от белых. Тотчас поступает телеграмма от начальника санитарной части тов. Щербакова: «Белые оставили страшное развитие эпидемии среди населения, сыпняк распространяется в Красной Армии». Так на всех фронтах тяжелое наследие белых грозило подорвать оборонную и строительную мощь Советского государства[44].

В Эстонской дивизии особенно усугубилось заражение тифом сразу же после взятия Орла. Главный врач отряда первой помощи одной из бригад дивизии Акимихин вспоминал: «Участились случаи заболевания сыпным тифом. И персонал отряда подвергался опасности заражения, так

как медицинские работники и повозочные находились в постоянном контакте с больными, а на освобожденной территории они все чаще соприкасались с больными из среды гражданского населения. Белогвардейцы, в чьих войсках было очень много тифозных, оставляли их при отступлении в деревнях, и они тем самым заражали местное население... И так как в то время еще не практиковалось размещение войск за пределами селений в блиндажах и землянках, то, естественно, гражданское население заражало и военнослужащих... Большой недостаток ощущался в дезинфекционных средствах... Было время, когда мы не могли снабдить всех больных даже чистым бельем. Такое положение не содействовало нашей борьбе с растущей эпидемией»[45]. Свирепствовала также и «испанка» — особо тяжелая форма гриппа, охватившая в 1918—1919 гг. многие страны мира. Были и жертвы оспы. Комбриг Н. Риухкранд во второй половине декабря отмечал, что во 2-м Эстонском полку в результате заболевания тифом и «испанкой» выбывало до 15 человек в сутки.

Чем дальше на юг, тем лучше воинские части снабжались продовольствием. Снабжение на Западном фронте, где эстонские красные стрелки воевали до октября 1919 г., было крайне скудным. Показательны записи, сделанные в журнале военных действий Отдельной эстонской бригады на Западном фронте. Неожиданна следующая запись 30 июля 1919 г.: «Выдавали от 1½ до 2 фунтов белого хлеба, к обеду суп, а к вечеру что-то вроде каши». На следующий день той же рукой выведено: «Ввиду ограниченного количества хлебных запасов в Республике постановлено с 1/VIII выдавать хлеба печеного ¾ фунта во всех тыловых учреждениях до штаба бригады включительно впредь до нового урожая». 6 сентября записано: «Выдача хлеба в тыловых учреждениях вновь увеличена до 1½ фунта с 1/IX»[46].

На Южном фронте комбриг Н. Риухкранд в декабре 1919 г. отметил, что продовольствием части пока снабжаются удовлетворительно благодаря продовольственным комитетам, которые, совершенствуя свою деятельность, работают продуктивно[47].

Красные стрелки истосковались по бане, но их было мало, да и пользоваться баней не было времени. Бывший командир батареи А. Ломбак приводит в своих мемуарах слова одного из стрелков, обращенные к командиру: «Все ребята готовы... довольствоваться черным хлебом и грызть

сухую воблу, только бы еженедельно ходить в баню, как мы ходили в районах Пскова и Двинска»[48].

Эстонская дивизия, выражая чувство сердечной братской солидарности с пролетариатом красного Петрограда, собрала в начале 1920 г. для его голодающего населения 10 тыс. пудов зерна, отчислив свой недельный паек и проведя закупки хлеба у населения[49]. «Эстонские стрелки, — говорилось в сопроводительном письме Петроградскому Совету, — никогда не забудут тот радушный прием, который им был оказан красным Петроградом, когда они были вынуждены отойти под натиском немецких карательных отрядов. Этим даром Эстонская дивизия еще раз выражает свое сочувствие Петрограду и укрепляет узы братства между рабочими Петрограда и стрелками дивизии»[50].

Командование дивизии решительно пресекало самогоноварение. Начальник дивизии требовал, чтобы при вступлении частей дивизии в тот или иной населенный пункт командир части разъяснял на сходе землепашцев вред, наносимый самогоноварением республике, запрещал приказом производство самогона, а за его нарушение привлекал виновных к ответственности по всей строгости революционных законов[51]. Командир 1-й бригады 26 декабря доложил командованию Эстонской дивизии, что в селе Ново-Белгород (Печенеги) бригадой выведено из строя 14 самогонных аппаратов, производивших до пяти ведер самогонки в сутки. «Всех, как пьющих, так и спаивающих, — говорилось в одном из приказов командира 1-й бригады, — считаю контрреволюционерами и всех замеченных в этом приказываю арестовывать и направлять в Ревтрибунал для получения заслуженного наказания»[52].

После освобождения Белгорода Эстонская дивизия, ведя наступательные бои, за две недели прошла 170 км. Потери в боях заметно сократились. 11 декабря у белых были отвоеваны Валуйки, 22 декабря — город Изюм. На следующий день после занятия Изюма дивизия приняла около 900 человек пополнения. Общая численность личного состава дивизии 24 декабря составляла 10 438 человек[53]. В последующие дни войны дивизия участвовала в очищении от белых Барвенкова, Краматорска, Дружковки, Бахмута (Артемовска), Юзовки (Донецка), а в начале января — Бердянска. 7 января части 3-й бригады дивизии вслед за кавалеристами 42-й стрелковой дивизии (левого соседа Эстонской дивизии) вошли в Мариуполь (Жданов), где захватили богатые трофеи. (Военком дивизии А. Рей-

метс засвидетельствовал в своих воспоминаниях, что английскому премьер-министру Ллойд Джорджу была направлена «благодарственная» телеграмма за такие щедрые поставки[54].) Продовольствие, обнаруженное на военных складах Мариуполя, воины отправили в Москву и Петроград.

7 января 1919 г. начальник Эстонской дивизии телеграфировал в Смольный: «Эстдивизия с берега советского Азовского моря приветствует героический пролетариат столицы всемирной революции — красного Питера, ибо полагает, что защитникам красного Питера самый дорогой подарок — освобождение пролетариата Украины и Донецкого бассейна. Движемся неудержимо вперед, ибо нет препятствий для вооруженного пролетариата. Мариуполь, 7 января 1920 года. Начдивэст Я. Пальвадре»[55].

В тот же день Я. Пальвадре направил телеграмму командующему 13-й армией, в которой ходатайствовал о предоставлении частям дивизии отдыха не менее чем на один месяц[56].

Реввоенсовет Южного фронта 10 января 1920 г. отметил: «Основные задачи, данные войскам Южного фронта, — разгром Добровольческой армии противника, овладение Донецким бассейном и главным очагом южной контрреволюции — Ростовом — выполнены.

Наступая зимой по глубокому снегу и в непогоду, перенося лишения, доблестные войска фронта за два с половиной месяца прошли с упорными боями от линии Орла до берегов Азовского моря свыше 700 верст.

Добровольческая армия противника, подкрепленная конницей Мамонтова, Шкуро, Улагая, разбита...»[57] И командующий Юго-Западным фронтом А. И. Егоров в директиве от 9 января 1920 г., в частности, приказывает: «Эстонской дивизии перейти в резерв фронта и расположиться в районе Александровска»[58].

В конце декабря 1919 г. в Эстонскую дивизию по неоднократному ходатайству ее руководства вернулся кавалерийский полк. В свое время после боев под Двинском этот полк, сохранивший свою боеспособность, по приказу командующего 15-й армией А. И. Корка отбыл под Псков и вошел в оперативное подчинение начальника 10-й стрелковой дивизии 15-й армии. Наиболее успешной его операцией там был бросок из района станции Новоселье и Владимирского лагеря (севернее Пскова) в тыл противника и занятие в день второй годовщины Октября города Гдо-

ва. Это способствовало окончательному разгрому 15-й армией Лужской группировки войск Северо-Западной армии Юденича.

В день прибытия на Юго-Западный фронт в полку насчитывалось 688 человек, коней же было всего 240. Полком продолжал командовать А. Сорксепп, комиссаром был бывший заведующий политотделом Эстляндской дивизии П. Петерсон. Но многие прежние командиры эскадронов и начальники команд погибли в боях. В приказе командира дивизии от 1 января 1920 г. говорилось: «Объявляю всем товарищам красноармейцам и командному составу... благодарность за последние бои под Гдовом, где полк оказался на высоте своего призвания, разбивая при каждой встрече белогвардейские банды, забирая их в плен, и на плечах противника дошел до самой границы. Советское правительство не забудет своих верных защитников...»[59] Кавалеристы Эстонского полка Р. Аунер, Я. Лахти, Л. Мяэ, Ю. Отмус, Ю. Экман приказом Реввоенсовета Республики от 28 января 1920 г. удостоились награждения орденом Красного Знамени.

Полк остался в распоряжении командования 13-й армии, нес охрану штаба армии и подавлял банды Махно. В ликвидации махновщины отличились все три бригады Эстонской дивизии.

Участие в разгроме махновцев

Анархист Н. Махно, отрицавший любые формы государственной власти, маскировал широко практикуемый им политический бандитизм «демократическим» лозунгом «вольных Советов». Опираясь на зажиточное крестьянство Левобережной Украины, он стянул под свое знамя (череп на черном фоне достаточно ясно свидетельствовал о безыдейности и бандитском характере махновщины) значительные силы, которые то росли, то, разбегаясь по домам, таяли. В банду стекались кулаки, которые увлекали за собой и политически незрелых середняков, дезертиры, бывшие солдаты белых армий, уголовники, авантюристы. В зависимости от военно-политической обстановки Махно выступал то против Советской власти, то против белогвардейцев. При вступлении Красной Армии в район действий махновцев часть из них влилась в Красную Армию. Но вскоре Махно поднял антисоветский мятеж. Махновцы дезорганизовывали тыл Красной Армии, грабили население, совершали погромы, нападали на железнодорожные станции и поезда, расстреливали советских и партийных

Начальник Эстонской стрелковой дивизии Я. Пальвадре (в центре), начальник артиллерии дивизии Х. Тедер (справа)

работников. Обстановка требовала ликвидации анархистского бандитизма и разбоя[60].

Разведка сообщила, что «батько» и его штаб расположились в своей «столице» Гуляй-Поле. В оперативном

приказе 13-й армии от 23 января 1920 г. была поставлена задача по ликвидации штаба и банд Махно. Охватить Гуляй-Поле с севера и востока поручалось 42-й дивизии, а Эстонской — с юга и запада.

Следуя в район Гуляй-Поля, Эстонская дивизия ликвидировала несколько отрядов махновцев, захватила пленных. Разгромить штаб Махно должны были 2-я и 3-я бригады дивизии. В Гуляй-Поле часть бандитов была захвачена в плен, а штабу и большому числу махновцев удалось скрыться. Верхом на лошадях и четырехколесных тачанках с установленными на них пулеметами они быстро передвигались, нередко маскируясь под местных крестьян и практикуя действия мелкими группами. Их ликвидация оказалась делом нелегким.

Главное командование 1 февраля дало указание о подготовке 3-й и Эстонской стрелковых дивизий для переброски на Кавказский фронт[61]. Уже на следующий день командующий войсками Юго-Западного фронта А. И. Егоров и член Реввоенсовета Л. П. Серебряков возражали против такого указания[62]. Аналогичную докладную записку направили Главкому члены Реввоенсовета Р. И. Берзин и И. В. Сталин[63]. 9 февраля Главком согласился оставить Эстонскую дивизию в составе Юго-Западного фронта[64].

В Харьковской области в районе Краснограда (прежде Константиноград), в 65 км юго-восточнее Полтавы, воздвигнут памятник на братской могиле эстонских красных стрелков, в которой покоится прах 99 эстонских бойцов из продотрядов, музыкальной команды, обоза и команды выздоравливающих. Эти почти безоружные люди были окружены махновцами и зарублены у деревни Верхняя-Ланная. На мраморном памятнике выбита надпись: «Тут поховані 99 червоноармійців-естонців які загинули в 1920 р. в борьбі з контрреволюційними бандами».

Эстонская дивизия вела боевые операции против махновцев на обширной территории в районе городов Орехов, Мелитополь, Александровск до 15 февраля 1920 г., после чего была передислоцирована на Перекопский перешеек.

В боях на подступах к Крыму

В руках белогвардейцев оставался еще Крым, куда в конце декабря 1919 — начале января 1920 г. под прикрытием судов Черноморского флота отошли войска средней группы Деникина. Сюда же корабли Антанты переправили из Новороссийска тех, кто уцелел от разгрома

Штаб Эстонской стрелковой дивизии в Мариуполе. Январь 1920 г. Сидят слева направо: начальник политотдела Я. Изак, комиссар штаба Э. Рипс, начальник штаба Э. Тейтер, начальник дивизии Я. Пальвадре, военком дивизии А. Рейметс, начальник отдела разведки Х. Кульдвере, командир батальона связи А. Нейман. Стоят: адъютант начальника дивизии Мыттус, помощник начальника оперативного отдела Римм, помощник начальника Я. Пыльдема, комендант дивизии Фрейберг, военком батальона связи А. Линдлом, командир 2-й бригады А. Пыльд

на Северном Кавказе. В Крым были переведены также остатки белых войск из Одесского района.

«Вооруженные силы Юга России» сформировали в Крыму так называемую Русскую армию. К лету 1920 г. она включала 30 тыс. человек. Ее главнокомандующим стал с 11 мая 1920 г. П. Врангель (соратники характеризовали его как генерала типа «moderne»). Среди них Врангель пользовался репутацией энергичного, смелого и решительного боевого начальника [65]. Армия Врангеля с помощью Антанты была оснащена пушками, танками, аэропланами лучше, чем все остальные армии, боровшиеся в России. Она готовилась к наступлению на Советскую Россию.

Советские войска предприняли первую попытку разгрома белогвардейцев, засевших в Крыму (ими командовал в то время генерал Я. Слащев) в январе 1920 г. Бои вела только 46-я дивизия 13-й армии. Но сил ее оказалось недостаточно, чтобы прорваться в Крым. Стремясь помешать

противнику укрепиться на Крымском перешейке и Чонгарском полуострове, командующий фронтом А. И. Егоров 13 февраля 1920 г. отдал приказ 13-й и 14-й армиям о создании ударной группы для наступления на Крымском направлении с целью форсировать Перекопский перешеек. В состав этой группы было приказано включить и Эстонскую дивизию, но без 2-й бригады, которой было поручено закончить подавление махновцев в районе Гуляй-Поля, а также без Эстонского кавалерийского полка. «При переброске Эстдивизии на фронт части ее, — говорилось в приказе, — не задерживаясь, должны очистить от махновщины весь район, непосредственно лежащий на пути их следования...»[66]

Во исполнение приказа командующий 13-й армией выделил Эстонскую, 46-ю стрелковую и 8-ю кавалерийскую дивизии. Из состава Эстонской дивизии в ударную группу были включены 1-я и 3-я бригады, которым было приказано сосредоточиться в районе Перекопа. В распоряжение начальника Эстонской дивизии были переданы дополнительно 138-я бригада 46-й дивизии и два дивизиона тяжелой артиллерии из состава Латышской и 3-й стрелковой дивизий.

За 10 дней до занятия Эстонской дивизией исходных позиций в районе Новоалександровска, Чаплинки, Первоконстантиновки сменился ее начальник. Я. Пальвадре по причине болезни выбыл из строя. С 20 февраля 1920 г. Ю. В. Саблин командовал дивизией только три недели — до 14 марта. Его также свалила болезнь. Саблина сменил командир 3-й бригады П. Павлов. По болезни выбыл из строя и командир 1-й бригады Н. Риухкранд. Тиф продолжал свирепствовать. В 1-й Эстонской бригаде в январе 1920 г. насчитывалось 2676 человек, а на 5 марта того же года, накануне Юшуньской операции, — лишь 1489. Всего 1859 человек (в том числе 644 штыка в ротах) насчитывалось в 3-й бригаде Эстонской дивизии и 138-й бригаде 46-й дивизии. Чтобы в какой-то мере пополнить роты, на передовые позиции были направлены красноармейцы хозяйственных и других команд, в которых служили непригодные для строевой службы добровольцы.

На правом боевом участке — от восточного побережья Перекопского залива до хутора Булгаков — заняли позиции 138-я бригада, 3-й артиллерийский дивизион Эстонской дивизии и одна конная бригада, в которых насчитывалось в общей сложности 1320 штыков, 320 сабель, 65 пу-

А. Кампус — эстонский красный стрелок, инвалид гражданской войны

леметов, 13 орудий. Командовал ими командир 138-й бригады Германович. На левом участке — от хутора Булгаков до западного берега Сиваша — занимали позиции четыре полка Эстонской дивизии и ее артиллерийская батарея. Всего в названных подразделениях дивизии насчитывалось 1106 штыков, 13 орудий, 44 пулемета. Командовал этими силами Я. Кисель (до этого он был командиром 136-й бригады 46-й дивизии).

Войска левого боевого участка должны были пробиваться в направлении на Симферополь; войска правого после достижения Юшуньского района — продолжить наступление в тыл Чонгарской группировки противника.

Наступление началось в точно назначенный час — в 3 часа утра 8 марта. Врач 1-й бригады Эстонской дивизии И. Акимихин, вспоминая об этом, писал: «...перед наступлением началась артиллерийская подготовка. Мы, группа работников санитарного отряда, с возвышенности на южной окраине города наблюдали за этой незабываемой картиной. Вся равнина, простиравшаяся южнее Армянска, сверкала то вдали, то поблизости языками пламени. Вспышки выстрелов освещали и низкие облака. Звуки частых залпов слились в непрерывный и все усиливающийся громовой гул. На заре наши войска начали наступление на Юшуньские позиции». Воздух был насыщен отвратительной вонью, исходившей от разлагавшихся трупов лошадей, и горьким чадом горящих складов зерна [67].

8 марта в районе большака Перекоп — Симферополь Эстонская дивизия и 138-я бригада, ведя упорные бои и продолжая теснить противника, заняли укрепленный район Юшунь. Противник отходил в южном направлении. 1-я Эстонская бригада, непрерывно атакуя, выбила противника с высоты «75» и, продолжая энергично наступать вдоль большака, заняла хутор Карпова Балка (примерно в 18 км юго-восточнее Перекопа). Докладывая В. И. Ленину 16 марта о том, что «Эстонская дивизия с успехом прошла Перекопский перешеек», Главное командование выражало надежду на окончательный и решительный успех по овладению Крымом назначенными для этого силами [68].

Ведя наступательные бои, несли большие потери красноармейцы. Сил для прорыва явно не хватало. Командиры просили подкреплений. Помощь 8-й кавалерийской дивизии из резерва армии, переданной в распоряжение командира Эстонской дивизии, к решающему моменту боя запоздала. Командир Эстонской дивизии Я. Кисель был отстра-

нен от командования и заменен Э. Тейтером. 9—11 марта бои продолжались. Противник ввел в бой подкрепления.

Вступивший добровольно во 2-й Вильяндиский эстонский коммунистический стрелковый полк А. Кампус, командир взвода разведки в боях за Перекоп, в своих воспоминаниях писал: «9 марта утром мы вели глубокую разведку. Врангелевская армия укрепляла свои позиции и готовилась к контрнаступлению. Участились воздушные налеты, с моря снаряды падали прямо на Перекоп. Бомбардировка усилилась, над городом летали английские и французские самолеты. Мы находились от штаба (полка. — *В. М.*) в каких-нибудь ста метрах, когда раздался взрыв и мы свалились на землю. Я быстро вскочил и увидел, что Линнас лежит на земле, конь без задних ног, в воздухе много пыли. А моя правая рука висит на разорванном куске рукава... На перевязочном пункте старшая сестра Альма, отрезав мой разорванный рукав вместе с рукой, выбросила ее и сказала, что больше с ней делать нечего. Затем крепко стянула мне плечо и грудь, перевязала бинтом, налила полстакана спирта и проговорила: «Выпей на прощанье, к нам ты больше не вернешься!» В четвертый раз проводила она меня после ранения, который на этот раз стал действительно последним»[69].

Утром 11 марта в двух бригадах Эстонской дивизии оставалось только 400 штыков. Сильно поредел и 8-й кавалерийский полк. 12—14 марта части Эстонской дивизии, 138-й бригады 46-й дивизии и 8-го кавалерийского полка отходили с занятых ими позиций. 16 марта по указанию Главного командования[70] на помощь им прибыла 2-я бригада Эстонской дивизии, подавлявшая махновцев в районе Орехово — Пологи — Гуляй-Поле. С 14 по 25 марта Эстонская дивизия, неся значительные потери, вела оборонительные бои, но затем, истекая кровью, начала отходить.

Комиссар 1-й бригады Эстонской дивизии А. Йеа в донесении политотделу дивизии писал о событиях бригады последних двух недель (16—31 марта 1920 г.): «...настроение у красноармейцев хорошее, случаев нарушения дисциплины не было... Взаимоотношения между красноармейцами и командирами нормальные... Снабжение теперь удовлетворительное...

Боевое состояние: поскольку в боях 25 марта большая часть воинов трех полков была противником зарублена, а некоторые попали в плен, то бригада не представляет со-

— 4 —

Утверждается присуждение, на основании приказа Р.В.С.Р. 1919 г. за № 511, Реввоенсоветом 15 армии ордена КРАСНОГО ЗНАМЕНИ:

2 Эстонского стрелкового полка:

Помощнику взводного командира, тов. Таммелу Фридриху, отделенным командирам, т.т. Григорьеву Петру, Тяхту Василию и красноармейцам т.т. Мартынову Петру, Сальфельду Карлу и Бойцову Василию — за то, что при наступлении 25 авг. 1919 г. на сильно укрепленные деревни Приборок и Будник они проявили особую храбрость и самоотверженность, первыми ворвались в неприятельские окопы, воодушевляя и увлекая своим примером остальных товарищей, чем и способствовали занятию означенных деревень и взятию пленных. Тов. Таммелу метким пулеметным огнем способствовал отбитию неприятельской контр-атаки.

Красноармейцам т.т. Посту Иоганнесу, Вильбергу Эдуарду, Тамму Иоганнесу, Казаку Августу и Романову Павлу — за то, что при наступлении 25 авг. 1919 г. на сильно укрепленную деревню Приборок они проявили выдающуюся храбрость и самоотверженность, первыми ворвались в окопы противника, воодушевляя и увлекая своим примером остальных товарищей, чем и способствовали занятию деревни.

Красноармейцам т.т. Бартину Александру, Пююме Августу, Пангу Владимиру, Мяннику Оскару и Брякову Владимиру — за то, что при взятии нами 25 авг. 1919 г. сильно укрепленной деревни Приборок они проявили особую храбрость и мужество, первыми бросились в атаку на противника, воодушевляя и увлекая своим примером остальных товарищей, чем способствовали взятию деревни. Тов. Бряков, будучи ранен, остался при пулемете и метким огнем способствовал отражению неприятельской контр-атаки.

Заместитель Председателя Революционного Военного
Совета Республики Э. Склянский

Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики С. Каменев.

Выдержка из приказа Реввоенсовета Республики о награждении воинов 2-го Эстонского стрелкового полка в боях за освобождение Пскова

Альберт Эскель.
Памятник эстонским красногвардейцам

бой боеспособной силы. Оставшиеся в живых красноармейцы, если потребуется, все до одного готовы отдать свои жизни в боях за Перекопский перешеек.

Описание последних боев: 1-й полк принял бой 25 марта на хуторе Скотный Двор, где располагалась и 3-я рота. Наступавший противник был значительно сильнее. Рота отошла на хутор Фей, где присоединилась к 1-й и 2-й ротам. Противник окружил полк более крупными силами, но полк пробился в Чаплинку, где вновь был окружен кавалерией противника и в большинстве зарублен. Спаслись единицы.

2-я рота полка, разутая и голодная, две ночи подряд отражала атаки противника и только в последнее мгновение отошла.

3-й полк, находясь 25 марта на линии фронта у деревни Спендиаровка, вел бой с крупными силами противника. При отходе полку пришлось отступать по голой равнине, что позволило кавалерии противника после длительного боя окружить его. Спаслись штаб полка и конные разведчики, т. е. те, кто находился в седле.

Все полки воевали до последнего»[71].

Малочисленные остатки 2-й и 3-й бригад были объединены и подчинены командиру 1-й бригады Н. Риухкранду, который после выздоровления вновь вступил 14 марта в командование бригадой. Но Эстонская дивизия была уже недостаточно боеспособной, что отметил 16 марта и главнокомандующий С. С. Каменев[72].

Из частей, участвовавших в феврале и первой половине марта в боях на Перекопском направлении, боеспособность сохранила лишь 8-я кавалерийская дивизия. Она отбросила противника за Перекопский вал. И здесь линия фронта временно стабилизировалась.

В. И. Ленин писал 15 марта 1920 г.: «...нужно постановление РВС:

обратить сугубое внимание на явно *допущенную* **ошибку** с Крымом (вовремя не двинули достаточных сил)...»[73]

Во исполнение директивы главнокомандующего С. С. Каменева от 12 апреля 1920 г. была предпринята новая попытка овладеть Перекопом. На этот раз наиболее боеспособной и опытной в Перекопской группе советских войск была Латышская дивизия. Но и эта попытка закончилась неудачей. В боях с 13 по 16 апреля Перекопская группа потеряла 1850 человек. «Директива главноком-

дующего от 12 апреля о скорейшей ликвидации остатков деникинской армии в Крыму, — констатируется в «Истории латышских стрелков», — оказалась не осуществимой наличными силами XIII армии»[74].

М. В. Фрунзе в ноябре 1921 г. писал: «Для действий на подступах к Крыму первоначально были выделены совершенно недостаточные силы, что и привело вместо быстрого овладения им сначала к длительному беспомощному топтанию на месте, у перешейка, а впоследствии к отходу на север и необходимости нового, огромного напряжения сил»[75].

Расформирование Эстонской дивизии

Приказом по войскам Юго-Западного фронта № 348 от 18 марта 1920 г. Эстонская стрелковая и 46-я стрелковая дивизии вследствие потерь, понесенных на Перекопском перешейке, и невозможности пополнения их в ближайшее время были слиты в одну с наименованием 46-я стрелковая дивизия[76]. Управление 1-й бригады, а также 1-й и 3-й эстонские полки были переданы в состав Украинской советской трудовой армии. Личный состав Эстонского кавалерийского полка влился в кавалерийские части Юго-Западного фронта.

Расформирование Эстонской дивизии как национального соединения Красной Армии было вызвано не только тем обстоятельством, что она понесла крупные потери в боях и превратилась в небоеспособную единицу, но и фактом подписания 2 февраля 1920 г. мирного договора между РСФСР и Эстонией[77].

После поражения Эстляндской Трудовой Коммуны буржуазное правительство Эстонии, послушно следуя указаниям империалистических правительств, участвовало в антисоветской войне и блокаде Советской России.

Коммунистическая организация Эстонии подняла трудящиеся массы на борьбу за мир, за выход Эстонии из антисоветской войны. Подписание мира, разъясняли коммунисты массам, отнюдь не будет означать установления какого бы то ни было «классового мира» между трудящимися и буржуазией Эстонии, не будет означать отказа трудящихся от борьбы за победу революции. Мир между Советской Россией и Эстонией создаст новые условия для развития революционной борьбы, которая неизбежно — рано или поздно — увенчается победой эстонского трудового народа. Несмотря на кровавую расправу буржуазных властей Эстонии над участниками движения за заключение

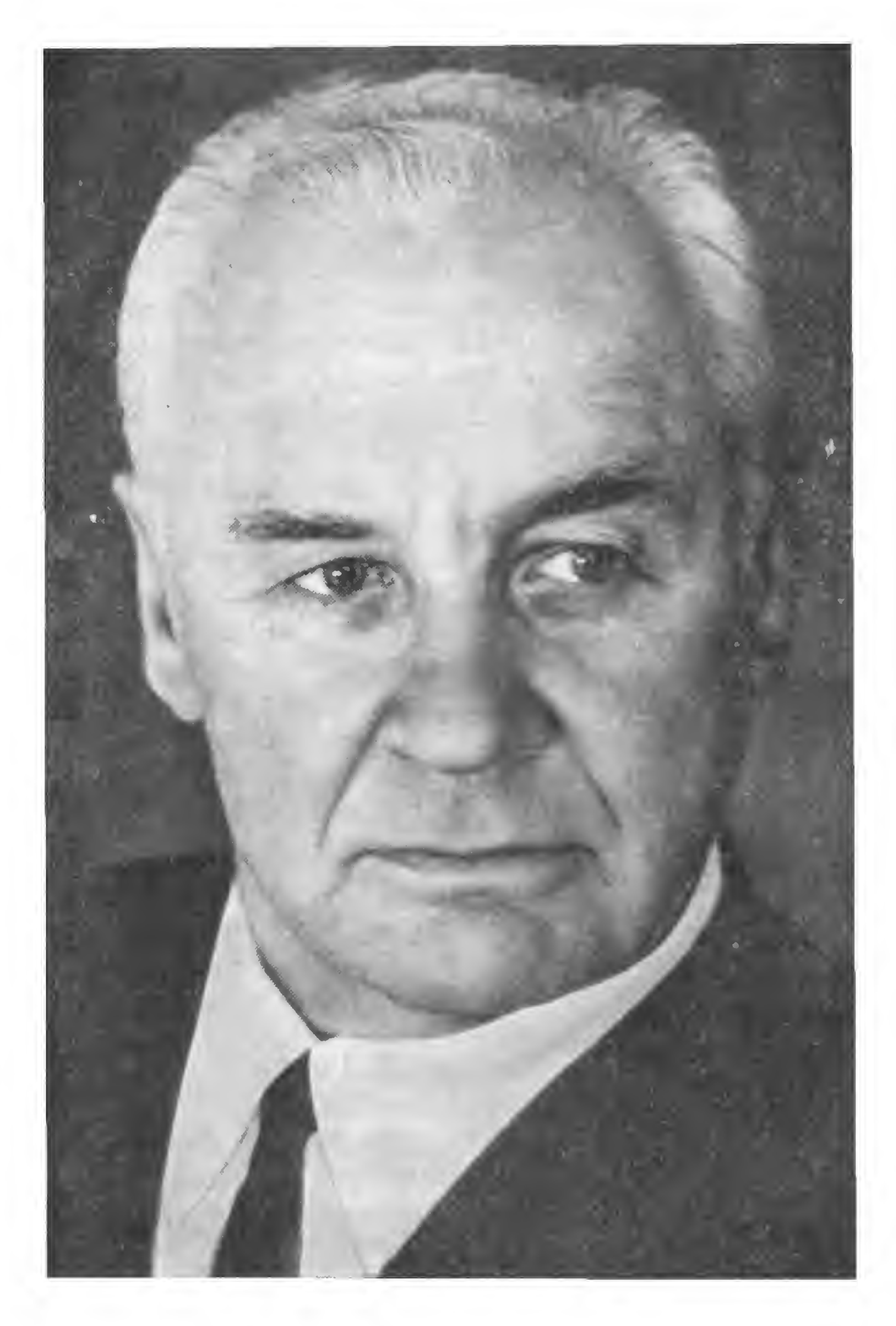
Й. Хейль — бывший красный стрелок, ныне академик Академии наук Эстонской ССР

мира, оно приняло широкий размах. Идея мира овладела и армией белой Эстонии.

Интернационалистскую позицию коммунистов Эстонии высоко оценил нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в 1920 г.: «...я должен отметить громадную заслугу эстонских товарищей — коммунистов, которые абсолютно отодвинули на задний план свои местные интересы, приняли во внимание исключительно интересы революции в целом. Они первые обратили внимание наше на то, что в широких массах Эстонии господствует жажда мира, что в случае нашего мирного предложения эти массы будут оказывать самое серьезное давление на правительство и что в самой буржуазной среде Эстонии имеется сильное течение в пользу мира» [78].

После разгрома второго похода Юденича на Петроград буржуазное правительство Эстонии вынуждено было согласиться, правда с большой неохотой, на переговоры с Советской Россией, завершившиеся подписанием Тартуского мирного договора, который пробил первую брешь в империалистическом фронте, окружавшем кольцом Советскую Россию.

Подписание мирного договора означало юридическое признание Советским правительством России буржуазной республики Эстонии. Империалисты же США, Англии, Франции, Италии и слышать не хотели о признании независимости Эстонии. В свою очередь командование сил внутренней российской контрреволюции — армий Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и им подобных, будучи сторонником «единой и неделимой России», не могло себе представить Россию без прибалтийских провинций и поэтому решительно отвергало домогательства эстонской буржуазии добиться независимости. Не желая ставить препятствий на путях согласованных действий с русской контрреволюцией, империалистические правительства игнорировали просьбы эстонской буржуазии и нередко ставили ее ходатаев в унизительное положение. Эстония интересовала США и других вдохновителей антисоветской интервенции прежде всего как военный плацдарм для наступления на Советскую Россию и поставщик пушечного мяса для ведения антисоветской войны. На случай же провала антисоветской интервенции был выдвинут план превращения Эстонии и других Прибалтийских стран в подмандатные территории США и Англии[79]. Империалисты тянули с признанием независимости буржуазной Эсто-

К. Ару — бывший красный стрелок, ныне генерал-майор артиллерии в отставке

нии и после заключения Тартуского договора. США сделали это только спустя два с половиной года.

Правительство Советской России, добиваясь заключения договора, исходило из своего лозунга: «Мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они

Памятник Я. Анвельту в Таллине

ни были»[80]. «Наш договор с Эстонией, — говорил нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, — превратился, так сказать, в генеральную репетицию соглашения с Антантой, превратился в первый опыт прорыва блокады и в первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами»[81].

Представитель буржуазного правительства Эстонии Я. Поска вынужден был признать, что мирный договор не был порожден неспособностью Красной Армии осуществить военный поход в Эстонию: «...при оценке заключенного мира не следует забывать, что большевики пошли на мир в то время, когда у них не было в этом необходимости в военном отношении: Колчак был разбит, Деникин почти разгромлен, и в момент заключения мира у большевиков не было крупного противника, кроме Врангеля, собиравшего свои последние силы на Крымском полуострове»[82].

Мир с Эстонией отнял у Антанты, осуществлявшей антисоветскую интервенцию, одного из ее сателлитов, открыл перспективы мирных переговоров с Литвой и Латвией, перспективы снятия империалистическими правительствами антисоветской экономической блокады. Мирная политика Советской Республики привлекала к ней симпатии общественности.

Согласно условиям Тартуского договора, находившиеся на территории Эстонии русские белогвардейские части были разоружены, вооруженные силы интервентов, в том числе и английский флот, вынуждены были убраться из Эстонии.

Командование Красной Армии проводит расформирование Эстонской дивизии. Из переданных в состав 46-й стрелковой дивизии полков только в 408-м (командир К. Кангер, затем Ф. Тедер) преобладали эстонцы, и то только на первых порах после слияния. По данным эстонского отдела Наркомнаца, по состоянию на 18 мая 1920 г. в 46-й дивизии оставалось в строю около 400 эстонцев, в 8-й дивизии червонного казачества — 200 и в Украинской трудовой армии — 500 человек[83].

Работавшая в Петрограде 17—19 апреля 1920 г. III Всероссийская конференция эстонских секций РКП(б) одобрила решение Советского командования о расформировании Эстонской стрелковой дивизии.

Эстонские красные стрелки на первых порах болезненно переживали факт расформирования своей дивизии. Но

Памятник Я. Пальвадре в г. Валга

Памятник эстонским красным стрелкам на площади Красных Стрелков в Таллине

эти настроения не отразились на их политических воззрениях и боевых качествах. Они остались верны своему интернациональному долгу, сражались в различных частях Красной Армии до полной победы в гражданской войне. Несколько десятков воинов Эстонской дивизии были направлены на учебу в различные учебные заведения.

Х. Туммельтау отметил, что приказ о расформировании Эстонской дивизии вызвал разочарование и даже протесты у русских, украинских и латышских воинов. «Это свидетельствует о том, что Эстонская дивизия была сильна не потому, — писал он, — что состояла из красноармейцев эстонской национальности, а потому, что ее классовое сознание, крепкая воля к победе и дисциплина держались на высоком уровне. Все это было присуще не эстонцу как таковому, а классово сознательному пролетарию, который умел и хотел воевать за социализм»[84].

Эстонские красные стрелки отдали жизнь за судьбу социалистической революции, судьбу человечества. Братские могилы и памятники в Эстонии, РСФСР, Латвии, на Украине напоминают новым поколениям советских людей о боевых подвигах эстонских красных стрелков, об их верности идеалам революции.

Победная поступь социализма воздвигла всем героям гражданской войны бессмертный памятник, подтвердив тем самым, что они достойны великой почести и благодарности потомков. Сохраняя верность идеям Великого Октября, они осуществляют под интернациональным знаменем гигантские свершения социализма во имя всеобщего мира и прогресса.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Создание вооруженных сил социалистической революции. Формирование эстонских частей Красной Армии (С. 3—36)

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 194.

[2] Документы внешней политики СССР. Т. 5. М., 1961. С. 238.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 13.

[4] Там же. С. 15.

[5] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 8.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 9.

[7] Документы внешней политики СССР. Т. 5. С. 242, 466; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 14.

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (далее: КПСС в резолюциях и решениях...). Т. 3. М., 1984. С. 81.

[9] *Полетаев О., Нугис А.* На крыльях Родины. Таллин (далее: Тал.), 1981. С. 39, 45, 62, 88, 102, 110—111; *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР. 1917—1940 гг. Тал., 1977. С. 71—76.

[10] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 414; *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. Тал., 1977. С. 7.

[11] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 19; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 469.

[12] Разгром Колчака: Воспоминания. М., 1969. С. 119.

[13] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 84—85.

[14] Они же. С. 195.

[15] Eesti diviis. Eesti Kirjastuse Ühisus. L., 1924. 64 lk.

[16] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas/Koostanud Aug. Lukin, Aleks. Jea. M.; L., 1934. 212 lk.

[17] *Tipner J.* Eesti töörahva relvastatud võitlus nõukogude võimu eest kodusõja aastail. Tln., 1953, 212 lk.

[18] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док. М., 1969. 884 с.; Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. док.: В 4 т. Т. I. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. М., 1971. 788 с.; Т. II. Март 1919 г. — апрель 1920 г. М., 1972. 804 с.; Т. III. Апрель 1920 г. — 1922 г. М., 1974. 768 с.; Т. IV. Материалы, указатели. М., 1978. 728 с.

[19] Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis (1917—1920): Kahes köites. Oktoobrirevolutsiooni võit ja nõukogude võimu kindlustamine. Veebruar 1917 — veebruar 1918. I köide. Tln., 1977. 364 lk.; Eesti Töörahva Kommuun, kodusõda ja võitlus rahu eest. Märts 1918 — veebruar 1920. II köide. Tln., 1982. 568 lk.; Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967. 628 с.

[20] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. 622 с.; Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Tln., 1958. 184 lk.; Nad kaitsesid nõukogude võimu. Tln., 1964. 228 lk.; Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920: Dokumente ja materjale. Esimene

köide. Tln., 1984. 256 lk.; Teine köide. Tln., 1986. 360 lk.; *Полетаев О., Нуйс А.* Огненные годы. Тал., 1977. 300 с.; *Они же.* На крыльях Родины. Тал., 1981. 360 с.

[21] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel: Mälestusi Kodusõja päevilt. Tln., 1963. 472 lk.; *Kanger R.* Mälestusi voitluspäevilt. Tln., 1958. 124 lk.; *Lombak A.* Leekides: Mälestusi. Tln., 1958. 404 lk.; *Ломбак А.* Пламенные годы: Воспоминания. Тал., 1981. 248 с.; *Feldman A.* Koduteel. Tln., 1964. 284 lk.; *Ару Карл.* С родной артиллерией. Тал., 1977. 264 с.

[22] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 188—191, 215—216, 258—259, 261, 470, 608.

[23] См. там же. Т. 47. С. 125; Т. 35. С. 264, 303.

[24] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 235.

[25] Там же. С. 251, 263.

[26] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 390.

[27] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 266, 273.

[28] Красный архив. 1927. Т. 24. С. 83—84.

[29] Известия Академии наук Эстонской ССР. Сер. общественных наук. 1956. № 3. С. 216.

[30] История Эстонской ССР: В 3 т. Т. III. Тал., 1974. С. 105; *Anvelt Jaan.* Valitul teosed. 2 köide. 1917—1921. Tln., 1983. Lk. 20—22.

[31] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 399, 411—412.

[32] *Kingisepp V.* Kellele iseseisvus, kellele ike. Tln., 1946. Lk. 16.

[33] *Исраэлян В. Л.* Неоправдавшийся прогноз графа Мирбаха: Из истории антисоветской политики германского империализма в 1917—1918 гг. // Новая и новейшая история. 1967. № 6. С. 57.

[34] *Päss A.* Kuidas kodanlus müüs Eestit välisimperialistidele // Rahva Hääl. 1958. 28.XI.

[35] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 327.

[36] Там же. С. 312; Правда. 1917. 9 дек.

[37] История Эстонской ССР: В 3 т. Т. III. Тал., 1974. С. 88.

[38] Центральный государственный военно-исторический архив (далее: ЦГВИА), ф. 2003, оп. 2, д. 335, л. 34.

[39] Там же, л. 13—17.

[40] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 84, 97; Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 700.

[41] Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. С. 419—421, 432—434.

[42] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263—264, 303.

[43] Там же. С. 257.

[44] Там же. С. 249, 257.

[45] Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 273.

[46] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 409.

[47] Коммунистическая партия Эстонии в цифрах. 1920—1980. Тал., 1983. С. 17.

[48] *Петров В. И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 105.

[49] Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1917—1920. II köide. Lk. 80.

[50] *Либман А. Б., Маамяги В. А.* Участие эстонских трудящихся в Ледовом походе Балтийского флота // Исторический опыт Великого Октября. М., 1975. С. 273—279.

[51] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 31—32.

Участие первых эстонских коммунистических полков в боях на Восточном и Северном фронтах (С. 37—65)

[1] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas/Koostanud Aug. Lukin, Aleks. Jea. M.; L., 1934. Lk. 111—112.

[2] *Кулышев Ю. С., Тылик С. Ф.* Борьба за хлеб. Л., 1972. С. 7.

[3] Петроградская правда. 1918. 9 мая.

[4] *Струмилин С. Г.* Статистико-экономический очерк. М., 1958. С. 267.

[5] Воспоминания Рихарда Юрьевича Каппо, записанные весной 1973 и августе — ноябре 1975 г. С. К. Лорберг // Центральный научный архив Академии наук Эстонской ССР (далее: ЦНА АН ЭССР), ф. 29, оп. 2, д. 20, л. 12—13.

[6] *Конев А. М.* Деятельность партии по использованию Красной гвардии в создании Красной Армии // Вопросы истории КПСС. 1978. № 7. С. 90.

[7] Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 342.

[8] Там же. С. 356.

[9] *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С. 20.

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 216.

[11] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 19, 113.

[12] Организация Красной Армии. 1917—1918: Сб. док. и мат. М., 1943. С. 105.

[13] Tööline. 1918. 10.VIII.

[14] Edasi. 1922. 23.II.

[15] Там же.

[16] Коммунист Эстонии. 1979. № 4. С. 65.

[17] Ленинградский государственный архив литературы и искусства, ф. 9470, оп. 2, д. 1211, л. 3; Великая Октябрьская социалистическая революция: Док. и мат. Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. М., 1957. С. 377—378, 315.

[18] Партийный архив Коммунистической партии Эстонии (далее: ПА КПЭ), ф. 27, оп. 1, д. 538, л. 17.

[19] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 121.

[20] *Aro Selma.* Naisseltsiline Eesti punases väes // Edasi. 1928. 30 XI.

[21] КПСС в резолюциях и решениях... Т. I. М., 1970. С. 472.

[22] Центральный государственный архив Советской Армии (далее: ЦГАСА), ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 265.

[23] Советская Эстония. 1958. 27 февр.

[24] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 268.

[25] *Типнер И.* В огне революции. Тал., 1964. С. 78.

[26] Eesti diviis. L., 1924. Lk. 63.

[27] ЦНА АН ЭССР, ф. 29, оп. 2, д. 20, л. 20—22.

[28] *Сердиак Р. В.* Ямбургский уезд // Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Петроградской губернии (1917—1918): Очерки и документы. Л., 1972. С. 209.

[29] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 268—269 об.; *Типнер И.* В огне революции. С. 91.

[30] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 231.

[31] *Минц И. И.* Год 1918-й. М., 1982. С. 495—496.

[32] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 2.

[33] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 76—77.

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 503.

[35] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. док.: В 4 т. Т. I. Ноябрь 1917 г. — март 1919 г. М., 1971. С. 368.

[36] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 38.

[37] *Гречко А. А.* Вооруженные Силы Советского государства. М., 1975. С. 22.

[38] Eesti diviis. Lk. 8.

[39] *Uibo G.* Meditsiinitöötaja silmadega // Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 84.

[40] ПА КПЭ, ф. 27, оп. 1, д. 539, л. 5.

[41] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. I. С. 378.

[42] *Эйхе Г. Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 47.

[43] Proletaarne revolutsioon Eestis. 1930. N 9. Lk. 14; *Дильман В.* Братство, окрепшее в огне // Уральский рабочий. 1972. 23 февр.

[44] Relvaga Oktoobrierevolutsioon kaitsel. Mälestusi Kodusõja paevilt. Tln., 1963. Lk. 115—116.

[45] Rahva Haäl. 1960. 16.XI.

[46] Eesti diviis. Lk. 12.

[47] Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) — РКП(б) с местными партийными организациями. Март — июль 1918 г.: Сб. док. Т. III. М., 1967. С. 407.

[48] Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 95; Nad kaitsesid nõukogude võimi. Tln., 1964. Lk. 143.

[49] *Типнер И.* В огне революции. С. 85.

[50] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 117, 118.

[51] Советская Эстония. 1958. 21 нояб.

[52] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 101, 102.

[53] Там же. С. 148—149.

[54] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920: Dokumente ja materjale: Kahes köites. I köide. Lk. 57.

[55] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 74.

[56] Eesti diviis. Lk. 15—16.

[57] ПА КПЭ, ф. 27, оп. 3, д. 21, л. 1—2; оп. 2, д. 528, л. 2.

[58] Tööline. 1918. 7.IX.

[59] Центральный государственный архив Октябрьской революции Эстонской ССР (далее: ЦГАОР ЭССР), ф. 1534, оп. 1, д. 19, л. 81—83.

[60] *Типнер И.* В огне революции. С. 96—97.

[61] Там же. С. 98.

[62] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 118.

[63] Eesti diviis. Lk. 16.

[64] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 32—34.

[65] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 313—314.

[66] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 43—44.

[67] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 227.
[68] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док. М., 1969. С. 175.
[69] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 83.
[70] Директивы командования фронтов Красной Армии. Т. I. С. 507, 508; Питерцы на фронтах гражданской войны. Л., 1930. С. 417.

В боях за освобождение Эстонии (С. 66—101)

[1] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920: Dokumente ja materjale. Kahes köites. I köide. Tln., 1984. Lk. 105—106.
[2] Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 565.
[3] Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967. С. 192—194.
[4] *Кингисепп В.* Под игом независимости. Тал., 1955. С. 15—16.
[5] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Tln., 1958. Lk. 29.
[6] Там же. С. 28—29.
[7] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док. М., 1969. С. 174.
[8] Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. I. М., 1980. С. 266; *Малышев М. О.* Оборона Петрограда и изгнание немецких оккупантов с Северо-Запада в 1918 году. Л., 1974. С. 93.
[9] Революционные латышские стрелки. Рига, 1980. С. 135—137; Гражданская война и иностранная военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1985. С. 419.
[10] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. док.: В 4 т. Т. I. С. 478.
[11] *Arumäe Heino, Valter Hannes.* Mälestusväärsed novembripäevad 1918 // Eesti Kommunist. 1983. N 11. Lk. 14—15.
[12] *Струмилин С. Г.* Состав коммунистов в г. Петрограде в сентябре 1918 года // Петроградская правда. 1918. 12 дек.
[13] *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Тал., 1977. С. 68—69.
[14] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Kostanud Aug. Lukin/Aleks. Jea. M., L., 1934. Lk. 153—159; Edasi. 1928. 5.X.
[15] *Типнер И.* В огне революции. Тал., 1964. С. 111—113.
[16] Революционные латышские стрелки. С. 137.
[17] Там же. С. 134.
[18] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. I. С. 466.
[19] Edasi. 1928. 30.XI.
[20] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 161—162.
[21] Там же. С. 162.
[22] Там же.
[23] Eesti diviis. Eesti Kirjastuse Ühisus. L., 1924. Lk. 17—21.
[24] ЦГАСА, ф. 4681, оп. 1, д. 14, л. 69.
[25] *Lombak A.* Leekides. Mälestusi. Tln., 1958. Lk. 202.
[26] Балтийские моряки в борьбе за власть Советов. Ноябрь 1917—декабрь 1918. Л., 1968. С. 296, 300—302; Proletaarne revolutsioon Eestis. 1927. N 3 (4). Lk. 34—40.
[27] *Anvelt Jaan.* Valitud teosed. 2 köide. 1917—1921. Tln., 1983. Lk. 337.

[28] *Типнер И.* В огне революции. С. 114—115; *Петров В. И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году. М., 1980. С. 375.
[29] *Типнер И.* В огне революции. С. 114.
[30] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.
[31] Цит. по: *Руднев Д.* Сбереженное людьми и временем: Документальные очерки. Тал., 1966. С. 133.
[32] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 168—169.
[33] Цит. по: *Любарский А.* Одного кремня искры. Тал., 1983. С. 64.
[34] История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972. С. 327.
[35] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 183—184.
[36] Известия ВЦИК. 1918. 21 дек.
[37] Kodusõda ja valisriikide interventsioon Eestis. 1918—1940: Dokumente ja materjale. II köide. Lk. 46—47.
[38] ЦГАОР ЭССР, ф. 518, оп. 1, д. 462, л. 17; д. 270, л. 2.
[39] Eesti Kütiväe Teataja. 1918. 19.XII.
[40] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 48.
[41] Там же. С. 56, 63.
[42] ПА КПЭ, ф. 28, оп. 3, д. 322, л. 13.
[43] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 65.
[44] *Anvelt Jaan.* Valitud teosed. 2 köide. Lk. 338—340.
[45] Там же. С. 243.
[46] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 68—69.
[47] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 274, 274 об.
[48] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 196—197.
[49] *Anvelt Jaan.* Valitud teosed. 2 köide. Lk. 249.
[50] *Типнер И.* В огне революции. С. 170.
[51] Там же. С. 161.
[52] Разгром немецких захватчиков в 1918 году: Сб. док. и мат. М., 1943. С. 101—102.
[53] *Стучка П.* За Советскую власть в Латвии. 1918—1920: Сб. стат. Рига, 1964. С. 120.
[54] История латышских стрелков. С. 329.
[55] *Типнер И.* В огне революции. С. 134.
[56] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1919—1920. II köide. Lk. 54.
[57] *Типнер И.* В огне революции. С. 146.
[58] ЦГАОР ЭССР, ф. 257, оп. 11, д. 118, л. 22—24.
[59] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 182, 222.
[60] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 526.
[61] Цит. по: *Vihalem P.* Eesti kodanlus imperialistide teenistuses (1917—1920). Tln., 1960. Lk. 216—217.
[62] Riigi Teataja. 1918. N 9. Lk. 1.
[63] Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis (1917—1920). II köide. Lk. 295.
[64] *Саат И.* Предисловие // *Кингисепп В.* Борьба против иностранных империалистов и их пособников. Тал., 1956. С. 9.
[65] Maanõukogu protokollid 1917—1919. Tln., 1935. Lk. 346.

[66] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 52.

[67] *Михальков И.* Как это было...: К 40-летию со дня расстрела революционных матросов эсминцев «Спартак» и «Автроил» // Советская Эстония. 1959. 3 февр.

[68] *Типнер И.* В огне революции. С. 146.

[69] *Либман А., Маттизен Э.* Логика истории. Тал., 1968. С. 127.

[70] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 796.

[71] Edasi. 1928. 2.XI; Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 145.

[72] Там. же. С. 521; Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920. 2 köide. Lk. 93.

[73] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. 1. С. 504.

[74] *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. 1917—1922 гг. М., 1967. С. 248.

[75] Eesti Punakaart ja Punavägi Kadusõjas. Lk. 151.

[76] Revolutsioon, kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis (1917—1920). II köide. Lk. 91.

[77] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 85.

[78] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 137.

[79] *Vihalem P.* Valge terror Eestis aastail. 1918—1919. Tartu, 1961. Lk. 12.

[80] *Райд В. А.* Политзаключенные буржуазной Эстонии, их борьба и внетюремные связи: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Тал., 1983. С. 9.

[81] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 22.

[82] *Anvelt Jaan.* Valitud teosed. 2 köide. Lk. 341.

[83] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 83, 90.

[84] *Vihalem P.* Valge terror Eestis aastail. 1918—1919. Lk. 13.

[85] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 60.

[86] Цит. по: *Типнер И.* В огне революции. С. 159—160.

[87] Там же.

[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 221.

Эстонские части Красной Армии в боевых действиях на Западном фронте в 1919 г. (С. 102—141)

[1] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 190—191.

[2] История латышских стрелков. С. 348—351.

[3] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 781.

[4] Цит. по: *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. Тал., 1977. С. 109.

[5] Там же. С. 207.

[6] ЦГАОР ЭССР, ф. 1534, оп. 1, д. 1, л. 4; 11; *Полетаев О., Нугис А.* На крыльях Родины. Тал., 1981. С. 22; *Типнер И.* В огне революции. С. 174.

[7] *Ару Карл.* С родной артиллерией. Тал., 1977. С. 49.

[8] Цит. по: *Типнер И.* В огне революции. С. 173.

[9] Там же. С. 189.

[10] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel: Mälestusi Kodusõja paeyilt. Tal., 1963.

[11] *Vihalem P.* Eesti kodanlus imperialistide teenistuses. Lk. 217.

[12] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920. II köide. Lk. 108.

[13] *Кингисепп В.* Под игом независимости. С. 71—83.

[14] *Vihalem P.* Valge terror Eestis aastail. 1918—1919. Lk. 92—93.

[15] Eesti Töörahva Kommuun: Dokumentide ja materjalide kogumik. Lk. 138—140.

[16] Päevaleht. 1920. 7.XII.

[17] ЦГАОР ЭССР, ф. 315, оп. 1, д. 22, л. 461—466; ф. 495, оп. 1, д. 24, л. 19—20.

[18] *Кингисепп В.* Борьба против иностранных империалистов и их пособников. Тал., 1956. С. 59—60.

[19] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1919. 2 köide. Lk. 138.

[20] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 253.

[21] *Vihalem P.* Valge terror Eestis aastoil 1918—1919. Lk. 18.

[22] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eestis. 1918—1920. II köide.

[23] *Типнер И.* В огне революции. С. 189—192.

[24] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 308.

[25] Гражданская война в СССР: В 2 т. Т. II. М., 1986. С. 95—96.

[26] Revolutsioon ja välisriikide interventsioon Eestis (1917—1920). II köide. Lk. 294—295.

[27] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3. Кн. 2. М., 1968. С. 295.

[28] *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. 1917—1922. С. 254; Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927. С. 110.

[29] *Караев Г. Н.* Разгром Юденича. М., 1940. С. 71.

[30] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 190.

[31] ЦГАСА, ф. 104, оп. 4, д. 109, л. 26; д. 89, л. 4; *Караев Г. Н.* Разгром Юденича. С. 28—31, 36—37.

[32] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 193; ЦГАОР ЭССР, ф. 1534, оп. 1, д. 13, л. 51.

[33] Pnane Hommik (Läti Kommunistlik Partei Keskkomitee häälekanja). 1919. 1.V.

[34] *Ломбак А.* Пламенные годы: Воспоминания. Тал., 1981. С. 146.

[35] *Караев Г. Н.* Разгром Юденича. С. 60.

[36] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 128.

[37] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 110.

[38] Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 194—195.

[39] История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1974. С. 72.

[40] Юденич под Петроградом. 2 изд., доп. Л., 1927. С. 12, 59.

[41] *Vihalem P.* Valge terror Eestis aastail. 1918—1919. Lk. 62.

[42] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 310, 332.

[43] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. I. С. 518—519.

[44] Революционные латышские стрелки. Рига, 1980. С. 173; см. также: *Кораблев Ю. И.* В. И. Ленин и защита завоеваний Великого Октября. М., 1979. С. 501.

[45] *Надежный Д.* На подступах к Петрограду летом 1919 года. С. 12.

[46] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 800.

[47] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 27, л. 73.

[48] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 27, л. 26 об., 27 об. — 28.

[49] Eesti diviis. Lk. 56; *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). С. 70—71.

[50] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 293, 274 об.; ф. 1556, оп. 2, д. 27, л. 73.

[51] *Типнер И.* В огне революции. С. 217.

[52] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 404.

[53] Цит. по: *Poopuu J., Andreller J.* Soomusronigde diviis Vabadussõjas. II köide. Võitslused piiridel. Tln., 1929. Lk. 193.

[54] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 111—112.

[55] Таллинский музей музыки, ф. М-10, д. 6, л. 117.

[56] *Надежный Д.* На подступах к Петрограду летом 1919 г. С. 128.

[57] Цит. по: *Ломбак А.* Пламенные годы. С. 155.

[58] Юденич под Петроградом. С. 5.

[59] *Кырвитс Харри.* Эдуард Сырмус. Тал., 1972. С. 56.

[60] Rahva HääL. 1965. 5.VIII.

[61] *Типнер И.* В огне революции. С. 224.

[62] *Караев Г. Н.* Разгром Юденича. С. 125.

[63] *Надежный Д.* На подступах к Петрограду летом 1919 г. С. 138.

[64] Nad kaitsesid nõukogude võimu. Tln., 1964. Lk. 146.

[65] *Полетаев О., Нугис А.* Огненные годы. С. 256—262.

[66] *Любарский А.* Одного кремня искры. Тал., 1983. С. 161.

[67] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 385—386; Вопросы внешней политики: Доклады и ноты т. Чичерина. Саратов, 1920. С. 24.

[68] Борьба за Советскую власть в Прибалтике. С. 236—237.

[69] Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 242—243.

[70] *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. 1917—1922. С. 256.

[71] Kodusõda ja välisriikide interventsioon Eesti. 1918—1920. II köide. Lk. 209.

[72] История гражданской войны в СССР. Т. 4. М., 1959. С. 169.

[73] ЦГАОР ЭССР, ф. 597, оп. 1, д. 13, л. 208.

[74] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. М., 1972. С. 120.

[75] Там же. С. 122.

[76] История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 206—207.

[77] ЦГАСА, ф. 200, оп. 4, д. 31, л. 111.

[78] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 258.

[79] Eesti diviis. Lk. 60.

[80] Там же. С. 61.

[81] Воспоминания А. Плукка//Даугавпилсский краеведческий и художественный музей. Инв. № 9741. С. 2—3.

[82] *Lombak A.* Leekides. Lk. 241.

[83] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 249 об.

[84] История гражданской войны в СССР. Т. 4. С. 207.

[85] *Типнер И.* В огне революции. С. 237.
[86] Там же.
[87] Там же. С. 235; ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 235; д. 18, л. 27 об.
[88] ЦГАСА, ф. 468, оп. 1, д. 20, л. 101.
[89] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 249 об.

В боях на Южном фронте (С. 142—181)

[1] Цит. по: *Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919. М., 1931. С. 55.
[2] История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. VII. М., 1967. С. 542.
[3] *Егоров А. И.* Разгром Деникина. 1919. С. 129.
[4] Цит. по: *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. 1917—1922. М., 1967. С. 239.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 298.
[6] Там же. С. 207.
[7] Правда. 1919. 19 и 23 окт.
[8] ЦГАСА, ф. 4681, оп. 1, д. 20, л. 128.
[9] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 18, л. 26; ф. 4681, оп. 1, д. 20, л. 131; ф. 6, оп. 4, д. 99, л. 182.
[10] Там же, ф. 1656, оп. 1, д. 164, л. 30—31.
[11] Там же, л. 20; оп. 2, д. 18, л. 27 об.
[12] Там же, ф. 1656, оп. 2, д. 42, л. 251.
[13] Там же, д. 18, л. 28
[14] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel: Mälestusi Kodusõja päevilt. Tln., 1958. Lk. 188.
[15] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. док.: В 4 т. Т. II. С. 355—356.
[16] *Типнер И.* В огне революции. Тал., 1964. С. 247.
[17] Nad kaitssesid nõukogude võimu. Tal., 1964. Lk. 207.
[18] Питерцы на фронтах гражданской войны. Л., 1970. С. 167. päevilt. Tln., 1963.
[19] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 191.
[20] Советская Эстония. 1968. 21 нояб.; ЦГАСА, ф. 1656. оп. 1, д. 37, л. 49.
[21] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 360, 361.
[22] *Егоров А. И.* Разгром Деникина. С. 165.
[23] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, л. 41, 42, 46, 47.
[24] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 364—365.
[25] *Типнер И.* В огне революции. С. 251.
[26] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 205—206.
[27] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, л. 78, 79.
[28] *Малец В.* Орловско-Крымское сражение // Разгром белых под Орлом. С. 137—138.
[29] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 371.
[30] *Егоров А. И.* Разгром Деникина. С. 171.
[31] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 37, л. 121.
[32] ЦГАСА, ф. 1556, оп. 1, д. 40, л. 313.
[33] *Кравченко М. И.* Орловско-Крымская операция 1919 // БСЭ. 3 изд. Т. 18. С. 523—524.

[34] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 245.
[35] *Типнер И.* В огне революции. С. 257—258.
[46] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 272.
[37] Rahva Hääl. 1960. 16.XI.
[38] ЦГАСА, ф. 1556, оп. 1, д. 40, л. 437.
[39] *Feldman A.* Koduteel. Tln., 1964. Lk. 66.
[40] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док. М., 1969. С. 487—489.
[41] *Типнер И.* В огне революции. С. 261—263.
[42] Цит. по: *Егоров А. И.* Разгром Деникина. С. 137.
[43] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 27, л. 58.
[44] 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. М., 1920. 5—9 дек. С. 143; *Семашко Н. А.* Ленин и здравоохранение в 1921 году // Воспоминания о В. И. Ленине: В 5 т. Т. 4. М., 1969. С. 281—282.
[45] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 161.
[46] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 18, л. 9, 10 об., 20 об.
[47] Там же, д. 27, л. 58.
[48] *Lombak A.* Leekides: Mälestusi. Tln., 1958. Lk. 253.
[49] ЦГАСА, ф. 4681, оп. 1, д. 24, л. 45.
[50] Edasi. 1920. 9.III.
[51] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 2, д. 27, л. 56.
[52] ЦГАСА, ф. 4681, оп. 1, д. 24, л. 62.
[53] ЦГАСА, ф. 1656, оп. 1, д. 55, л. 294.
[54] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 428—429.
[55] ЦГАСА, ф. 1655, оп. 1, д. 37, л. 319.
[56] Там же, л. 320, 320 об.
[57] Цит. по: *Типнер И.* В огне революции. С. 270.
[58] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 394.
[59] ЦГАСА, ф. 8551, оп. 1, д. 16, л. 1.
[60] Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР: Энциклопедия. С. 343—344.
[61] ЦГАСА, ф. 6, оп. 4, д. 140, л. 65.
[62] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922). Т. II. С. 401.
[63] ЦГАСА, ф. 6, оп. 12, д. 82, л. 39—39а.
[64] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). Т. II. С. 498.
[65] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. М., 1984. С. 112.
[66] Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1920). Т. II. С. 406.
[67] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 164.
[68] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 505.
[69] Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 222.
[70] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 502—503.
[71] Цит. по (в переводе с эстонского языка): Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Koostanud Aug. Lukin, Aleks. Jea. M.; L., 1934. Lk. 208—209.
[72] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). С. 506.
[73] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 161.
[74] История латышских стрелков (1915—1920). Рига, 1972. С. 576.

[75] *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. С. 113.
[76] ЦГАСА, ф. 4681, оп. 1, д. 24, л. 82.
[77] Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 339—354.
[78] *Чичерин Г.* Мирный договор с Эстонией: Доклад, сделанный на пленарном заседании ВЦИК//Вопросы внешней политики: Доклады и ноты т. Чичерина. С. 23.
[79] *Березкин А. В.* Октябрьская революция и США. 1917—1923. С. 252.
[80] Документы внешней политики СССР. Т. II. С. 639.
[81] Вестник НКИД. 1920. № 3. С. 1.
[82] История Эстонской ССР: В 3 т. Т. III. Тал., 1974. С. 209.
[83] ЦГАОР СССР, ф. 1318, оп. 1, д. 1632, л. 25.
[84] Edasi. 1931. 3. III.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭСТОНСКИХ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ (1917—1920 гг.), И ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Из воззвания Военно-революционного комитета при Исполкоме Советов Эстонского края о победе Октябрьской социалистической революции на территории Эстонии

Всем солдатам, матросам и рабочим, всему населению Эстонского края

Товарищи и граждане!

Петроградский гарнизон и пролетариат низверг правительство Керенского[...]

Переворот прошел безболезненно. Власть перешла к Советам [...] Революционная Советская власть ставит краеугольным камнем своей политики решительную политику мира; конфискацию помещичьих земель и передачу их народу; революционные меры в области продовольствия и упорядочения хозяйственной жизни; созыв Учредительного собрания.

Правительство, которое выделит Всероссийский съезд Советов, будет первым истинно народным, истинно революционным правительством, правительством раскрепощенного народа, а не его угнетения.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует власть революционных рабочих, матросов, солдат и крестьян!

Товарищи! Свершилась величайшая революция. Все вы должны стать непоколебимой стеной на защиту и поддержку революционной Советской власти. Будьте на страже, товарищи солдаты, матросы и рабочие.

Всякая контрреволюционная попытка должна быть пресечена в корне. Военно-революционный комитет при Исполнительном комитете Советов Эстонского края обладает всей полнотой власти в Эстляндии.

На местах вся власть принадлежит полномочным органам Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [...]

В Ревеле комендант крепости, начальник сухопутных войск, начальник артиллерии, начальник обороны приморского фронта, командир порта, крепостной интендант проявили вполне лояльное отношение к совершившемуся перевороту, изъявили готовность служить новой революционной власти и остаются на своих постах [...]

Никаких самосудов! Никаких выступлений без санкции Военно-революционного комитета! Спокойствие и выдержка! В дисциплинированности наша сила. Беспрекословное подчинение Военно-революционному комитету!

Да здравствует революция!

Да здравствует власть народа!

Ревель, 26 октября 1917 года, в 2 часа дня

Военно-революционный комитет при Исполнительном комитете Советов Эстонского края

Известия Ревельского Совета Рабочих и Воинских Депутатов. № 186. 1917. 28 окт.

Акт о принятии заместителем председателя Эстонского Военно-революционного комитета В. Кингисеппом управления Эстляндской губернией от комиссара Временного правительства России

1917 года октября 27-го дня. Ввиду состоявшегося государственного переворота я, Эстляндский губернский комиссар Временного правительства Иван Иванович Поска, сдал, а я, уполномоченный Военно-революционного комитета Советов Эстонского края Виктор Эдуардович Кингисепп, принял все дела управления Эстляндской губернией.

И. Поска
В. Кингисепп

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. С. 273.

Резолюция митинга солдат Таллинского эстонского полка, состоявшегося 27 октября 1917 г.

Мы, солдаты Ревельского эстонского полка, выражаем свою радость по поводу того, что во главе большинства революционного народа стоят Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Мы поддерживаем новую революционную народную власть и будем поддерживать осуществление народных требований.

Да здравствует революция и революционная народная власть!

Звезда. 1917. 1 нояб.

Резолюция общего собрания военнослужащих Эстонского запасного батальона в гор. Тарту, состоявшегося 31 октября 1917 г.

Собрание военнослужащих Эстонского полка, состоявшееся в Красноярских казармах 31 октября, приняло следующую резолюцию: «Мы, собравшиеся военнослужащие Эстонского запасного батальона, будем всеми средствами поддерживать Советское правительство рабочих и солдат и требуем скорейшего выполнения выставленных требований. Необходимо немедленно заключить перемирие, во время которого будет заключен окончательный мир. Нужно немедленно передать землю безземельным и осуществить рабочий контроль в промышленности — ибо в этом залог победы революции».

Председатель собрания *А. Йеа*
Секретарь *Меерится*

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. С. 280.

Резолюция митинга рабочих и солдат гор. Нарвы о поддержке Советской власти, состоявшегося 7 (20) ноября 1917 г.

Мы, рабочие и солдаты г. Нарвы, на митинге, состоявшемся в помещении «Выйтлея» 7 ноября, постановили:

1. Приветствовать Петроградский Военно-революционный комитет за его решительную борьбу против контрреволюции.
2. Приветствовать и выразить полное доверие новому Советскому правительству и впредь поддерживать лишь такое правительство, которое будет организованно и ответственно перед Советами р. и с. д.
3. Необходимо организовать однородное социалистическое министерство, исключая оборонцев, занявших непримиримую точку зрения.
4. Вследствие печального недоразумения некоторые товарищи и граждане препятствуют рабочим и солдатам оказать помощь революции. Такие лица за свою контрреволюционную деятельность могут быть арестованы и переданы в распоряжение Совета р. и с. д., но ни в коем случае не может быть допущен самосуд.

Известия Нарвского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 нояб.

Посвящение памяти красногвардейцев, погибших при конфискации мызы Пюсси, в книге В. Кингисеппа «Кому независимость, кому иго» (1918 г.)

Памяти первых кровавых жертв революции эстонских трудящихся

Михкеля Айтсама,
Юрия Кальмуса,
Рудольфа Имберга,
посвящаю эту книжечку

Они пали от рук баронов и эстонских белогвардейцев 10 декабря 1917 г. на мызе Пюсси Вирумааского уезда. Это злодеяние ознаменовало первое братание между немецкими баронами и буржуазной Эстонией.

22 декабря весь трудовой народ Таллина хоронил павших. Ни одна фабрика, ни один завод, ни одна мастерская в этот день не работали, ни один магазин не торговал. Бароны на Вышгороде были в смятении и страхе.

В ночь на 30 апреля с. г. правительство палачей тайно и втихомолку выкопало в Кадриорге прах наших павших товарищей, разровняло могилы с землей и трусливо спрятало их трупы.

И эта убогая клика, которая боится даже праха красных, полагает, что дни ее правительства не сочтены!

Муки павших, брошенных в тюремные застенки и загнанных в концентрационные лагеря нам непогасимо слышны, пусть не знаем мы места их могил, пусть еще толще тюремные стены, еще дальше лагеря заключенных!

Час возмездия угнетенных настанет!

В. Кингисепп

Kellele iseseisvus, kellele ike. Tln., 1946. Lk. 3.

Из протокола заседания Тартуского уездного рабочего совета от 14 декабря 1917 г.

...На обсуждение ставится вопрос о Красной гвардии. Тов. Суудер коротко рассказывает о том, как обстоит дело с волостной милицией; выясняется, что волостная милиция в настоящем ее виде приносит мало пользы трудящимся волости. Милиция, которая должна положить конец спекуляции, нередко сама содействует ей. Из волостей поступают жалобы, что милиционеры-хозяева спекулируют хлебом и потому беднейшим слоям населения угрожает голод. И так как теперь, когда имения и леса становятся достоянием народа, народ должен также беречь и охранять свою собственность, то понятно, что в волостях следует повсюду создать Красную гвардию, задачей которой было бы оберегать народное имущество. Организация Красной гвардии и руководство ею возлагаются на волостные Советы рабочих. Милицию следует реорганизовать и полностью подчинить Советам рабочих. Начинаются прения по этому вопросу. Кто-то из товарищей замечает, что все же Советы рабочих в волости, может быть, не в состоянии решить столь важный вопрос — они ведь избраны узким кругом населения. Со всех сторон слышатся возражения. Принимается следующая резолюция. В каждой волости следует немедленно приступить к организации Красной гвардии, на Исполком возлагается обязанность принять меры к приобретению огнестрельного оружия. Милиция должна обязательно находиться в ведении Советов рабочих, и все разрешения на оружие действительны лишь в том случае, если они выданы Советами рабочих. Волостной Совет рабочих имеет право отбирать оружие у подозрительных лиц...

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. С. 359—360.

Из протокола заседания Нарвского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 11 января 1918 г.

3. Докладчик тов. Жарновецкий в пространной речи обрисовал разложение существующей армии как на фронте, так и в тылу и, коснувшись мирных переговоров, настаивает на организации новой, социалистической армии на добровольных началах.

Советом принята единогласно следующая резолюция: «Признавая создание социалистической армии, поручить представителям общественной охраны и военного отдела Исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приступить немедленно к организации таковой».

Председатель собрания *Анни*
Секретари *А. Зейдельберг, Б. Юргенсон*

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. С. 413.

Из сообщения газеты «Маатамеэс» о народном собрании в Кирбласком волостном доме Ляанеского уезда 14 января 1918 г.

14 числа с. м. в Кирбласком волостном доме состоялось народное собрание. В качестве докладчика выступил член РСДРП т. Ыун [...]

Собрание закончилось при повышенном настроении. Около 60 человек вступили в члены РСДРП. Одновременно создали также Красную гвардию, куда входит 50 человек. У дворохозяев, которые до этого играли роль милиционеров, отобрали оружие.

Решили продовольственное дело взять полностью в руки волостного комитета рабочих, через который хлеб поступает в городской продовольственный комитет.

Среди безземельных господствует подлинно революционное настроение [...]

Вообще, проезжая по сельской местности и наблюдая за настроением сельскохозяйственных рабочих, получаешь впечатления, от которых поднимается настроение. Здесь революция принимает мощный размах. Кулаки, которые до этого смотрели на батраков сверху вниз и преднамеренно насаждали классовую рознь среди холопов, видят теперь с горечью, что эти жесткие руки, которые до последнего момента создавали богатства для своих угнетателей, теперь начинают обрабатывать землю для себя и решительно приступают к руководству жизнью народа.

Маатамеэс. 1918. 29 янв.

Приветствия съезда эстонских социалистических воинов, направленные 14 января 1918 г. Совету Народных Комиссаров РСФСР и Третьему Всероссийскому съезду Советов

Петроград, Совету Народных Комиссаров.

Первый съезд эстонских социалистических воинов шлет горячий привет товарищам народным комиссарам. Мы заложим основание созданию эстонской социалистической армии, которая с энтузиазмом станет на защиту пролетарской революции от внешнего и внутреннего врага.

Да здравствует всемирная революция!

Председатель *Кудеберг*
Секретарь *Мюллерштейн*

Третьему съезду Совдепов, Петроград. Первый съезд эстонских социалистических воинов собрался, чтобы создать добровольческую социалистическую армию, готовую встать бесстрашно на защиту нашей революции. Съезд шлет вам свой товарищеский привет. Пусть Третий съезд Совдепов сокрушит вконец владычество буржуазии.

Да здравствует власть Советов!

Да здравствует пролетарская революция!

Председатель *Кудеберг*
Секретарь *Мюллерштейн*

Утро правды. 1918. 26 янв.

Из манифеста Совета эстонских социалистических воинов к эстонским воинам и трудящимся, опубликованного в газете «Тёэлине» 17 января 1918 г.

...Первый съезд социалистических и революционных эстонских воинов заложил основу для создания революционного войска трудящихся на следующих принципах:

1. Революционное войско трудящихся может состоять только из добровольных бойцов.

Свободный трудовой народ не знает принуждения в отношении своих сынов. Мы должны свободно решать, хотим ли мы служить в войсках или нет. Только лишь войско, состоящее из таких добровольцев, в груди которых пылает священный огонь революции и глаза которых видят высокую цель великой самоотверженной борьбы народа, может устоять в огне теперешней борьбы. Только на таких бойцов может с полным доверием опереться революционный народ.

2. В этих войсках, созданных на добровольных началах, действует принцип выборности всего командного состава, деятелей и представителей. Свободные войска не могут мириться с назначенным свыше «начальством», их доверием пользуются только те командиры и представители, которые заслужили их доверие, которых они сами избрали на должность и которых они снова могут уволить, как только избранные будут злоупотреблять их доверием.

3. Войско эстонских трудящихся остается в Эстонии и будет нести службу в основном там, где оно находится. Войско трудового народа не является постоянным войском, но это обычное войско революционных рабочих, которое имеет оружие и готово немедленно выступить по первому зову.

Товарищи! Эстонские воины! Вас, выходцев из рабочей среды, горячо сочувствующих своему классу, воодушевленных высокими идеями народной революции; вас, кого не сломили трудности военного времени и кто духовно еще силен и не знает тоски по родине, — каждого из вас, кто желает вступить в ряды социалистического и революционного войска, призываем сплотиться под красным военным знаменем эстонского трудового народа.

И вы, товарищи рабочие, единой с нами плоти и крови, боль которых является нашей болью и борьба которых — нашей борьбой, поддержите нас на нашем новом пути. Так как только при общих усилиях всех трудящихся мы можем быть уверенными в том, что окончательно сломим сопротивление буржуазии.

Пусть революционное войско эстонского трудового народа общим трудом и при общей поддержке всех трудящихся станет тем оплотом, о который с грохотом разобьются волны эстонской буржуазной реакции.

Да здравствует революционное войско эстонского трудового народа!

Да здравствует правительство трудящихся!

Да здравствует социализм!

Совет эстонских социалистических воинов

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958. С. 433—434.

Постановление Исполкома Эстляндского рабочего и воинского Совета от 20 января 1918 г.

Исполнительный комитет Эстляндского рабочего и воинского Совета постановляет:

1. Военная секция Исполнительного комитета Эстляндского рабочего и воинского Совета является высшим военным учреждением в Эстляндии.

2. Все местные уездные Советы должны обращаться за разрешением всех военных вопросов в военную секцию Исполнительного комитета Эстляндского рабочего и воинского Совета.

3. На основании постановления общего собрания военной секции от 21 января 1918 г. все военнослужащие, не желающие продолжать военной службы или признанные негодными для нее, увольняются без различия возраста в отпуск на неопределенный срок до объявления Исполнительным комитетом Эстляндского рабочего и воинского Совета их окончательно освобожденными от военной службы.

4. Огласить объявление о формировании в Ревеле красного полка добровольцев.

О формировании следующих полков военной секцией Исполнительного комитета Эстляндского рабочего и воинского Совета будут изданы постановления особо.

Председатель *Анвельт*

Члены *Кясперт, Гейнтук, Лелль, Кингисепп, Пельд, Пегельман, Соколов*

Секретарь *Нейман*

Молот. 1918. 21 февр.

Из постановления Исполкома Тартуского совета рабочих, солдатских и батрацких депутатов о формировании Красной Армии, принятого 15 февраля 1918 г.

8. Тов. Лигер возбуждает вопрос об организации социалистической армии в г. Юрьеве и просит окончательно постановить, кому поручается дело организации.

Постановляется: к организации социалистической армии приступить избранной коллегии в лице тт. Кантовского и Лигера.

Тов. председателя *Кантовский*

Тов. секретаря *И. Кук*

Молот. 1918. 20 февр.

Из отчета газеты «Тёэлине» о съезде представителей Красной гвардии Вильяндиского уезда

Ко дню открытия съезда, 15 февраля, собрались представители Красной гвардии от 36 волостей Вильяндиского уезда, что свидетельствует об успешной организации Красной гвардии в Вильяндиском уезде [...]

С приветственным словом съезд открыл т. Я. Сихвер. Председателем избран т. Сихвер, помощником И. Ванакамар, секретарем Э. Тедер.

По 1 и 2 пунктам повестки дня с пространной речью выступил т. Сихвер. Подчеркивая значение и необходимость Красной гвардии, он сказал, что Красную гвардию необходимо создать в каждой волости. Речь была встречена продолжительными аплодисментами.

При обсуждении 3 пункта повестки дня устав Красной гвардии был подробно проанализирован и единогласно принят без изменений. Цена устава была установлена в 10 коп., стоимость членской карточки — 5 коп. ...

Тёэлине. 1918. 20 февр.

Краткий отчет ЦК эстонских секций РКП(б) о своей деятельности ЦК РКП(б). 2 ноября 1918 г.

По оккупации немцами Эстляндии все партийные деятели и советские работники принуждены были покинуть Эстляндию, бóльшая часть из них переселилась в Петроград. 26 марта на большом собрании эмигрантов было избрано Временное бюро, которому поручено было восстановить связь с Эстляндией и организовать партийные ячейки в колониях с эстонским населением и созвать более широкое заседание представителей секций. 19 мая было созвано заседание представителей эстонских секций, где присутствовали уже представители из Кронштадта, Ямбурга, Сестрорецка, Омска и Москвы. На этом заседании был избран ЦК эстонских секций из пяти членов и трех кандидатов.

С оккупацией партийные члены — эстонцы лишились своего партийного органа, и одной из первых задач как Временного бюро, так и ЦК эстонских секций было издать и оборудовать газету. На одном из первых заседаний Временного бюро было постановлено издать газету «Эдази» как орган ЦК эстонских секций.

13 июля с. г. в Москве состоялся съезд эстонских секций. К съезду по всей России были организованы эстонские секции в Кронштадте, Ямбурге, Сестрорецке, Архангельске, Вятке, Перми, на Ижевском оружейном заводе, в Опарино, Самаре, ст. Иващенково Самарской губ., Ново-Николаевске, Омске и Москве, в каждой секции — от 15 до 80 членов, в Ямбурге — 300 членов, в Гдове — 12 членов. На съезде были приняты три основные резолюции: по вопросу об организации, о создании Красной Армии и о самоопределении Эстляндии, приложенные при этом отчете.

На съезде был переизбран ЦК эстонских секций, который сохранит свои полномочия до следующего съезда.

Литературные издания на эстонском языке

1.	«Память Карла Маркса» по поводу столетнего юбилея	10 000 экз.
2.	Задачи Советской власти — перевод	5 000 »
3.	Будущее Эстонии (оригинал)	5 000 »
4.	Что случилось в промежутке (оригинал)	5 000 »

5. **Кому самоопределение, кому рабство (оригинал)** 5 000 экз.
6. **Программа коммунистов — перевод** . . . . 8 000 »
7. **Конституция — перевод** . . . . 20 000 »

Газета «Эдази» переименована в «Тёэлине» («Рабочий»). Под надзором и указанием Центрального Комитета происходит формирование эстонских коммунистов, войсковых частей и отправка их на фронт. В настоящее время, кроме вышеуказанных партийных организаций, сорганизовалась одна на ст. Ястребино и коллективы армии и флота. Точно указать число членов организаций и коллективов нет возможности, так как производимая в настоящее время регистрация еще не кончилась и итоги не сведены.

*Секретарь**

Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Ноябрь—декабрь 1918 г.: Сб. док. М., 1970. С. 101—103.

Из протоколов совместного заседания ЦК эстонских секций РКП(б) и комитетов партийных коллективов 1-го Таллинского и 2-го Вильяндиского коммунистических стрелковых полков от 11 ноября 1918 г.

...Постановили:

1. Признать необходимым срочно сформировать эстонские воинские части, что Центральный Комитет и Совет эстонских коммунистических стрелковых полков вменяют себе в обязанность. Необходимые денежные суммы на первых порах до официального основания Совета выделит Центральный Комитет.

2. Центральный Комитет совместно с Советом эстонских коммунистических стрелковых полков объявляют всеобщую мобилизацию членов партии и эмигрантов и обязывают их вступить по усмотрению Центрального Комитета в части эстонских стрелков.

3. Обратиться к военному управлению с предложением разрешить Центральному Комитету и Совету эстонских коммунистических стрелковых полков сформировать отдельные матросские отряды, временно отозвав их с кораблей для направления в сухопутные части.

4. Потребовать от Военного комиссариата издания специального приказа военным комиссариатам о немедленном направлении всех воинов-эстонцев из русских частей в эстонские стрелковые полки.

5. Ходатайствовать перед Центральным правительством, чтобы эстонские части с Урала были направлены немедленно на Северо-Западный фронт для направления в Эстонию.

6. Провести повсеместно в Северной области и в Москве собрания членов партии и эмигрантов с целью содействия формированию Красного войска.

Протоколист:
Члены Центрального Комитета:
Члены комитета коллектива

---

* Подпись не разобрана

1-го Таллинского стрелкового полка:
Я. Пальвадре, Эдгар Рипс, А. Линдлом, К. Мялло

Члены комитета коллектива 2-го
Вильяндиского стрелкового полка:
Ал. Йеа, Михкель Куульбах, Эд, Оттер,
Ал. Петров

Kodusoda ja välisriikide interventsioon Eestis 1918—1920: Dokumente ja materjale. Esimene köide. Tln., 1984. Lk. 98—99.

Обращение Совета Эстляндской Трудовой Коммуны к рабочим, безземельным крестьянам и красным стрелкам

Ноябрь — декабрь 1918 г.

Рабочий, безземельный крестьянин, красный стрелок!

Правительство Эстонской Советской Республики, которому Красная Армия и революционные рабочие доверили руководство делом освобождения от рабства эстонского трудового народа, заявляет красным стрелкам, всем бойцам, сражающимся за революцию, и всему эстонскому трудовому народу как в городе, так и в деревне:

Важнейшей задачей в настоящий момент является:

Очистить Эстонию от белогвардейцев!

Для осуществления этого надо собрать все силы. Лучшие кадры в армию! Снабжение армии на первое место!

Эстонские белогвардейцы выпрашивают помощь у правительств Швеции, Англии, Франции и других буржуазных государств, они шагают рука об руку с русскими белогвардейцами, чтобы безземельного крестьянина, арендатора и фабричного рабочего снова отдать в кабалу помещику и фабриканту. Финские «мясники», которые прошлой весной плавали в крови своих рабочих, теперь стали жандармами «временного правительства» и справляют на могиле свободы эстонского трудового народа кровавый пир. Офицеры Николая Кровавого — сынки помещиков, фабрикантов и других господ — организуют в Эстонии разбойничьи отряды, чтобы в удобный момент напасть на Советскую Россию, закабалить рабочего и крестьянина-бедняка, затем и Эстонию снова отдать в рабство богатым землевладельцам и фабрикантам России, как это было при царе.

Эстонский рабочий и безземельный крестьянин, сражающийся в рядах Красной Армии против белогвардейцев! Помни, что в случае победы твоею собственностью станут все земли и леса, реки и озера, мастерские и фабрики, железные дороги и здания Эстонии, все то, что сейчас там служит радостью для капиталистов и средством угнетения трудового народа. Помни, что твоей священной обязанностью является освобождение твоих братьев — рабочих, находящихся в рабстве у белого правительства, которых под страхом смертной казни заставляют воевать против тебя, но которые в глубине своей души не дождутся того момента, когда красные войска освободят Эстонию.

Эстонский рабочий и крестьянин-бедняк, стонущий под палкой белых, голодающий дома или насильно мобилизованный в армию!

Помни, что коммунистические войска сражаются за твое лучшее будущее и хотят создать для тебя свободную родину. Твой долг — всячески поддерживать красных стрелков, быть их проводником и помощником, встречать всех красных бойцов, как своих родных братьев, белым же вредить, где и когда это только возможно.

Русские товарищи, пришедшие на помощь своим братьям-эстонцам! Помните, что освободительная война в Эстонии является и вашим делом. Не забывайте, что эстонские красные стрелки сражались плечом к плечу вместе с вами везде, где только помещики, капиталисты и другие враги народа выступали против русского рабоче-крестьянского правительства, будь то в Петербурге, Ярославле, на Дону, на Урале или под Архангельском. И будьте уверены: когда территория Эстонии будет очищена от белых, наши красные стрелки не будут сидеть дома, а будут готовы снова вместе с вами защищать революцию, если ей будет угрожать опасность, будь то с юга, севера, востока или запада.

Ведь объединенными силами должны мы разбить наших многочисленных врагов. Красные войска вместе с войсками Российского, Украинского, Литовского, Латвийского и других правительств трудового народа должны смести с лица земли своих врагов.

Все войска, сражающиеся за освобождение Эстонии от белогвардейцев, Совет Эстляндской Трудовой Коммуны подчинил Революционному Военному Совету.

Революционный Военный Совет является высшим военным оперативным учреждением в Эстонской Советской Республике; его приказы и распоряжения являются законом для войск.

Товарищи красноармейцы, от вашей отваги, самоотверженности и дисциплины зависит, как Революционный Военный Совет справится с возложенными на него обязанностями и как скоро мы уничтожим в Эстонии врагов трудового народа, снова превратим страну, разоренную немецкими войсками, прибалтийскими баронами и эстонскими господами, в мирный очаг трудового народа.

Каждый из вас пусть находится на своем посту — не по принуждению, а из чувства революционного долга.

Пусть каждый из вас помнит, что только объединенный удар приведет к быстрейшему разгрому белых.

Один за всех, все за одного! Тогда мы победим.

Вперед, чтобы поднять на башнях Таллина и Тарту красные знамена!

Вперед во имя мировой социалистической революции!

Съезды Советов советских социалистических республик: Сб. док. 1917—1922 гг. Т. II. М., 1960. С. 196—197.

Письмо раненых воинов Вильяндиского эстонского коммунистического полка в связи с похоронами товарищей по оружию, зачитанное при их погребении 3 декабря 1918 г. в Нарве

Дорогие товарищи, незабвенные соратники!

Нет большей радости, нет большей чести, чем быть в рядах подобных товарищей, бороться и умереть вместе с теми, кто так хладнокровно и смело встречает смерть, понимая, что они являются красными солдатами, кто готов пожертвовать всем, чтобы ос-

таться верным Красному знамени пролетарской революции. 2-й Вильяндиский коммунистический стрелковый полк свой долг исполнил до конца. Из наших рядов выбыли лучшие товарищи. Преклонив колени у свежей могилы наших дорогих собратьев по оружию, мы гордимся их героическим подвигом и клянемся, что еще теснее сплотим свои ряды и посвятим себя целиком делу, за которое они отдали свои жизни.

Вперед, вперед к всемирному коммунизму!

Командир полка и другие раненые товарищи

КРЕНГОЛЬМСКАЯ БОЛЬНИЦА,
3 ДЕКАБРЯ 1918 г.

Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. M.; L., 1934. Lk. 168—169.

Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР о признании независимости Эстляндской Советской Республики

7 декабря 1918 г.

В ответ на запрос Эстляндского Советского Правительства Совет Народных Комиссаров заявляет:

1. Российское Советское Правительство признает независимость Эстляндской Советской Республики. Высшей властью Эстляндии Российское Советское Правительство признает власть Советов Эстляндии, до съезда же Советов — власть Совета Народных Комиссаров Эстляндии, возглавляемого его председателем т. Анвельтом.

2. Российское Советское Правительство вменяет в обязанность всем соприкасающимся с Эстляндией военным и гражданским властям Российской Советской Республики оказать Эстляндскому Советскому Правительству и его войскам всяческое содействие в борьбе за освобождение Эстляндии от ига буржуазии.

3. Народному Комиссариату Финансов поручается отпустить 10 миллионов рублей взаймы Народному Банку Эстляндской Советской Республики.

4. Народному Комиссариату Продовольствия и Высшему Совету Народного Хозяйства поручается войти в соглашение с соответствующими органами Эстляндской Советской Республики на предмет установления товарообмена между обеими Республиками.

Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов
(Ленин)

Управляющий делами Сов. Нар. Ком.
Влад. Бонч-Бруевич

Секретарь *Л. Фотиева*

МОСКВА, КРЕМЛЬ,
7-го ДЕКАБРЯ 1918 г.

Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957. С. 603.

Декрет Совета Эстляндской Трудовой Коммуны о создании в Эстонии классовой Красной Армии и объявлении мобилизации

Эстляндская Трудовая Коммуна постановила:

1. С целью развертывания и углубления социалистической революции и защиты завоеваний трудового народа создать в Эстонии классовую Красную Армию.

2. Для этого всех находящихся в Эстонии мужчин, годных для несения военной службы, в ближайшее время призвать в армию.

3. Из мобилизованных зачислить в Красную Армию всех:

а) кто занимается каким-нибудь общественно полезным трудом и не держит с целью получения дохода наемной рабочей силы;

б) всех членов Коммунистической партии и сочувствующих.

4. Всех тех, кто не подходит под категории, указанные в предыдущем §, зачислить в трудовую армию, которую использовать для хозяйственных нужд красных воинских частей и для других общественных работ.

5. Обязательная служба мобилизованных в армии продолжается один год, если воинские части раньше не будут отпущены домой.

Примечание. Срок службы считается с первого дня мобилизации.

6. Мобилизованные получают плату, которая соответствует заработной плате рабочего средней категории.

Примечание. Тем, кто служит в трудовой армии, платят заработную плату простого рабочего (чернорабочего).

7. Время взятия на учет и мобилизации, а также возраст подлежащих мобилизации устанавливаются Военным управлением Эстонии, в ведении которого остается разрешение всех вопросов, возникающих из этого декрета.

НАРВА,
18 ДЕКАБРЯ 1918 г.

Съезды Советов советских социалистических республик: Сб. док. 1917—1922 гг. Т. II. М., 1960. С. 199.

Обращение Совета Эстляндской Трудовой Коммуны к эстонским красным войскам, всему революционному трудовому народу, которые борются за освобождение Эстонии

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

На дружеское предложение Венгерского советского правительства, сделанное по радио, о прекращении кровопролития в Эстонии и немедленном установлении мира, для чего оно доброжелательно предлагает свое посредничество, правительство Эстонской Советской Республики заявляет:

Вполне понятно дружеское побуждение Венгерского правительства трудового народа оказать помощь в качестве посредника эстонскому трудовому народу, чтобы он смог снова приступить к созидательному труду и залечить раны, нанесенные стране империалистической мировой войной и теперешней вооруженной классовой

борьбой. Только венгерские братья напрасно считают, что эстонская буржуазия так же без кровопролития уступит трудовому народу, как это сделали зажиточные классы в Венгрии. Белоэстонцы, которые временно добились победы над «своим» трудовым народом, мечтают о том, чтобы угнетатели всего мира объединились и повсюду задушили бы трудовой народ. Может быть, эстонское правительство палачей даже умолчит о мирном посредничестве Венгрии, чтобы желание немедленного мира, горящее в груди трудового народа и солдат Эстонии, от этого не стало сильнее и не запылало бы мятежным огнем.

Кто виноват в теперешней войне? — Вы, товарищи, знаете это очень хорошо.

Когда в Германии началась революция, когда совет старейшин «маапяэва»*, помещиков, зажиточных хуторян, богатых купцов и крупных домовладельцев захватил власть в Эстонии в свои руки, Временное правительство, которое составил совет старейшин «маапяэва», приняло все меры, чтобы сломить трудовой народ, который после оккупации свободно вздохнул и выступил в защиту своих прав. С помощью белой гвардии и «кайтселийта»** у трудового народа отняли право свободы собраний и издания газет. Более известных рабочих стали арестовывать и расстреливать.

В Нарве в наши руки попали документы, из которых видно, как Временное правительство с помощью подкупа уговаривало немецких солдат не пускать в Эстонию «красных», т. е. эстонских рабочих, которые в марте 1918 года отступили на территорию России, спасаясь от немецких войск и белогвардейцев. А когда эти же эстонские рабочие действительно поспешили вернуться на родину, то свора эстонских белых палачей вместе с нанятыми ими и обманутыми остатками немецких карательных отрядов встретила их под Нарвой огнем и смертью. Эксплуататоры рабочих, эстонская буржуазия, были теми, кто объявил войну сознательной массе трудового народа и первым начал гражданскую войну.

Когда позднее разлагавшаяся немецкая армия все-таки покинула Эстонию, Временное правительство вооружило учащихся, домовладельцев, офицеров и объединилось с прибалтийскими баронами и русскими белогвардейцами. В принудительном порядке мобилизовали всех годных к военной службе мужчин. Кто отказывался воевать против своих братьев-коммунистов, тех убивали. Буквально ручьи крови текли, например, на Сааремаа, где трудовой народ не подчинился белым палачам и поднял красное знамя свободы.

Позже временное правительство получило себе подмогу из Финляндии, Англии и Швеции. Чужеземные мясники были готовы воевать против эстонских рабочих-коммунистов и наказывать «солдат народной армии», которые побросали винтовки и не захотели воевать.

Разумеется, эстонские революционные рабочие не могли без борьбы оставить белогвардейцам землю, которую на протяжении веков их предки поливали своим потом и кровью и где и сейчас их братья и сестры работают на «хозяев». Они уполномочили свое Со-

* «Маапяэв» — Земский совет Эстляндии, оплот эстонской буржуазии.

** Контрреволюционная военизированная организация эстонской буржуазии.

ветское правительство принять все меры, чтобы освободить эстонский трудовой народ от правительства белых, вернуть трудовому народу землю и фабрики. И правительство эстонского трудового народа заверяет, что оно не сложит оружия, пока эта высокая цель не будет достигнута.

Несмотря на все это, Совет Эстляндской Трудовой Коммуны заявляет, что эстонский рабочий и безземельный крестьянин, как и сознательный рабочий класс во всем мире, борются за мир и при первой возможности окончат гражданскую войну, чтобы приступить к созидательному труду. Мы воюем против эстонской буржуазии только потому, что к этому вынуждены. Пусть Временное правительство в Эстонии создаст действительно демократический порядок, как этого требует трудовой народ:

1. Пусть оно немедленно освободит всех политических заключенных и прекратит всякий политический нажим и ограничение прав.

2. Пусть оно осуществит полную свободу собраний, объединений, слова и печати.

3. Пусть немедленно передаст безвозмездно все мызы, большие хутора и фабрики в руки Советов и комитетов трудового народа.

4. Пусть вышлет из Эстонии баронов, русскую белую гвардию и все другие иностранные войска.

5. Пусть согласится сразу после заключения мира отпустить домой солдат, чтобы рабочий, безземельный и сельский труженик могли бы вернуться к своему мирному труду.

Тогда правительство эстонского трудового народа готово немедленно начать мирные переговоры.

А до тех пор, пока Временное правительство кормит трудовой народ, с одной стороны, красивыми обещаниями, а с другой стороны, тюрьмами, винтовочными пулями и виселицами, — беспощадная война белой Эстонии!

Лучше эстонскому революционному пролетарию пасть в бою, сражаясь за свободу, чем умереть в тюрьме или на виселице!

1 МАЯ 1919 г.

Съезды Советов советских социалистических республик: Сб. док. 1917—1922 гг. Т. II. М., 1960. С. 202—204.

Из брошюры В. Кингисеппа «За селедку Вильсона», изданной нелегально в белой Эстонии (датирована автором 5 июня 1919 г.)

«...Америка помогает нам! Англия помогает нам! Могучие союзники помогают нам!» — так трезвонят буржуазные мошенники и гонят народ на войну против Красной России!

Да, они «нам» помогли. Они прислали боеприпасы, они прислали также селедку и хлеб. Конечно, не даром, а по «справедливой» рыночной цене! Но за это эстонская белая армия должна была воевать. За это сыны эстонского трудового народа, насильно мобилизованные в белую армию, должны были проливать свою кровь, должны были своими пролетарскими руками душить пролетарскую революцию!

Вильсон обменивает свои селедки на дымящуюся человеческую кровь!

Этот сверхмошенник ограбил на основе капиталистического разбойничьего права весь мир, наскреб своим капиталистам неисчислимые богатства. И, сидя на горе награбленной добычи, он читает догола ограбленным свою «нагорную проповедь»:

«Да придут эти детки ко мне, ибо им достанется крохотная частичка той огромной добычи, которую мы награбили в этой войне!»

И по пожелтелой щеке нищей эстонской матери скатывается слеза благодарности: мол, смотрите! Наконец-то кое-что получили! Да, говорим мы, теперь мы дошли уже до того, что радуемся, когда нашим детям, как нищим, швыряют ногой крохи, упавшие под господский стол!

Грызите, грызите селедку и лепешку Вильсона, изголодавшиеся дети голодающих трудящихся Эстонии!*
Но, грызя «даренуюп» селедку, спросите свою матушку, почему на столе у ребенка богача купленный жареный гусь! Почему ребенок того родителя, который трудится в поте лица своего, как раб в кабале, должен принимать подачки от тех, кто никогда не работает?

Радуйтесь, матери и дети! Радуйтесь, дети, сиротки! Лепешка американского дядюшки — это кровь ваших мужей, это кровь ваших сыновей, кровь ваших отцов и братьев. Каждый кусочек окроплен кровью миллионов погибших и искалеченных воинов! Каждый кусочек полит слезами и осыпан страшными проклятиями десятков миллионов скорбящих матерей, жен, братьев, сестер, детей! На каждом куске пот и вздохи сотен миллионов, каждый кусочек отнят у трудового народа и величественным жестом брошен тем, кого эти же самые благодетели ввергли в нищету посредством мировой войны и безграничной эксплуатации!

Грызите селедку Вильсона, дети эстонских пролетариев! Но одновременно с каждым куском впитывайте в себя также и безграничную ненависть, и презрение к этим поклонникам золотого идола, которые дают вам булку и говорят: вот она, можешь кушать! — но сначала пусть твой отец и брат пойдут и убьют моих врагов!..

Селедка Вильсона оплачивается ценою нашей крови!.. Выплюньте эту селедку, возьмите винтовки, свергните эстонское буржуазное правительство и удовлетворитесь местной салакой!.. Тогда вы [...] станете свободно и независимо господствовать над буржуазией и ее богатствами!

Кингисепп В. **Борьба против иностранных империалистов и их пособников: Сб. стат. и листовок. Тал., 1956. С. 59—64.**

---

* Изголодавшимся детям трудящихся не особенно-то много достанется этой селедки. Буржуазная организация «Охрана детей» охраняет их желудки от труда переваривать пищу и раздает подарки американского дядюшки в основном отпрыскам буржуазии. — Наборщик.

Из письма Старорусского уездного комитета РКП(б) (Новгородской губернии) Российскому телеграфному агентству, копия ЦК РКП(б) от 20 июня 1919 г.

По достоверным сведениям, в Ямбурге при приходе белых комендантом подполковником Бибиком перед дверьми уездного военкома повешено 39 коммунистов и подозреваемых, между ними одна беременная. Приговоренных заставляли самих накидывать себе петлю, после чего палач Вахман, сам серый барон, выбивал из-под ног скамейку. Между повешенными товарищами член уездного исполнительного комитета Перфильева, старые коммунисты: Вильбах, Верман и другие — Тюна Смирнова, Лыхе Бустром. Вешают и расстреливают подозреваемых в коммунизме по первому доносу кого угодно. Братская могила красноармейцев сровнена с землей. У памятника Марксу пулеметным огнем отстрелена голова. Объявлены недействительными все прежние паспорта, включая времена царизма, выдаются новые. Белые вступили в город 17 мая, в полдень, на 2 грузовиках, покинутых нами. Припасы вагонов, складов растащены, несмотря на запрещение городской управы. Изданные впоследствии приказы о возвращении совершенно не исполняются. Взорванный нами мост исправлен через 2 дня. В последних числах мая в Ямбург доставили 80 красноармейцев, один из них указал коммунистов, после чего коммунисты были расстреляны. Вначале, 10 июня, с нашим наступлением среди белых возникла паника, на подмогу были вызваны германцы из Пскова, состоящие из прибалтийских баронов и русских дворян. В Нарве на прежнем месте восстановлены проволочные заграждения, охраняемые эстонцами, которые говорят: в случае, если красные припрут белых в Нарве, мы их в Эстляндию не пустим. Белые говорят: если возьмем Питер, объявим войну Эстляндии...

Секретарь укома *

СТАРАЯ РУССА,
20 ИЮНЯ 1919 г.

Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Июнь—июль 1919 г. М., 1974. С. 362—363.

В. И. Ленин о Тартуском мирном договоре, подписанном 2 февраля 1920 г.

...Наши победы в области международной политики продолжались, и самой крупной из этих побед было то, что мы добились заключения мира с Эстонией. Сегодня мы получили сообщение от Иоффе и Гуковского, в котором говорится: «Сегодня 2 февраля в 2 ч. ночи по московскому времени подписан мир между Россией и Эстонией. К подписанию прибыл из Ревеля министр иностранных дел Эстонии Бирк».

Товарищи, текст этого мирного документа, который обсуждался очень много и представляет собой документ огромнейшей важ-

* Подпись не разобрана.

ности, послан с курьером, который должен прибыть завтра утром, но мы теперь получили точный текст по телеграфу, и завтра он будет уже роздан. Он будет рассмотрен и ратифицирован. Этот документ имеет для нас огромнейшее значение. Мирный договор России с Эстонией имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, но которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром, мы должны смотреть на это, как на акт громадной исторической важности [...]

...Когда мы завоевали мир с Эстляндией, мы доказали, что мы умеем идти вперед, как государство пролетарское и коммунистическое. Чем? Всем воюющим державам Антанты, бывшим против мира, доказано, что симпатии, которые мы умеем внушать нашим противникам и буржуазным правительствам, что симпатии маленькой страны сильнее, чем весь тот военный гнет и вся та финансовая помощь и все те экономические нити, которые связывают эту маленькую страну со всемирно-могущественными державами. Антанта увидела, что мы можем побеждать не только тогда, когда применяем насилие, — мы в состоянии опровергнуть ту ложь и ту клевету, которую распространяют против нас буржуазные правительства всего мира, говоря, что большевики держатся только насилием. Чем мы взяли верх над соединенными силами мирового империализма в отношении к Эстляндии, которая всегда видела насилие со стороны царской помещичьей России? Тем, что мы доказали наше умение своевременно и добросовестно отказаться от насилия для перехода к мирной политике, завоевав симпатии буржуазного правительства маленького государства, вопреки всей поддержке международного капитала. Это факт, имеющий историческое значение. Эстляндия — маленькая страна, маленькая республика, но она настолько задавлена тысячами способов и экономических и военных всемирным империалистическим капиталом, что все ее население находится под этим давлением. И вот этот мир доказывает, что мы умеем, несмотря на всю усталость, слабость и разрозненность, одерживать победы над белогвардейской армией, которой они оказывали поддержку. Могущественная Антанта умеет на насилие ответить более победоносным насилием, а этот мир доказывает, что не насилием мы умеем приобретать на свою сторону сочувствие и поддержку буржуазии.

Тут стояла труднейшая международная задача. Развитие капитализма в разных странах идет разным темпом, в разной обстановке и разными способами и методами. Социалистическая республика одной страны оказывается рядом с капиталистическими странами всего мира и заставляет колебаться их буржуазию. Отсюда делали выводы: «Значит, ваше положение безнадежно; если вы насилием победили белогвардейцев, а весь остальной мир, что вы с ним сделаете?» — Мы его тоже победим. Что это не фраза, доказательство — мир с Эстляндией. Все давление международного капитала было побеждено на том пространстве, где наш отказ от насилия был признан добросовестным. Международный капитал говорил: «Не заключайте мира с большевиками, иначе мы вас завоюем голодом, не дадим ни финансовой, ни экономической помощи». И Эстляндия оказалась одной из тех маленьких, формально независимых стран, которая сказала себе: «Мы больше полагаемся на то, что большевики способны жить в мире с другими народами,

более слабыми, даже с буржуазным правительством, чем вся всемирно-могущественная демократия Антанты».

Самое крупное проявление демократии—это в основном вопросе о войне и мире. Все державы находятся в таком состоянии, когда они готовят новую империалистическую войну. Каждый день рабочие всего мира все это видят. Не сегодня-завтра Америка и Япония бросятся друг на друга; Англия захватила столько колоний после победы над Германией, что никогда другие империалистические державы с этим не помирятся. Готовится новая бешеная война, и массы это сознают. А вот здесь выступает демократический мир Эстонии с Россией с ее громадными силами, которую обвиняют в том, что, покончив с Юденичем, Колчаком и Деникиным, она бросит все силы на маленькое государство. Причем мир заключен на таких условиях, когда мы сделали ряд территориальных уступок, таких уступок, которые не вполне соответствовали строгому соблюдению принципа самоопределения наций, когда мы делом доказали, что вопрос о границах для нас вопрос второстепенный, а вопрос мирных отношений, вопрос умения выждать развитие условий жизни внутри каждого народа, не только принципиально важнейший вопрос, но и такой, в котором мы доверие враждебных нам наций сумели завоевать. Если мы это сумели по отношению к Эстляндии, тут не было ничего случайного, тут было проявление того, что отдельно существующая и, казалось бы, бессильная, слабая пролетарская республика начала отвоевывать на свою сторону те страны, которые находятся в зависимости от империалистических стран, а таких стран — громадное большинство. Вот почему наш мир с Эстонией имеет всемирно-историческое значение. Как бы ни напрягала Антанта свои силы, чтобы начать войну, — даже если ей удастся сменить этот мир еще раз войной, — во всяком случае, остается незыблемым в истории тот факт, что, вопреки всему давлению всемирного капитала, мы сумели внушить маленькой стране, управляемой буржуазией, большее доверие, чем якобы демократическая, а на деле хищническая империалистическая буржуазия...

Ленин В. И **Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 89—93.**

Манифест Коммунистической партии Эстонии к эстонскому трудовому народу

По поводу Тартуского мира

Февраль 1920 г.

Товарищи и братья!

Совместно с Юденичем, плечом к плечу с Колчаком и Деникиным, под верховным командованием и при поддержке союзных держав эстонское государство господ до тех пор воевало против Российской Советской Республики, а тем самым и против революции трудящихся, и против собственной «самостоятельности и независимости», пока красные войска трудящихся не добились решительной победы над царскими белыми генералами, вследствие чего эстонскому государству господ больше некого стало поддерживать и не у кого было получать поддержку в классовой войне, и пока капита-

листические правительства союзных держав под давлением пролетариата своих стран не были вынуждены разрешить эстонскому государству господ заключить мир.

Революционное геройство трудящихся России одержало победу над танками и фунтами стерлингов союзных держав! Ожесточенная классовая борьба пролетариата Запада и быстрое распространение коммунистических идей при горячей поддержке революции трудящихся России со стороны международного пролетариата отняли у правящих классов мира армию, с помощью которой они хотели усмирить Красную Россию.

И эстонская буржуазия была принуждена со скрежетом зубов оставить мечты о водружении трехцветного флага на башнях Петрограда и Москвы. Боясь вторжения красных и революции внутри страны, эстонской буржуазии пришлось довольствоваться своей «самостоятельностью и независимостью» и заключить мир с государственно-организованным классовым врагом, закончив таким образом классовую войну против Советской России, войну, которая началась в январе и феврале 1919 года с подавления огнем и мечом эстонских трудящихся.

Мирный договор протоколирует соотношение сил не между карликовым эстонским государством господ и гигантской Красной Россией, а между Красной Россией и всемирной контрреволюцией. Рукой Ивана Поска мирный договор в Тарту подписал Ллойд Джордж. 15 миллионов золотых рублей, 1 миллион десятин леса и другие хозяйственные концессии эстонскому государству господ* являются первой взяткой буржуазии, чтобы она — какой бы национальности она ни была — оставила в покое республику трудящихся России.

Тартуский мир загнал эстонский отряд всемирной контрреволюции в его национальные границы. Это частичная победа международного рабочего класса, которая соответствует н ы н е ш н е м у состоянию его сил. Жизненные интересы эстонских трудящихся и их задачи заключаются в том, чтобы добить контрреволюцию в пределах Эстонии.

Э с т о н с к и е п р о л е т а р и и!

С Тартуским мирным договором еще не закончилась борьба эстонских трудящихся за мир с Красной Россией. Военный фронт контрреволюции на эстонском участке прорван, но кольцо блокады — дипломатической и экономической изоляции Красной России — еще не прорвано.

Д и п л о м а т и ч е с к о е и э к о н о м и ч е с к о е о б щ е н и е с С о в е т с к о й Р о с с и е й — вот лозунг борьбы эстонских трудящихся!

---

* Советская Россия согласилась по Тартускому мирному договору выдать Эстонии соответствующую часть золотого запаса царской России (15 млн руб.), предоставить Эстонии преимущественное право на лесную концессию площадью в один миллион десятин, на концессию по постройке прямого железнодорожного пути, соединяющего Москву с одним из пунктов на русско-эстонской границе. Буржуазная Эстония, переживая с самого начала большие экономические трудности, вызванные хищническим разграблением буржуазией государственной казны и разрушением экономики государства, оказалась не в состоянии использовать предоставленные ей права на эти концессии (*Ред.*).

Контрреволюционная волна унесла тысячи эстонских пролетариев в Советскую Россию, сотни пролетариев томятся в тюрьмах и лагерях государства господ. Только классовая борьба трудящихся может принудить правительство Кооди-Яана* дать полную амнистию и разрешение на свободный возврат в Эстонию всем погрешившим против священного золотого тельца!

Если белогвардейским подонкам Юденича предоставлена в эстонском государстве господ свобода уничтожать народ сыпным тифом, то пусть находящиеся за границей, за решеткой и колючей проволокой будут иметь несравненно большую свободу для распространения красного «сыпняка», чтобы уничтожить власть угнетателей народа!

Эстонские пролетарии!

Мирный договор не означает смены классовой войны классовым миром!

Самостоятельность и независимость эстонского государства господ, хотя и признанные мирным договором, по-прежнему остаются поэтому ширмой буржуазной контрреволюции и классовой диктатуры, т. е. синонимом неограниченной эксплуатации, беспредельного угнетения, хапанья и воровства крупными капиталистическими акулами, всяческих мошенничеств и постыдных дел.

Самостоятельность и независимость эстонского государства господ — это мираж, потому что полная экономическая зависимость от великих держав обусловливает и полную политическую зависимость Эстонии от них.

Эстонские мелкие рабовладельцы властвуют над эстонскими трудящимися по неофициальному уполномочию крупных рабовладельцев союзных держав.

Не может быть никакой классовой борьбы против угнетателей без борьбы против государственной классовой организации угнетателей — эстонского государства господ.

Эстонский трудовой народ не может освободиться от ярма наемного рабства и оков лжедемократии господ до тех пор, пока он не разрушит господское государство, не национализирует капиталистические средства эксплуатации и не создаст на развалинах буржуазного классового государства классовое государство трудящихся, которое, ликвидировав классы, станет затем подлинным народным государством.

Долой эстонское государство господ!

Да здравствует революция эстонского трудового народа!

Да здравствует Советская Республика (Трудовая Коммуна) эстонского трудового народа!

Ища и получая поддержку от капиталистического класса Англии против трудового народа, буржуазия превратила Эстонию в подневольную колонию английских империалистов, утаивая и скрывая это обстоятельство при помощи обмана. В целях взаимной поддержки угнетателей против революции трудящихся эстонское государство господ стремится создать финско-эстонско-латвийско-литовско-польский союз из таких же, как и она сама, построенных на костях рабочих государств мясников.

---

* То есть правительство Я. Тыниссона (*Ред.*).

В борьбе за свое освобождение эстонский трудовой народ одержит победу только тогда, когда он создаст единый фронт классовой борьбы с трудящимися всех стран под знаменем III, Коммунистического Интернационала и, победив, вступит в самый тесный союз с Российской Советской Республикой.

Да здравствует союз Эстонской Советской Республики с Советской Россией!

Да здравствует III, Коммунистический Интернационал!

Да здравствует мировая пролетарская революция!

Мирный договор не означает мира между эстонскими трудящимися и буржуазией!

Так же как буржуазия ни на мгновение не прекратит эксплуатации и насилия над трудовым народом, так же и трудовой народ ни на одно мгновение не должен прекращать непримиримую борьбу против злейшего врага — класса эксплуататоров!

Не только буржуазия, но и котсы (социал-демократы. — *Ред.*), которые проповедуют соглашение с буржуазией, являются классовыми врагами трудящихся.

Пролетарии! На решительную, непримиримую борьбу призывает вас Коммунистическая партия!

Долой капитализм!

Да здравствует коммунизм!

Эстонский Центральный Комитет
Коммунистической партии

Кингисепп В. Борьба против иностранных империалистов и их пособников: Сб. стат. и листовок. Тал., 1956. С. 99—102.

Из отчета бывшего председателя Совета Эстляндской Трудовой Коммуны Я. Анвельта I съезду КП Эстонии (ноябрь 1920 г.)

...Часто раздаются упреки в адрес правительства Эстляндской Трудовой Коммуны в том, что оно совершило большую ошибку, не объявив сразу же мобилизацию. Одни полагают, что это предотвратило бы отступление; другие — что это привело бы к выводу из Эстонии «военной силы» и тогда можно было бы вновь начать наступление.

Эти товарищи, кто так говорят, доказывают только, что у них вообще отсутствует представление о создании армии и что они еще меньше способны понимать возможность существования красного войска и историю его возникновения в России.

Прежде всего, правительство, которое мобилизует, принудительно призывает в армию, должно иметь известный авторитет среди *колеблющихся* слоев (а у правительства трудящихся — среди полусознательных пролетариев и полупролетариев). Мы знаем, чем кончались попытки мобилизации русского Советского правительства в первой половине 1918 г. (против казаков и чехословаков). Еще в конце 1918 г. и даже в начале 1919 г. в армию являлся маленький процент, поскольку большое количество становились дезертирами. Мобилизовывать в условиях, когда одно правительство находилось в Таллине, а другое — в Нарве, когда до населения докатывается гул борьбы, значило бы превратить 90 процентов в дезер-

тиров. Первые мобилизации белого правительства Эстонии в этом смысле доказали это весьма наглядно.

Во-вторых, для мобилизации нужны *соответствующий аппарат и снаряжение.* Мы не умеем бездушное продовольствие или даже камни и пни без соответствующей подготовки разместить на складе. Намного труднее, во всяком случае, обращаться с людьми, из которых намереваются подготовить защитников нового строя; им следует создать соответствующие условия, чтобы они на собственной шкуре не познали новый строй слишком тяжело. Нужен продовольственный аппарат и запасы (или твердая уверенность в том, что правительство в любой день сможет достать это продовольствие и снабдить воинов). Необходима *основа* воинских частей, чтобы мобилизованные сразу же смогли приступить к учебе. Русское Советское правительство начало готовить основу (кадры) воинских частей весной 1918 г., и только к осени часть из них была в состоянии принять мобилизованных. Только тот, кто в этом вопросе абсолютно слеп, может полагать, что все это можно было сделать в Эстонии за месяц-полтора. Не было снаряжения (одежды, оружия), так как в России в этом была большая нужда, а то, что имелось в наличии, было распределено между войсковыми частями, поэтому за короткое время трудно было что-либо получить. Отсутствовали инструктора, которые сразу же начали бы обучать мобилизованных, поскольку все, кто были способны воевать, находились в действовавших полках. Хотя уже в первые же недели приступила к работе школа инструкторов, она, естественно, не могла сразу же «испечь» красных офицеров. Мобилизовать мужчин и сразу же, без обучения и подготовки, направить в имеющиеся полки было также невозможно. Сильный полк не может их вообще использовать в таком состоянии, не говоря уже о классовой войне, где при первой же неудаче разбегаются или перебегают к врагу. Прежде нужна агитация, учеба, нужно влить в новую часть коммунистов и т. д. Только тогда воинская часть будет сплочена. На фронте это делать невозможно. Вильяндиский и Таллинский полки приняли, воюя в Эстонии, в свои составы добровольцев, но и их они не смогли достаточно обучить, снабдить оружием и т. д.

Несмотря на все это, правительство Эстляндской Трудовой Коммуны объявило мобилизацию...

Anvelt Jaan **Valitud teosed. Tln., 1983. Lk. 338—339.**

Декларация о государственной власти в Эстонии

Принята Государственной думой 21 июля 1940 г.

Долгие годы эстонский народ страдал под гнетом реакционного режима, который привел страну в тупик как в области внутренней, так и в области внешней политики. Безработица, голод, нищета, национальное неравенство были единственной участью трудового народа города и деревни. Законные интересы и нужды эстонского трудового народа были принесены в жертву корыстным интересам горсточки эксплуататоров, крупных землевладельцев и капиталистов, господствовавших в Эстонии.

Прикрываясь обманными и лживыми словами о равноправии граждан, свободе и справедливости, правящая клика держала на-

род в тисках произвола и бесправия. Эстонское государство было тюрьмой народа. Большинство трудового народа не имело политических, профессиональных и культурных организаций. Свободное слово и свободная мысль подавлялись беспощадно.

Также внешняя политика прежних эстонских правительств была враждебной и гибельной для эстонского народа. В то время как жизненные интересы эстонского народа требовали тесного союза и дружбы с Советским Союзом, правящая клика в ущерб интересам эстонского народа проводила враждебную политику в отношении Советского Союза, превратив Эстонию в беспомощную игрушку в руках империалистов Европы, превратив территорию страны в плацдарм для возможных нападений на Советский Союз.

Провокаторы войны, будучи у власти, торговали свободой и независимостью нашего народа и поставили под прямую угрозу безопасность, мир, неприкосновенность и благосостояние Эстонии.

Эстонский народ прогнал неугодное ему правительство и впервые в истории Эстонии получил возможность провести свободные выборы своих представителей.

Выборы в Государственную думу, прошедшие 14 и 15 июля, были праздником победы рабочего класса, крестьянства и трудовой интеллигенции. Платформа Союза эстонского трудового народа объединила вокруг себя подавляющее большинство эстонского народа, всех честных патриотов нашей родины.

Победа на выборах Союза эстонского трудового народа ознаменовала исторический переворот в жизни Эстонии, который состоит в том, что эстонский народ выразил свое желание окончательно покончить с политической властью капиталистов и крупных землевладельцев, взять руководство страной в свои руки и установить подлинное народное правительство.

Новая Государственная дума, которая является единственным и правомочным выразителем воли эстонского народа, призвана провести в жизнь требования народа и в законодательном порядке утвердить победу эстонского трудового народа, которой он добился в борьбе с эксплуататорским строем, считает своей основной обязанностью решить вопрос о характере государственной власти в Эстонии.

Решая вопрос о государственной власти, мы обращаем свои взоры на великий пример и исторический опыт народов дружественного нам Советского Союза.

Великий исторический опыт Советского Союза учит нас тому, что только советский строй является единственным действительным выразителем и защитником интересов трудового народа, является единственным настоящим правлением народа, где государством управляет сам народ, без помещиков и капиталистов.

Всякая другая власть, как показывает опыт капиталистических стран, в том числе и опыт нашей горькой жизни в буржуазной Эстонии, является скрытым или открытым обманом под лозунгами свободы и равноправия, правительством неограниченного произвола горсточки эксплуататоров над подавляющим большинством народа.

В Советском Союзе навсегда уничтожено наемное рабство, эксплуатация человека человеком. Каждому трудящемуся обеспечено право на труд, право на отдых, право на социальное обеспечение в старости, право на образование. Забота о человеке является руководящим принципом всей жизни. Только Советская власть явля-

ется самой демократической государственной властью. Через Советы трудовой народ управляет государством и создает себе свободную и счастливую жизнь.

Союз рабочих и крестьян, воплощенный в Советах, превращает Советское государство в непобедимую силу. Только Советская власть создает условия для расцвета народных талантов, для выдвижения из среды народа руководителей и организаторов государственной, хозяйственной и общественной жизни.

В Советском Союзе навсегда уничтожены национальный гнет и национальное неравенство. Все народы Советского Союза составляют единую дружную семью.

Только в Советском Союзе расцвела с небывалой силой национальная культура всех народов. Советский Союз не знает больше отсталых народов.

Пример Советского Союза показывает, что только Советская власть может обеспечить трудовому народу города и деревни мир, работу, хлеб и свободу, спасти эстонский народ от эксплуатации, нищеты и бесправия. Только Советская власть может нам обеспечить политический, хозяйственный и культурный расцвет. Только советский строй обеспечит эстонскому народу подлинное свободное национальное развитие.

Выражая свободную и единую волю эстонского трудового народа, Государственная дума провозглашает установление Советской власти на всей территории Эстонии.

Эстония провозглашается Советской Социалистической Республикой.

С этого момента вся власть в Эстонской Советской Социалистической Республике принадлежит Советам депутатов трудящихся города и деревни.

Государственная дума убеждена, что весь эстонский народ сплотится вокруг Советской власти для достижения полной победы трудового народа, для блага Эстонии, для расцвета хозяйства, культуры, свободы и счастья нашего народа.

Да здравствует Эстонская Советская Социалистическая Республика!

Да здравствуют Советы депутатов трудящихся!

Да здравствует Советский Союз — Родина трудящихся всего мира!

Хронологическое собрание законов Эстонской Советской Социалистической Республики, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства Эстонской ССР. Тал., 1953. С. 5—7.

Декларация о вступлении Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик

Принята Государственной думой 22 июля 1940 г.

Эстонский народ долгие годы страдал под гнетом реакционного режима, подчиненный грабежу и рабству, обреченный на нищету и голод.

Участью эстонского рабочего и трудящейся интеллигенции была хроническая безработица и полная неуверенность в завтрашнем дне.

Эстонский крестьянин страдал от безземелья и малоземелья, от

тяжких долгов и государственных налогов, под гнетом ростовщиков и спекулянтов.

Хозяйничанье реакционной клики привело государство в тупик. Эстонское народное хозяйство пришло в состояние упадка. Его производительные силы не развивались. Прирост населения систематически уменьшался. Народный доход все время падал, а долги народа возрастали. Промышленность все более подпадала под зависимость иностранного капитала. Судьба сельского хозяйства зависела от настроения мирового рынка. Таким образом, все более и более увеличивалась гибельная для Эстонии политическая и экономическая зависимость от империалистических разбойников, иностранных капиталистов и банкиров.

Политика бывшего антинародного, реакционного режима привела Эстонию на край гибели. Эстонии угрожала опасность превратиться в добычу империалистов.

В то время, когда жизненные интересы эстонского народа требовали тесного и разностороннего сотрудничества с Советским Союзом, находившаяся у власти реакционная клика строила в ущерб народу искусственные преграды между Эстонией и народами Союза Советских Социалистических Республик. В узких интересах и алчности своего класса она сеяла ненависть между нашим народом и народами Союза Советских Социалистических Республик, развивая человеконенавистнический шовинизм. Она стремилась всячески помешать нашему братскому сближению с советским народом, преградить образованию дружбы и тесного, прочного союза с нашим великим соседом — непобедимым Союзом Советских Социалистических Республик.

Прежнее правительство вступило на путь нарушения договора, заключенного между Эстонией и СССР 28 сентября 1939 года, и вероломно толкало наше государство на путь войны и гибели.

Вместо осуществления дружбы народов реакционная клика растоптала ногами самые элементарные права проживающих в Эстонии национальных меньшинств, всячески разжигая и провоцируя вражду между народами.

Теперь, когда эстонский народ разбил господство старого режима — режима гнета и бесправия, взял в свои руки судьбу своей родины и вышел на широкую и светлую дорогу строительства новой жизни, настал великий исторический час, когда выраженная во всенародном голосовании воля эстонского народа к установлению прочного союза и нерушимой дружбы Эстонской Республики с Союзом Советских Социалистических Республик должна быть законодательно закреплена.

Государственная дума убеждена в том, что только вступление Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик обеспечит нашему государству подлинный суверенитет, свободное национальное развитие нашего народа, нашей промышленности, сельского хозяйства и расцвет национальной культуры, могущественный рост материального и культурного благосостояния нашего народа и нашей любимой Родины.

Эстонский трудовой народ уже давно связан братскими узами с народами Союза Советских Социалистических Республик в общей революционной борьбе против царизма, капиталистов и помещиков, которые угнетали как русских, так и эстонских рабочих и крестьян.

Эстонский народ, вступив в великую братскую семью социали-

стической страны, будет развивать свои богатые творческие силы, строя новую жизнь и шагая рука об руку с трудовым народом Союза Советских Социалистических Республик.

Только в составе великого Советского Союза, будучи равноправным членом в братской семье советских республик, эстонский народ сможет поднять свою экономическую жизнь, развивать народную культуру, обеспечить равноправие народностям, обеспечить мир, хлеб и подлинную свободу эстонскому трудовому народу.

Исходя из единой воли эстонского народа, Государственная дума решает:

просить Верховный Совет Советских Социалистических Республик принять Эстонскую Советскую Социалистическую Республику Союзной Республикой в состав Советского Союза на тех же основаниях, по которым в Союз Советских Социалистических Республик входят Украинская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика и другие союзные республики.

Да здравствует свободная Советская Эстония!

Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик!

Хронологическое собрание законов Эстонской Советской Социалистической Республики, указов Президиума Верховного Совета и постановлений правительства Эстонской ССР. Тал., 1953. С. 7—9.

Телеграмма ветеранам 1-го Эстонского отдельного коммунистического батальона

Уважаемые товарищи! Нязепетровский райком партии, райисполком сердечно поздравляют вас в день 40-й годовщины создания эстонских коммунистических частей. Вместе с вами эту дату празднуют жители города Нязепетровска, в обороне которого принимал участие коммунистический батальон Эстонии. Желаем вам успехов в дальнейшем укреплении могущества нашей страны.

Райком КПСС — *Захаров*, Райисполком — *Ваганов*

Советская Эстония. 1958. 29 нояб.

Из приветствия Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Центральному Комитету Коммунистической партии Эстонии, Президиуму Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики, Совету Министров Эстонской ССР в связи с пятидесятилетием провозглашения Эстляндской Трудовой Коммуны — Эстонской Советской Республики

..Под руководством Коммунистической партии, в едином строю с революционными силами русского и других народов нашей страны пролетариат и трудящиеся массы Эстонии самоотверженно боролись против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего гнета, за победу Великой Октябрьской социалистической революции.

Рожденная Великим Октябрем, Эстляндская Трудовая Коммуна при активной помощи Советского правительства, Владимира Ильича Ленина осуществила важные социалистические преобразования, внесла свой вклад в борьбу против внешней и внутренней контрреволюции, в дело защиты Советской власти.

Однако объединенные силы международного империализма и эстонской буржуазии, воспользовавшись иностранной интервенцией и трудностями, вызванными гражданской войной, потопили в крови революционные завоевания. Трудящиеся массы, возглавляемые Коммунистической партией, в условиях жестокого террора сплачивали свои ряды, решительно выступали против антинародного строя. Опираясь на интернациональную поддержку Советского Союза, они смели ненавистную диктатуру буржуазии и в июле 1940 года восстановили власть Советов. Эстония вошла в братскую семью советских социалистических республик как равная среди равных...

Правда. 1968. 29 нояб.

Из воспоминаний А. Плукка «В гражданскую войну я был сапером» о боевых действиях саперов 1-го Таллинского батальона на Уральском фронте в августе—сентябре 1918 г.

..Батальон выехал в Пермь на отдых.

Дней через десять в Пермь прибыл и тов. Сорксепп с командой пеших разведчиков, все верхами, и коней у них было больше, чем всадников, — около 60, все оседланы. Пешие разведчики были направлены из Кузино на разведку в деревни, где кулаки сформировали мятежный белогвардейский отряд. Как и при отходе из Нязепетровска, Сорксепп выдал себя за командира отряда белогвардейцев, вступил в контакт с белыми, а в удобный момент разоружил их, отобрал коней, разогнал отряд и после выполнения задания вернулся с большими трофеями назад. На базе добытых коней был сформирован кавалерийский эскадрон [...]

В начале августа батальон опять выехал на фронт. На этот раз в составе батальона выступил и кавалерийский эскадрон, которым командовал тов. Сорксепп, и было у них теперь два трехдюймовых орудия.

Станцию Шаля занимали белые, линия фронта проходила между станциями Шаля и Вогулка. Когда наши части переправились через реку Сыльва и отвоевали тамошние деревни, белые открыли у Сыльваского завода речные шлюзы, вода поднялась более чем на два метра и снесла мосты. Команда саперов по указанию командира батальона ночью переправила на лодке раненых, а днем построила плавучий мост. Река была неширокой. Когда мост был готов, по реке поплыли целые срубленные деревья, так что саперам пришлось попотеть, чтобы не допустить у моста образования затора. Через несколько дней вода спала до нормального уровня.

Наш батальон вместе с другими частями вновь вернул станцию Шаля. На северной стороне станции находилось железнодорожное депо, а на южной — поселок железнодорожников и рабочих. Сразу за депо и поселком начинался лес. Поселок полностью обезлюдел, промеж домов бродили домашние птицы и козы. В один из вечеров саперной команде приказали совместно с одной ротой про-

никнуть в тыл белых и разрушить там железную дорогу. Мы погрузили пироксилин на двухместную санитарную коляску. Уже наступили сумерки, когда я оставил команду перед зданием вокзала и пошел на площадку у одного из концов вокзала. Там выстроилась рота, с которой мы должны были пойти на задание. Духовой оркестр под руководством Петрова готовился сыграть марш. Вокруг него стояли без оружия парни нашего батальона и других частей. Вдруг со стороны поселка по нам открыли интенсивный ружейный огонь. Поселок находился от вокзала метрах в 150. Наши люди рассыпались по железной дороге. В темноте и толкучке я не обнаружил свою команду. Повозочный укрыл коляску за зданием вокзала, чтобы пули не попали во взрывчатку. Командир батальона Пальвадре начал в возникшем замешательстве организовывать отпор. С телеги был снят пулемет, его установили у конца вокзала, пулеметчик открыл огонь по поселку. Днем у железной дороги чистили пушку, она и теперь стояла там стволом в сторону поселка. Из орудийной прислуги у пушки находился только один Оскар Курбас. Он зарядил пушку и открыл из нее огонь. Первый снаряд разорвался у ближайшего дома, перед которым расположилась цепь казаков. Если пулеметный и винтовочный огонь казаков не очень беспокоил, то близкий разрыв снаряда оказал на них уже гораздо более сильное влияние. Они ведь не знали, откуда и кем этот выстрел был произведен. Вскоре стрельба со стороны поселка прекратилась, и когда наши воины вошли в поселок, то там казаков уже не обнаружили. Прибывшие на место батарейцы выпустили из орудия, стоявшего на платформе, еще несколько снарядов в направлении отступления казаков [...]

Белые приближались все ближе к станции. Однажды они открыли прицельный огонь по стоявшим на станции эшелонам. Командир нашей батареи пошел на свой наблюдательный пункт, чтобы корректировать наш огонь по батарее, бившей по нас. Он увидел сидевшего на дереве вражеского корректировщика. Вражеский наблюдатель был сбит, и обстрел станции сразу же прекратился.

Натиск белых усилился. Пришлось начать отступление. Часто делались попытки нас окружить. Три недели отступали от станции Шаля до станции Кордон. Отступая, саперы взрывали на станциях железнодорожные стрелки, а между станциями — железнодорожные пути. Мосты мы сохраняли.

Поезд нашего батальона, стоявший на одной из промежуточных станций, отступил, чтобы не дать врагу к утру нас окружить, так как белые к вечеру подошли к самой станции. На станции остался только бронепоезд. Командир отделения саперов Кууси, заложив взрывчатку под стрелку, намеревался заложить и другой заряд, как вдруг уходивший бронепоезд стал обстреливать неприятеля через его голову картечью. Мы отбежали в сторону, ожидая прекращения огня с бронепоезда. Потом Кууси зажег фитиль, и мы побежали к вокзалу. Белых не было видно. На вокзале по телефону я связался со следующей станцией, куда отошел наш поезд. Мы разбили на вокзале аппаратуру связи, взорвали стрелки и с другой стороны станции и бросились догонять свой батальон. На полпути стоял бронепоезд. Доложили его командиру, что путь взорван, сели в бронепоезд и догнали свой батальон. Иногда и тов. Пальвадре ходил с саперами взрывать железнодорожные пути.

В конце сентября наш батальон выехал в Кунгур на отдых...

Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Tln., 1963. Lk. 120—122.

Из воспоминаний А. Йеа «Вильяндиский полк в боях за Нарву»

...Вильяндиский полк получил 26 ноября [1918] приказ штаба 6-й стрелковой дивизии осуществить *на заре 27 ноября наступление на Нарву с тыла.* В ту же ночь, 26 ноября, полк в полном составе и в боевом порядке погрузился в эшелон. Ночь была очень темной, выступление полка осуществлялось совершенно секретно. До посадки перед красными стрелками Вильяндиского полка были произнесены речи, которые вызвали неописуемое воодушевление.

Поезд шел в направлении на Нарву в полной тишине. Ни одного огонька. Эшелон вильяндисцев был первым эшелоном, проехавшим по отремонтированному Ямбургскому мосту. Доехали до станции Комаровка и остановились за небольшой возвышенностью. Белые постоянно освещали железную дорогу и окрестности Комаровки лучами света. Здесь полк высадился. Команды, кухни и обозы были оставлены на мызе Комаровка. Здесь стрелкам были выданы пища и боезапас.

Когда приготовления завершились, полк в полном составе выступил в поход через полузаросшее болото и трясины в направлении на реку Плюсса.

Когда наконец с большими трудностями дошли до места, стало известно, что наступление перенесено на следующее утро. Штаб полка сразу же приступил к подготовке предстоящей операции.

Не было единого мнения по вопросу тактики наступления. Тов. Сихвер предлагал идти через Иоальское поле, а командование полка предпочитало наступление через Кулгу, потому что мы точно знали, что в Кулгу находятся одна немецкая легкая батарея с четырьмя трехдюймовыми орудиями и примерно 80 немецких и эстонских белогвардейцев. По плану командования полка следовало неожиданным ударом захватить у белых эту батарею и затем через Кулгуский лес ворваться прямо в Нарву. После горячих споров было решено действовать по плану, предложенному командованием полка.

Когда лодки были доставлены на место, полк, соблюдая все предосторожности, переправился через реку, и тов. Кангер получил приказ занять со своим батальоном дом лесника, где сидели белые. Там взяли трофеи: один пулемет, 10 винтовок, много патронов и немецкие ручные гранаты. Полк двигался в направлении Кулгуского кирпичного завода. Когда полк остановился на несколько минут на отдых, выяснилось, что тов. Сихвер, шагавший во главе полка вместе с проводником, боясь, что мы опоздаем, не свернул на Кулгу. Теперь пришлось считаться уже с фактом, и не было времени исправлять дело. После открытия артиллерийского огня по Нарве полку было приказано быть готовым атаковать неприятеля. Тов. А. Янес получил приказ идти с первой ротой к станции Сольдино, разрушить железную дорогу, чтобы отрезать белым путь эвакуации из Нарвы. Одновременно тов. Янес должен был обрезать телеграфные и телефонные провода и спилить столбы, что и было исполнено.

28 ноября в 7.30 наша артиллерия открыла огонь. Немецкие батареи интенсивно ответили, время от времени стреляя газовыми снарядами.

Вильяндиский полк вышел под Нарву, к Иоальскому полю.

В городе вспыхнули пожары. Слышны были винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Настроение было сверхвоинственным. По указанию тов. Сихвера 1-й батальон уже развернулся в цепь и двигался через Иоальское поле к городу. Второй батальон, который полностью еще не дошел до места, остался в резерве для охраны флангов. Первая цепь вильяндисцев-коммунистов смело приближалась к Нарве.

Только теперь неприятель заметил нас. Ударный батальон, подкупленный белыми эстонцами, и отряды эстонских белогвардейцев открыли яростный огонь по наступающим вильяндисцам. Начался горячий бой не на жизнь, а на смерть. Фланги цепи вильяндисцев дошли до города, но были отброшены. Наша позиция была полностью открыта — чистое поле, а противник полностью укрыт. Неприятель имел полный перевес, как технический, так и численный. К тому же начало наступления не было согласовано с теми красногвардейскими частями, которые должны были наступать на Нарву с фронта, что позволило белогвардейцам бросить свои резервы против вильяндисцев. Бешеный огонь врага и большие потери вильяндисцев, у которых к тому же иссякли патроны, вынудили воинов отступить с чистого поля. Полк отошел, собрался на опушке леса, откуда отступил до реки Нарвы. На поле после 2—3-часового боя осталось свыше 80 раненых, в их числе тов. Я. Сихвер и тов. Мария Керсманн, которая в составе 5-й роты красного полка с винтовкой в руках шла в цепи наступающих, и много красных командиров, среди которых только немногие были убиты. Примерно 30 раненых, среди них и командир полка Э. Тейтер, были вынесены с поля боя.

Оставшиеся на поле раненые были ограблены эстонскими белогвардейцами, головы их были разбиты прикладами винтовок, тела проткнуты штыками.

Так печально закончился нарвский бой для вильяндисцев, но свою задачу они выполнили. Нарва пала. Железная дорога была разрушена, телефонная и телеграфная связь прервана. Это породило панику в рядах немцев и эстонских белогвардейцев. Зная, что красные войска зашли к ним в тыл, белые сражались отчаянно и бежали.

Рано утром 29 ноября Красная Армия с музыкой вошла со стороны Ямбурга в Нарву.

Кроме Вильяндиского полка в наступлении на Нарву участвовали со стороны Ямбурга Тартуский полк, 2-я Эстонская батарея и 46-й стрелковый полк. В Усть-Нарве высадился десант моряков-эстонцев под командованием В. Пусся.

За взятие Нарвы Вильяндискому коммунистическому полку Советом Эстляндской Трудовой Коммуны было вручено почетное Красное знамя.

Eesti Punakaarts ja Punaarmee Kodusojas. Lk. 166—168.

Из воспоминаний комиссара 5-го Выруского полка М. Кульбаха о военных действиях полка после освобождения г. Орла

...Пять верст южнее Орла неприятель пытался укрепиться и даже перейти в контрнаступление, чтобы вернуть Орел и вытес-

нить оттуда наши войска. Для этого противник направил в бой два своих лучших ударных отряда — 4-ю Корниловскую дивизию и 2-ю Марковскую дивизию и офицерскую ударную группу, пытавшиеся упорно наступать, но они вынуждены были отступить. Один из самых ожесточенных боев имел место у деревни Михайловка (примерно в восьми верстах южнее Орла). Там Деникин еще раз пытался наступлением спасти свое положение. Там, между прочим, пытался прорвать наш фронт батальон белой элиты — офицеров. Бой был кровавый и ожесточенный, но победителями стали мы. Офицеры отошли, оставив много павших. 1-я бригада Эстонской красной дивизии рвалась вперед в направлении железной дороги, 2-я бригада двигалась правее...

Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 357—358.

Из воспоминаний красноармейца 3-й Эстонской артиллерийской батареи Эстонской дивизии А. Тийдре о боевых действиях на Южном фронте

...В ноябре начались снежные метели. Иногда вьюги мели подряд несколько дней, так что обозримое пространство ограничивалось несколькими шагами. Для продвижения пользовались компасом. Дошли до подступов Курска. Противник там упорно сопротивлялся, используя свои лучшие ударные полки и бронепоезда. Но задержать наше наступление он не смог. В боях под Курском наступающая пехота врага познала силу нашего точного огня [...] Утром 18 ноября 1919 г. мы маршировали уже по улицам города. Шли колонны пленных деникинцев. Их могло быть около 2 тыс. Пленные, главным образом крестьяне Орловской и Курской губерний, радовались скорому возвращению домой...

День шел за днем, бой за боем, и, чем длиннее становился пройденный нами путь, тем ужаснее были действия неприятеля. В деревнях стояли виселицы, поставленные для тех, кто уклонялся от белой мобилизации [...]

До Курска в деревнях встречались еще такие, кто не верил в нашу победу, но, чем глубже проникали мы на территорию, занятую врагом, тем легче нам было наступать. Местные жители делали все, чтобы помочь нам ускорить наступление: они снабжали нас сведениями о передвижении войск противника и продовольствием, поскольку при быстром нашем продвижении снабженческие обозы не поспевали теперь за нами.

Однажды поздно вечером мы вошли в деревню, которую занимали белые. Мы подготовили орудия к бою, а пехота — 1-й Петроградский полк — предприняла наступление. Противник укрепился в конце деревни. У него было много тяжелых пулеметов, и он прижал нашу наступающую цепь к земле. Мы открыли беглый огонь, но, несмотря на это, наша пехота стала отходить. Мы предприняли новую атаку, я тоже с несколькими добровольцами присоединился к атакующим. Враг снова открыл пулеметный огонь, но вскоре он прекратился неожиданно для него самого, и до нас дошел крик. Выяснилось, что крестьяне деревни бросились безоружными в решающий момент в бой и вилами и топорами обратили пулеметчиков в бегство. Оставшиеся в живых белогвардейцы, подгоняемые

нашими снарядами, в панике убежали из деревни. Встречали мы и партизан, которые в тылу врага уничтожали его живую силу и технику, облегчая наше наступление...

Relvaga Oktoobrirevolutsiooni kaitsel. Lk. 394—395.

Из воспоминаний А. Йеа «Товарищи женщины на фронтах гражданской войны»

...Первой женщиной в Красной гвардии эстонских трудящихся была Алисе Тислер. Дочь трудового народа, фабричная работница, она выступила со всей яростью своего характера против существующего строя, несправедливость которого осознала. Она действовала в основном во времена керенщины и первых месяцев революции трудящихся. Редко встречались женщины, которых буржуазия так ненавидела, как тов. А. Тислер. Представители буржуазного «слабого пола», скрежеща зубами, неоднократно поднимали на нее свои поганые руки. Но все это не пугало тов. Тислер, а когда трудящиеся вооружились, тогда и тов. Тислер попросила оружие. Усердно училась она пользоваться винтовкой и револьвером, упражнялась на побережье залива в стрельбе, так как буржуазия грозила наступлением. Как истинный красногвардеец трудящихся, несла караульную службу и старательно исполняла все обязанности [...] В бою под Кейла она сражалась геройски. Будучи ранена, не имея сил пользоваться винтовкой, она стреляла во врагов из револьвера, но те в большом числе ее окружили и дико с ней расправились. Первая эстонская женщина-красногвардеец пожертвовала жизнью, защищая свободу трудящихся. Да будет память о ней нам дорога, да сияет она, как звезда, в истории освободительной борьбы эстонских трудящихся!

Кроме тов. Тислер [...] в Красную гвардию вступили многие таллинские товарищи женщины санитарками. Это жизненно важно для трудящихся, чтобы помощь раненым и больным оказывали свои верные люди...

В гражданской войне, в период острейшей классовой борьбы, товарищи женщины не стояли на позициях сторонних наблюдателей. Трудно установить численность женщин, служивших в Красной Армии, но было их там немало: только во 2-м Вильяндиском полку служило 65 женщин. А если учесть другие эстонские красные части, а в каждой из них служили и женщины, то получим несколько сот человек, т. е. общая их численность будет равна примерно численности батальона периода гражданской войны...

Eesti Punakaart ja Punavägi Kodusõjas. Lk. 144—146.

Из воспоминаний генерала буржуазной Эстонии Й. Лайдонера «Прибытие англичан»

...Если бы в декабре 1918 г. английская эскадра не пришла в Таллин, судьба нашей страны и народа сложилась бы совсем иначе, чем она выглядит сегодня, мы попали бы в сферу большевистского вихря. И я полагаю, что и судьба других стран Прибалтики была бы иной, чем теперь...

Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt. Köide II. Tln., 1930. Lk. 19—20.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПО ИСТОРИИ ЭСТОНСКИХ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В 1917—1920 гг.

Ленин В. И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области//Полн. собр. соч. Т. 34. С. 385—390.

Ленин В И. К истории вопроса о несчастном мире//Полн. собр. соч. Т. 35. С. 243—252.

Ленин В. И. Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов//Полн. собр. соч. Т. 35. С. 259—290.

Ленин В. И. Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд//Полн. собр. соч. Т. 35. С. 292—305.

Ленин В. И. Речи на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. (вечером)//Полн. собр. соч. Т. 35. С. 336—338.

Ленин В. И. Телеграмма главкому И. И. Вацетису//Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

Ленин В. И. Проект директивы ЦК о военном единстве//Полн. собр. соч. Т. 38. С. 400—401.

Ленин В. И. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов 3 сентября 1919 г.//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 173—180.

Ленин В. И. К рабочим и красноармейцам Петрограда//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 230—231.

Ленин В. И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г.//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 239—247.

Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 318—331.

Ленин В. И. VIII Всероссийская конференция РКП(б) 2—4 декабря 1919 г.//Полн. собр. соч. Т. 39. С. 339—371.

Ленин В. И. VII Всероссийский съезд Советов 5—9 декабря 1919 г.// Полн. собр. соч. Т. 39. С. 385—436.

Ленин В. И. Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 24 января 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 67—71.

Ленин В. И. Доклад о работе ВЦИК и Совнаркома на первой сессии ВЦИК VII созыва 2 февраля 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 87—110.

Ленин В. И. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 111—112.

Ленин В. И. Коль война, так по-военному//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 123—124.

Ленин В. И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 125—128.

Ленин В. И. Речь на III Всероссийском совещании заведующих внешкольными подотделами губернских отделов народного образования 25 февраля 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 160—165.
Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 40. С. 166—187.
Ленин В. И. IX Всероссийская конференция РКП(б) 22—25 сентября 1920 г.: Политический отчет ЦК РКП(б) 22 сентября//Полн. собр. соч. Т. 41. С. 281—285.
Ленин В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г.//Полн. собр. соч. Т. 41. С. 344—361.
Ленин В. И. Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии//Полн. собр. соч. Т. 42. С. 17—38.
Ленин В. И. Телеграмма Л. Д. Троцкому//Полн. собр. соч. Т. 51. С. 62—63.
Ленин В. И. Л. Д. Троцкому//Полн. собр. соч. Т. 51. С. 69.
Ленин В. И. Л. Д. Троцкому//Полн. собр. соч. Т. 51. С. 80.

Ару К. С родной артиллерией. Тал., 1977.
Балтийские моряки в борьбе за власть Советов (ноябрь 1917—декабрь 1918): Док. и мат. Л., 1968.
Борьба за Советскую власть в Прибалтике. М., 1967.
Вайно К. Советская Эстония вчера, сегодня, завтра. Тал., 1980.
Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии: Сб. док. и мат. Тал., 1958.
Военно-революционный комитет Эстонского края. 1917—начало 1918 г. (Из протоколов ВРК)//Красный архив. 1940. Т. 4 (101).
Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): Сб. док. М., 1969.
Директивы командования фронтов Красной Армии (1917—1922): Сб. док. Т. I—IV. М., 1971—1978.
Документы внешней политики СССР. Т. I. М., 1957; Т. II. М., 1958.
Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931.
Знаменосцы революции: Краткие биографии выдающихся революционеров, действовавших в Эстонии. Тал., 1958.
История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней). Тал., 1958.
История Эстонской ССР (с марта 1917 г. до начала 50-х гг.): В 3 т. Т. III (с марта 1917 г. до начала 50-х гг.). Тал., 1974.
Как был сдан Псков (май 1919 г.): Доклад председателя Псковского губисполкома в Президиум ВЦИК//Красная летопись. 1929. № 5 (32).
Кауп Э. Незабываемые страницы революционной борьбы трудящихся Сааремаа//Коммунист Эстонии. 1959. № 2.
Караев Г. Н. Разгром Юденича. М., 1940.
Кингисепп В. Борьба против иностранных империалистов и их пособников: Сб. стат. и листовок. Тал., 1956.
Кингисепп В. Под игом независимости. Тал., 1955.
Костяев Ф. Интервенция в Прибалтике. Кто должник?: Сб. документированных статей... М., 1926.
Котельников Б. Легендарный поход: (К 40-летию Ледового похода Балтийского флота — героического подвига моряков и эстонских красногвардейцев)//Коммунист Эстонии. 1958. № 2.
Кровяков Н. С. «Ледовый поход» Балтийского флота в 1918 году. М., 1955.

Кырвитс Х. Эдуард Сырмус. Тал., 1972.
Кэбин И. Октябрьская революция и эстонский народ. Тал., 1967.
Либман А. О военно-политическом союзе Эстляндской Трудовой Коммуны с РСФСР//Коммунист Эстонии. 1972. № 6.
Либман А , Маамяги В. Участие эстонских трудящихся в Ледовом походе кораблей Балтийского флота//Исторический опыт Великого Октября. М., 1975.
Либман А., Маттизен Э. Логика истории. Тал., 1968.
Ломбак А. Пламенные годы: Воспоминания. Тал., 1981.
Любарский А. Одного кремня искры. Тал., 1983.
Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Тал., 1977.
Маамяги В. 90 лет со дня рождения Я. Пальвадре//Коммунист Эстонии. 1979. № 4.
Маамяги В. Красная гвардия Эстонии//Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1987. № 3.
Маяк Р. Начало долгого пути. Тал., 1984.
Мирный договор между Россией и Эстонией: Документы внешней политики СССР. Т. II. М., 1958. С. 339—354.
Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Ч. I. Тал., 1961.
Пегельман Г. Революция 1917 г. в Эстонии//Красная летопись. 1933. № 5—6.
Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями: Сб. док. Т. I—VIII. М., 1957—1974. Примеч.: с IV тома — ЦК РКП(б).
Петров М. А. Совместная борьба эстонских и русских трудящихся за победу Октябрьской социалистической революции//Известия АН Эстонской ССР. Сер. обществ. наук. 1957. № 3—4.
Полетаев О., Нугис А. Огненные годы. Тал., 1977.
Полетаев О., Нугис А. На крыльях Родины. Тал., 1981.
Причины падения Пскова в 1919 г.//Красная летопись. 1929. № 5(32). Доклад военного комиссара 10-й стрелковой дивизии и Псковского боевого участка Я. Ф. Фабрициуса от 10 июня 1919 г
50 лет Коммунистической партии Эстонии. Торжественное заседание Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии и Верховного Совета Эстонской ССР, посвященное 50-й годовщине Коммунистической партии Эстонии и 31-й годовщине Эстонской ССР, 21 июля 1971 года: Стенографический отчет. Тал., 1971.
Разгром белых под Орлом. Орел, 1939.
Разгром немецких захватчиков в 1918 г.: Сб. док. и мат. М., 1943.
Руднев Д. Иван Васильевич Рабчинский: (Рабочий-большевик, один из руководителей Октябрьской революции в Эстонии. 1879—1956). Тал., 1962.
Руднев Д. Виктор Кингисепп: Биографический очерк. Л., 1962.
Руднев Д Сбереженное людьми и временем: Документальные очерки: Роль В. И. Ленина в истории Эстонии. Тал., 1960.
Руднев Д. Жизнь Виктора Кингисеппа: Биографическая повесть. Тал., 1986.
Саат И. Большевики Эстонии в период Октябрьской революции. Тал., 1956.
Саат И., Сийливаск К. Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Тал., 1977.
Савченко Ю. Герои Найссаара. Тал., 1960.

Тайгро Ю. Борьба трудящихся Эстонии за Советскую власть и мир (1918—1920). Тал., 1959.
Типнер И. О боевом пути эстонских частей Красной Армии (1917—1920). Тал., 1957.
Типнер И. В огне революции. Тал., 1964.
Сийливаск К. Первые бои зарождавшейся Советской Армии на территории Эстонской ССР//Коммунист Эстонии. 1954.
Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик: Сб. док.: В 3 т. 1917—1936. Т. II. М., 1960.
Тайгро Ю. В годы гражданской войны: Под знаменем Октября. М., 1959.
Тайгро Ю. Участие эстонских красных полков в гражданской войне 1918—1920 годов//Труды Таллинского политехнического института. Серия Б. 1960. № 1.
Эстонские красные стрелки в степях Украины. Тал., 1975.
Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Изд. 2. Л., 1927.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

* Указатель имен составила Рихтер Е. В.
В указатель не включены персоналии раздела «Источники и литература».

СОДЕРЖАНИЕ

Маамяги В. А.

М12 В огне борьбы: (Красные эстонские стрелки). — М.: Мысль, 1987. — 235, [2] с.

ISBN 5-244-00059-4

Автор книги — академик АН Эстонской ССР — привлек многообразный документальный (в том числе архивный) материал, ярко и убедительно рассказывающий об одной из незабываемых и славных страниц героического прошлого — о подвигах красных эстонских стрелков на фронтах гражданской войны.

Для широких кругов читателей.

М $\frac{0505030100\text{-}029}{004(01)\text{-}87}$ 72-86 **ББК 63.3(2)712**

В. А. Маамяги

В ОГНЕ БОРЬБЫ

(Красные эстонские стрелки)

Заведующий редакцией В. С. Антонов
Редактор Г. И. Пылаева
Младший редактор Т. В. Бажанова
Оформление художника А. Я. Толмачева
Художественный редактор И. А. Дутов
Технический редактор Т. В. Лячина
Корректор Т. М. Шпиленко

ИБ № 3413

Сдано в набор 09.07.87. Подписано в печать 29.10.87. А 09200. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Обыкновенная новая гарнитура. Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 12,6. Уч.-изд. л. 14,14. Тираж 20 000 экз. Заказ № 1165. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская, 1.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, демографии, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихся во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».